

2 РУССКАЯ РЕЧЬ 1984

МАРТ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

АПРЕЛЬ

В НОМЕРЕ:

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

П. Н. Денисов. О титле Словаря языка В. И. Ленина	3
Е. Л. Лилеева. Словарь языка В. И. Ленина и академические словари	9
Т. Ф. Иванова. Слово «дисциплина» у В. И. Ленина	16

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>К 175-летию со дня рождения Н. В. Гоголя</i>	
Б. И. Матвеев. Живое и меткое слово Н. В. Гоголя	21
Л. А. Гладышева. Птица-тройка	26
Ким Рехо. Гоголь в Японии	30
А. Д. Шмелев. Изображение действительности в ранней прозе В. А. Жуковского	39
В. М. Фонштейн. Стихотворение «Первый снег» П. А. Вяземского	45
О. Н. Панченко. «Невероятная близость переживаний» (О тематических перекличках в лирике А. Блока и И. Анненского)	51
А. А. Буров. «Души изменчивой приметы...» (Фразовые наименования в прозе И. А. Бунина)	57

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. А. Глинкина. Речевой этикет: «ты» и «вы»	62
Т. С. Коготкова. Всегда ли нужны приставочные образования?	68
В. И. Коновалко. С большой буквы	75

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Степан Григорьевич Бархударов (1894—1983)	81
---	----

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ	80
---------------------	----

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Л. И. Житенева. «Газетность» — примета стиля	85
--	----

СРЕДИ КНИГ

<i>Л. К. Граудина.</i> Беседы о русской грамматике . . .	90
<i>В. В. Одинцов, Г. П. Смолицкая, Е. И. Голанова,</i> <i>И. А. Василевская.</i> Школьный словарь иностран- ных слов . . .	91
<i>М. В. Горбаневский.</i> В мире имен и названий . . .	121
<i>В. Ф. Барашков.</i> Знакомые с детства названия . . .	123

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ**

<i>В. М. Санги.</i> «Пусть живут, как два брата, наши два языка»	93
---	----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

<i>Г. В. Судаков.</i> В чем носили деньги древние русичи?	99
<i>А. В. Чернецов.</i> Загадка посоха Геронтия . . .	105

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

<i>Е. Н. Иванецкая.</i> «Там ступа с Бабою-Ягой...»	112
---	-----

НА КАРТЕ РОДИНЫ

<i>М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский.</i> Господни Великий Новгород	116
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

<i>Г. Ф. Одинцов.</i> Засапожник, меч, шерешпр... в «Слове о полку Игореве»	126
<i>Н. А. Титаренко.</i> Какого цвета яхонт?	134
<i>Е. И. Державина.</i> «Срубилша градъ новъ»	139
<i>А. Г. Степанян.</i> Правда и истина	142
<i>М. И. Полинская.</i> «Торговали соболями, черно- бурыми лисами...»	146
<i>Е. И. Коряковцева.</i> Дрейфуя, не дрейфить	148
<i>Н. В. Рождественская.</i> Олимпийский	151
<i>О. Е. Симонова.</i> Волчья сыть, сыта и досыта . .	155

Кроссворд	125
---------------------	-----

На обложке: Рисунок Б. Захарова

О ТИПЕ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА

В Словаре языка В. И. Ленина, который составляется в Институте русского языка АН СССР, будет представлена вся чрезвычайно богатая и разнообразная лексика и фразеология «Полного собрания сочинений» в 55 томах. В картотеке содержится свыше 2,5 миллиона карточек-цитат; разных слов насчитывается более 37 тысяч. Это число превышает все известные нам словники словарей писателей и философов. Количество карточек на каждое слово означает частоту употребления данного слова в произведениях В. И. Ленина.

12 тысяч слов, или почти треть всего словника, встречаются в тексте один раз. Если на какое-то слово в картотеке имеется одна-две или три-четыре карточки, то, значит, мы не располагаем ни достаточным числом грамматических форм слова, ни достаточным разнообразием контекстов, ни необходимыми стилистическими употреблениями, которые позволили бы поставить эмоционально-экспрессивную помету.

Глагол *акклиматизироваться* встретился только один раз в форме причастия: «...капитализм создал местную интеллигенцию из акклиматизировавшихся европейцев...» (Полн. собр. соч. Т. 23, с. 145); о существительном *автупулемет*, встретившемся тоже один раз: «Овоздали с автупулеметами» (т. 51, с. 50), можно лишь предположительно сказать, что оно означает пулемет, установленный на автомобиле (такое определение в словаре сигнализируется вопросительным знаком). Слово *агиткартошка*, употребленное в кавычках, остается неясным как по смыслу, так

и стилистически: «Когда нам будет дан материал... тогда у нас дело пойдет и проявится не только в разговоре об „агиткартошке“...» (т. 42, с. 171).

Экспериментальное составление словарных статей первого тома показало, что часто и семи-восемью карточек недостаточно для показа грамматических форм, для истолкования значения и для установления эмоциональной оценки слова. Наиболее «благополучными» можно считать слова, встречающиеся от 11 до 500 раз: это среднечастотные слова, они документированы разнообразными примерами, показывающими ясно и четко грамматические, семантические и экспрессивно-стилистические особенности ленинского слова. Таких слов — свыше 11 200.

Фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова, выражения афористического и образного содержания, почерпнутые из русской и мировой классики, летописей и евангелий, античной и новой истории и т. д., относятся к низкочастотным единицам, встречающимся в тексте «Полного собрания сочинений» от 1 до 10 раз. Описание этих единиц имеет свои специфические трудности: трансформация фразеологизмов, пословиц, библеизмов и т. п., расшифровка всех литературных и иных скрытых в тексте цитат, намеков, реминисценций. Кроме того, есть проблемы общие, свойственные всем низкочастотным словам: трудность или невозможность установления исходной («капониической») формы фразеологизма, пословицы, библеизма, скрытой цитаты и т. д., их семантической и экспрессивно-стилистической характеристики. Так, устаревшее церковно-славянское слово *агнец* — «ягненок» встретилось у Ленина 4 раза. Переносные употребления слова порождают разнообразные устойчивые сочетания:

1) *непорочный, послушный агнец* (как иносказание, олицетворение кротости, невинности); эмоциональное отношение автора к кротости может быть отрицательным (ироническим, саркастическим) вплоть до неверия в эту кажущуюся кротость: «... мы... вовсе не представляем себе, чтобы где-нибудь представители [капиталистической.— П. Д.] торговли превратились в агнцев и, превратившись в агнцев, предоставили нам всяческие блага задаром» (т. 45, с. 306);

2) *кроткий, ласковый агнец* — иронически или саркастически подчеркивается лжекротость: «Нас душит Германия, на нас наступают Япония [в 1918 г.— П. Д.]. И вот в это тяжелое время меньшевики и правые эсеры, эти

ласковые агнцы, кричат о нашей жестокости, забывая о том, что они поставили виселицу для тов. Шаумяна» (т. 36, с. 215);

3) противопоставление *волки — агнцы*: «Либо победить Калединых и Рябушинских, либо сдать революцию. Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции... Как же это волки станут агнцами» (т. 35, с. 230). Данная группа употреблений осложняется не только несовпадением идеальных образов, олицетворяемых волком и агнцем, но и тем, что фактически находит свое воплощение в других словах и выражениях: *овца, теленок, пастырь, пастух, стадо, волк в овечьей шкуре* и т. д. «Учредительное собрание старого образца и референдумы старого образца ставили своей задачей объединить волю всей нации и создать возможность дружно жить волкам и овцам, эксплуататорам и эксплуатируемым» (т. 35, с. 307); «Мы и не мечтали о том, что вот — мы повоевали, и наступит мир, и социалистический теленок рядом с капиталистическим волком обнимутся» (т. 42, с. 71); «Вы видите, товарищи крестьяне, что, составляя списки 17 октября и на выборах в Учредительное собрание 12-го ноября, крестьянство *не могло* еще знать правды о земле и о мире, *не могло* отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры» (т. 35, с. 153—154); «Да, да, ведется газета „Луч“ отвратительными либералами, но еще несколько таких полезных передовиц, как в № 189, и рабочие окончательно распознают этих „дурных пастырей“». Продолжайте, господа лучисты, дорога скатертью!» (т. 23, с. 162).

В таких случаях форма фразеологизма становится очень неустойчивой, а при знании истоков ассоциативного ореола любое изменение сочетания понимается легко. Все три группы употреблений — библейского происхождения: «Тогда волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком».

Приведенные примеры показывают, что «уже самый набор слов и состав значений, стилистическая оценка слов, которые не будут совпадать со всем гигантским лексико-семантическим океаном русского литературного языка конца XIX — первых десятилетий XX в., составляет весьма существенную специфическую особенность языка В. И. Ленина как великого общественно-политического деятеля, ученого и писателя» (Филин Ф. П. О словаре языка В. И. Ленина. — ВЯ, 1974, № 6).

Анализ более двухсот словарей языка русских, украинских, грузинских, английских и американских писателей показал наличие следующих типов словарей: глоссарий (список словоформ), конкорданс (перечень контекстов употребления слова), индекс (список любых единиц), толковый, фразеологический, терминологический, энциклопедический, тематический, этимологический, переводной. Глоссарии, конкордансы, индексы, а также частотные, орфоэпические и другие словари не дают истолкования языка писателя.

Словари, лишь перечисляющие слова, формы слов, части слов в прямом и обратном алфавитном порядке с указанием частот и без этого указания, составляют подавляющее, абсолютное большинство в отечественной и зарубежной писательской лексикографии. Особенно оживилась эта разновидность лексикографии в 60—80-х годах текущего столетия благодаря электронно-вычислительным машинам: словари без толкования значения слов, без каких-либо пусть даже робких попыток проникнуть в лексико-семантическую и стилистическую системы писательского творчества. Наличие картотеки Словаря языка В. И. Ленина означает наличие полного конкорданса; словник с указанием частот означает наличие частотного словаря языка В. И. Ленина; алфавитно-частотный указатель, составленный за последние два года, означает комбинированный тип формального словаря: частотный словарь, соединенный с потенциальным конкордансом.

Словари, пытающиеся толковать значения слов языка писателя, составляют меньшинство. Они разнообразны по жанру и интересны как образцы подхода к раскрытию языка великих писателей. Если сравнить макет первого тома Словаря языка В. И. Ленина в его теоретической и практической частях с имеющимися словарями Шекспира, Шевченко, Пушкина, Горького и др., то оригинальность Словаря языка В. И. Ленина, его приоритетность в первую очередь обеспечивается личностью В. И. Ленина — величайшего пролетарского революционера и мыслителя, продолжателя дела К. Маркса и Ф. Энгельса, организатора Коммунистической партии Советского Союза, основателя Советского социалистического государства, учителя и вождя трудящихся всего мира. Поэтому новизна типа Словаря языка В. И. Ленина заключается не в его внешних формах, а в его внутреннем содержании и в тех конкретных в в

значительной мере новых приемах раскрытия этого содержания.

Возьмем для иллюстрации такой лексический пласт, как термины, характерный для Словаря языка В. И. Ленина и не характерный ни для Данте, ни для Гёте, ни для Шекспира, ни для Пушкина:

Абсолютизм (встречается более 100 раз). «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю» (т. 4, с. 251—252); «...прямой интерес рабочих требует поддержки всякого общественного движения против абсолютизма (абсолютный — значит неограниченный; абсолютизм — неограниченная власть правительства)» (т. 2, с. 108); «Что же значит ниспровержение абсолютизма? Это значит отказ царя от неограниченной власти; предоставление народу права выбирать своих представителей для издания законов, для надзора за действиями чиновников, для надзора за собиранием и расходом государственных средств» (т. 4, с. 252).

Данная словарная статья невозможна ни в каком-либо ином типе словаря, кроме ленинского. Она представляет нам образ величайшего пролетарского революционера и мыслителя. Владимир Ильич четко определяет понятие абсолютизма, ставит его в синонимический ряд (*самодержавие, неограниченная монархия*), разъясняет смысл этого явления, а главное — нацеливает рабочий класс на борьбу против абсолютизма.

Вакуфный — встречается один раз в составе термина *вакуфные земли* — земли в областях с мусульманским населением, не подлежавшие продаже и передаче из одних рук в другие. Доходы с вакуфных земель находились в распоряжении главным образом мусульманского духовенства. Советская власть передала эти земли в государственный земельный фонд. В «Полном собрании сочинений» читаем: «Он [депутат II Государственной Думы Медведев.— Ш. Д.] приводит приказ „братьев-татар“, жалующихся на расхищение вакуфных земель» (т. 16, с. 389).

Для подобных терминов необходима, конечно, энциклопедическая справка, иначе современный читатель не поймет ленинский текст. Употребление терминологического сочетания *вакуфные земли* свидетельствует об интересе В. И. Ленина к проблемам землевладения и землепользования на национальных окраинах царской России.

Агрессия — употреблен всего один раз в контексте: «Единственные признаки дальнейшей военной агрессии против нас имеют место только со стороны Польши...» (т. 40, с. 154).

Вопрос о необходимости разработки общепринятого определения понятия «агрессия» впервые был поставлен СССР в 1933 году. XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН (1974 г.) приняла определение понятия «агрессия», содержащее свыше 500 слов, в котором нашли отражение основные положения предложений СССР.

Агрессия — понятие современного международного права, которое охватывает любое незаконное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или народа (нации). Так определяется понятие агрессии в «Советском Энциклопедическом Словаре» (М., 1980). В «Полном собрании сочинений» нет ни прямых, ни косвенных контекстных сведений, позволивших бы реконструировать ленинское понимание и определение данного термина. Учитывая это, а также то, что в отличие от термина *вакуфные земли* термин *агрессия* понятен современному читателю, составители Словаря языка В. И. Ленина считают возможным оставить этот термин без толкования.

Особый случай представляют термины типа *толстовство*, *толстовщина* и др. Для них также отсутствуют необходимые контексты, но можно попытаться определить значение этих терминов при помощи анализа всех статей Ленина о Толстом.

Не касаясь многих тонкостей будущего издания, сказанное позволяет утверждать, что Словарь языка В. И. Ленина — принципиально новый тип словаря писателя в отечественной и мировой лексикографии.

В. И. ДЕНИСОВ

«...условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 188).

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА И АКАДЕМИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Лексико-семантическое богатство толковых словарей литературного языка зависит от объема его источников, из которых берется материал, и от характера их разработки. Во Введении к первому тому 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» указывается, что Словарь призван охватить «все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней», и приводится список литературных источников, содержащий в себе «основные литературные и политические произведения (как отдельные, так и в собраниях сочинений), из которых были сделаны широкие выборки словарных материалов...»

Важное место среди источников занимают сочинения В. И. Ленина, и многие философские, экономические, общественно-политические термины иллюстрируются в Словаре ленинскими цитатами (например, *анархизм, аннексия, закон, двоевластие, диалектика, диктатура, гегемон, класс, коммунизм, ликвидаторство* и мн. др.). Но источники Словаря, собрание сочинений В. И. Ленина в том числе, никогда не подвергались сплошной выборке, поэтому создание алфавитной картотеки Словаря языка В. И. Ленина на основе полной выборки по 5-му изданию «Полного собрания сочинений» имеет большое значение не только для развития лингвистической Ленинианы, но и для отечественной лексикографии в целом.

Ленинская картотека — это уникальный и надежный источник, документирующий один из ответственных периодов в развитии русского литературного языка (конец

XIX — первых десятилетий XX в.), когда словарный состав языка активно пополнялся новыми словами, когда происходили изменения в значениях известных слов. Впервые лексикографы могут иметь в своем распоряжении разработку языка В. И. Ленина в гораздо большем объеме, чем они располагали прежде. Это позволит шире использовать ленинские цитаты для иллюстрирования как терминов, так и других категорий слов.

*

В 17-томном Словаре перепосное значение слова *кустарничество* — «работа, ведущаяся разобщенно, неорганизованно, примитивно» подкрепляется цитатой, из которой данное значение не выводимо. В ленинской картотеке есть тексты, раскрывающие содержание данного понятия, например: «Но кроме неподготовленности в понятие „кустарничества“ входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую „теорию“, т. е. преклонение пред стихийностью и в этой области» (т. 6, с. 104).

Слово *коллорабационизм* (франц. *collaboration* — сотрудничество, совместные действия) определено как «предательское сотрудничество с врагами своей родины во время оккупации ее фашистскими войсками в период второй мировой войны», но никак не иллюстрировано. Так же представлено и слово *коллорабационист*. Если бы в распоряжении составителей 17-томного Словаря имелась ленинская картотека, то эти слова можно было иллюстрировать и, что главное, нужно было дать другие словарные определения.

Употребление этих слов в языке В. И. Ленина — один из этапов их жизни, их истории: «...нельзя ограничиться обычным принципиальным отрицанием всякого сотрудничества пролетариата с буржуазией, всякого „коллорабационизма“» (т. 41, с. 489); «Коллорабационистами, сторонниками (и проводниками) блока пролетариата с буржуазией и собственниками следует считать не только тех, кто проводит эти идеи прямо, за блок в правительстве и т. п., но и тех, кто проводит их *косвенно*, например, стоит за равенство рабочего класса и класса мелких собственников, за равноправие их точек зрения и т. п.» (т. 41, с. 449).

Из приведенных примеров ясно, что не стоило ограничивать употребление данных слов узким историческим периодом, что толкования их в словаре должны быть более обобщенными: *коллорационизм* можно определить как «предательское сотрудничество».

Ленинская картотека также может служить источником для пополнения словника нового академического словаря. Свыше четырех тысяч слов, имеющих место в ленинском лексиконе, отсутствуют в 17-томном Словаре (подробно о разрядах этих слов можно прочесть в статье Е. Л. Лилеевой «О составе Словаря языка В. И. Ленина». — Русская речь, 1983, № 2). Естественно, что многие из этих слов и не должны включаться в словники общефилологических словарей. Это прежде всего многочисленные образования от имен собственных, ставшие историзмами, сложносокращенные слова, узкоспециальная философская терминология, индивидуально-оказиональные образования и др. Но всесторонний научный анализ данного лексического пласта позволит выделить и такие разряды слов, которые не вошли в Словарь, может быть, лишь потому, что они не встретились в источниках.

Дополнить словник можно прежде всего теми словами, которые являются производными от уже имеющих в Словаре слов, и пополнить ими словообразовательные гнезда. В 17-томный Словарь включены отвлеченные существительные и соотносительные с ними наименования со значением лица: *буддизм* — *буддист*, *солипсизм* — *солипсист*, *сенсуализм* — *сенсуалист*, *примиренчество* — *примиренец*. Но некоторые подобные словообразовательные пары представлены одним каким-либо словом. Так, в Словаре есть слова *эмпиросимволизм*, *психомонизм*, *эмпириомонизм*, а соотносительных с ними существительных со значением лица нет, но их употреблял В. И. Ленин: «И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонист и эмпиросимволист в болото» (т. 47, с. 142—143); «Мимо этих групп, мимо „эмпириомонистов“, „богостроителей“, „анархистов“ и т. д. рабочее движение пойдет под знаменем марксизма» (т. 24, с. 341).

Или, наоборот, при наличии в Словаре существительного со значением лица, например, *рекламист*, отвлеченное существительное *рекламизм*, более емкое по смыслу, отсутствует. Приведем употребление этого слова у В. И. Ленина: «Новоисковцы не дремлют (теперь они еще „перехватили“ прибывших в Женева матросов, заманивали их, веро-

ятно, со свойственным им торгашеским рекламизмом в политике...» (т. 47, с. 53).

В Словарь «включаются на общих основаниях (употребительность в произведениях литературы от эпохи Пушкина до нашего времени и в современном устном общенародном языке) все производные слова, созданные посредством аффиксов, причем учитывается наличие разнообразных параллельных образований, как имеющих различие в своих значениях, так и совпадающих по своим значениям, напр.: *обмочить* и *омочить*, *обколотить* и *околотить*, *интеллигентский* и *интеллигентный*, *комический* и *комичный*, *каннибализм* и *каннибальство*, *отправлѣние* и *отправка*, *пропальвание* и *пропалка* и т. п.» (Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка». М.—Л., 1958, с. 16).

Материалы ленинской картотеки могли бы значительно расширить круг варьруемых слов. В Словарь вошли слова *кантианство*, *лендлордство*, *якобинство*, *дарвиновский*, *фидеистический*, *авантюристический*, *авантюристский*, *шовинистический*, *империалистический*, *капиталистический*, *дуалистический*, но нет словообразовательных вариантов: *кантианизм*, *лендлордизм*, *якобинизм*, *дарвинистский*, *фидеистский*, *авантюристичный*, *шовинистичный*, *империалистичный*, *капиталистичный*, *дуалистичный*. Все они представлены в ленинской картотеке, особенно широко — варианты формы прилагательных на *-ичный*, по значению обособившихся от форм на *-ический* и выражающих оттенок внутренней качественности, что особенно четко ощущается, когда они употребляются в одном контексте: «„Эпоха империализма“ сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав...» (т. 30, с. 8).

Функционирует в тексте ленинских работ и отвлеченное существительное *авантюристичность*, образованное от прилагательного *авантюристичный*: «...III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности...» (т. 17, с. 360); «Когда марксисты говорят об авантюристичности известных группок, они имеют при этом в виду вполне определенные общественно-исторические особенности такого явления, с которым надо быть знакомым всякому сознательному рабочему» (т. 25, с. 220).

Недостаточная представленность в Словаре различного рода приставочных образований, особенно с приставками *не-*, *пре-*, *полу-* и др., привела к тому, что некоторые из таких слов включает словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971), хотя они есть у В. И. Ленина. Например, слово *некапиталистический* со значением «не являющийся капиталистическим, минующий стадию капитализма (об общественно-экономическом развитии страны)» иллюстрируется цитатой из журнала «Огонек» и газеты «Правда» за 1967 год, в то время как это слово представлено в ленинской картотеке 24 карточками-цитатами, в основном в сочетаниях со словами *путь*, *развитие* и некоторыми другими. В беседе с делегацией Монгольской Народной Республики В. И. Ленин широко развил идею возможности и необходимости некапиталистического развития МНР: «...главным условием, обеспечивающим переход на путь некапиталистического развития является усиление работы народно-революционной партии и правительства, чтобы в результате этой работы и усиления влияния партии и власти росли кооперативы, прививались бы новые формы хозяйствования и национальной культуры, чтобы вокруг партии и правительства сплывалось аратство за экономическое и культурное развитие страны» (т. 44, с. 233). Слово *ненасильственный* — «связанный с тактикой ненасилия, не основанный на насилии, применении силы» — в этом словаре-справочнике датируется тоже 1967 годом. А вот пример из ленинской картотеки: «Выходит, что монополии в экономике совместимы с монополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике» (т. 27, с. 390).

Отдельные приставочные образования, имеющие место в словнике В. И. Ленина, можно встретить в выпуске «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77» (М., 1980), в списке слов без описания, куда входят слова, отсутствующие в толковых словарях, словарных картотеках, но вызывающие сомнение в отношении их новизны. Это такие, например, слова: *невиданность*, *невывоз*, *недемократический*, *полуправда* и др.

Производных слов, которые могли бы обогатить словник толкового словаря, в ленинской картотеке достаточно много. Так, по нашим подсчетам, только существительных, отвлеченных и со значением лица, около 500. В это число не входят образования от имен собственных. Кроме этой

категории слов, можно расширить круг диалектизмов и иностранных слов, включаемых в общие словари.

Уже при предварительном знакомстве с картотеккой выявляется большой круг слов, образно-переносное значение которых не отражено Словарем по тем или иным причинам. Ограничимся отдельными примерами.

Водянка. В Словаре отмечается два значения: 1) скопление жидкости в тканях вследствие пропитывания их жидкой частью крови или лимфой (*мед.*); 2) *устар.* Наниток из ягодного сока, содержащий небольшое количество алкоголя. В языке В. И. Ленина это слово употребляется в образно-переносном значении, для обозначения многословия при бедности содержания чего-либо: «...устав страдает трудно излечимой водянкой» (т. 8, с. 233).

Ливрейный. В Словаре это слово определяется как относительное прилагательное — «относящийся к ливрее», а у В. И. Ленина оно функционирует как качественное прилагательное, со значением «угодливый, раболепный»: «*Энциклопедия либерального ренегатства* охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего мироощущения русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих „ливрейных“ чувств (и соответствующей „ливрейной“ политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще» (т. 19, с. 168).

Солить. В Словаре отмечено три значения: 1) сыпать соль в какое-либо или на какое-либо кушанье; приправлять солью по вкусу; 2) заготавливать впрок с солью, в соленом растворе; 3) *перен. разг.* делать неприятности, вредить кому-либо.

В языке Р. И. Ленина не реализуется ни одно из этих значений. Глагол употреблен шесть раз, в письмах, в переносном значении, не зафиксированном Словарем, — «надолго задерживать исполнение, решение чего-либо». В том же значении употреблены и глаголы *засолить*, *засолиться*: «С делом о Шатурке (№ 3 в обложке) Вы явно виноваты. Получено 14 IV. Сегодня 23 V. Вы засолили, не напоминая мне, ни Смольянинову. Так нельзя. Нельзя солить» (т. 52, с. 206); «Тезисы о внешней торговле засолились. Я давным-давно назначал 2—3 дня» (т. 54, с. 160); «Засолилось дело с проектом постановления СНК о *коллективном снабжении...*» (т. 52, с. 274).

Слова с переносно-образным значением активно живут в системе ленинского языка, вступая в различные словообразовательные связи. У слова *вермишель*, кроме прямого значения, в Словаре отмечается и переносное — «о большом количестве каких-либо разнообразных мелких дел», но прилагательное *вермишельный* соотносится только с прямым значением, дается пример *вермишельный суп*. По данным ленинской картотеки, не только слово *вермишель* употреблено с переносным значением: «Госплан не только не страдает академизмом, а, совсем наоборот, страдает перегруженностью от чересчур мелкой, злободневной „вермишели“» (т. 45, с. 181); «...оппортунисты, привыкшие к парламентской „вермишели“...» (т. 22, с. 78—79); «...освободить себя от вермишели...» (т. 44, с. 370), но и прилагательное *вермишельный*, а также отвлеченное существительное *вермишельность*: «...нет и не может быть государственного учреждения, в котором не было бы вермишельных дел», «...говорить против вермишельности — это несерьезно» (т. 42, с. 166).

Конечно, не все подобные переносные значения должны входить в Словарь, так как они часто отражают «речевую ситуацию» той эпохи. Но очевидно, что если основная картотека 17-томного Словаря будет пополнена необычайно богатыми материалами ленинского словоупотребления, то отдельные яркие переносные значения могут войти, по усмотрению составителей, в семантическую структуру соответствующих слов.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что академический словарь русского языка — словарь с исторической перспективой в подаче слов. Он охватывает лексику от Пушкина до наших дней. Не все микропериоды этого времени одинаково изучены и документированы. Ленинская картотека и Словарь языка В. И. Ленина имеют важное значение в изучении истории русского литературного языка — малоисследованного периода конца XIX — начала XX века.

Е. Л. ЛИЛЕВА

«Наша печать должна стать орудием подтягивания отстающих, воспитания к работе, к трудовой дисциплине, к организации» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 308).

СЛОВО «ДИСЦИПЛИНА» У В. И. ЛЕНИНА

Слово *дисциплина* по праву называют сейчас ключевым словом пятилетки. В связи с этим представляет интерес употребление его В. И. Лениным в своих работах. В картотеке Словаря языка В. И. Ленина слово *дисциплина* зарегистрировано более 400 раз. Это означает, что оно относится к важным, определяющим словам эпохи строительства социализма и коммунизма. «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов», — писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 39, с. 14).

В литературном языке слово *дисциплина* однозначна. В толковых словарях русского языка отмечается наличие омонима; например, в «Словаре русского языка» в 4-х томах читаем: *дисциплина* — отрасль научного знания, учебный предмет. Примеров с таким значением в ленинской картотеке нет.

В ленинском употреблении это обычное слово становится боевым, действенным. В одних случаях оно связано с конкретной обстановкой, в других — В. И. Ленин дает исторические обобщения, бросает взгляд в будущее, подчеркивая роль дисциплины в строительстве нового общества.

В ряде примеров речь идет о дисциплине для трудящихся при эксплуататорском общественном строе: «Крепостническая организация общественного труда держалась

за дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода...» (т. 39, с. 13); «В старом капиталистическом обществе дисциплину над трудящимися осуществлял капитал постоянной угрозой голода» (т. 36, с. 145). Частью общей характеристики капиталистической дисциплины становится у В. И. Ленина дисциплина в старой, царской армии: «...армия есть самый закорюченный инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, поддержки господства капитала, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся» (т. 37, с. 295); «Ясно, что братанье есть путь к миру... Ясно, что этот путь *начинает ломать* проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат „своим“ офицерам и генералам, своим капиталистам...» (т. 31, с. 459).

Эта группа контекстов и характеристика дисциплины, содержащаяся в них, служит В. И. Ленину отправной точкой для контрастного сравнения, противопоставления старой (крепостнической, капиталистической) и новой (социалистической) дисциплины.

Подавляющее большинство контекстов (более 300) относится к формированию в трудящихся массах новой дисциплины в ходе строительства социализма, раскрытию ее основных черт. В. И. Ленин характеризует эту дисциплину словами *трудовая, сознательная, пролетарская, товарищеская, социалистическая, коммунистическая, строжайшая, железная*. Именно такая дисциплина, последовательно осуществляемая во всех областях жизни страны, является залогом победы социализма:

«Но когда народ поймет, что только организованность даст ему возможность сплочения, создания товарищеской дисциплины,— тогда никакие подвохи буржуазии не будут для него опасны» (т. 35, с. 325—326); «Выросла новая, коммунистическая дисциплина, дисциплина сознательная, дисциплина трудящихся. И этот факт дает нам полное основание надеяться с уверенностью, что мы можем отстоять и отстаим социалистическое отечество и победу международной пролетарской революции» (т. 37, с. 128); «Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что без-

условная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией» (т. 41, с. 6).

В. И. Ленин раскрывает основы социалистической дисциплины в отличие от старой: «...мы говорим: от всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина. Было время, когда без крепостной дисциплины нельзя было вести хозяйства, когда была одна дисциплина — палка, было время господства капиталистов, когда силой дисциплины был голод. Теперь же, со времени советского переворота, со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах, дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всеческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе» (т. 36, с. 500).

Создание Красной Армии было беспримерным общенародным делом. Оно стало возможным благодаря перелому в сознании масс, а победа в гражданской войне имела решающее значение для дела построения социализма. Поэтому В. И. Ленин не только сравнивает старую и новую, красноармейскую дисциплину, но и призывает воспитывать такую же сознательную дисциплину на разных участках хозяйственного строительства: «Героизм трудящихся масс, сознательно приносящих жертвы делу победы социализма, вот что является основой новой, товарищеской дисциплины в Красной Армии, ее возрождения, укрепления, роста» (т. 39, с. 5); «Красную Армию мы вели к победе не только агитацией, но и строгой железной дисциплиной. То, что было устроено в Красной Армии, необходимо создать на всех фронтах труда» (т. 40, с. 112).

*

Особенно часто В. И. Ленин говорил об историческом значении дисциплины для победы социалистической революции и строительства социализма в нашей стране: «Если подумать о том, что же лежало в конце концов в самой глубокой основе того, что такое историческое чудо произошло, что слабая, обессиленная, отсталая страна победила сильнейшие страны мира, то мы видим, что это — централизация, дисциплина и неслыханное самопожертвование» (т. 40, с. 241); «Мы не должны забывать, что впервые по-

дошли к такому предварительному пункту истории, когда новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплуатируемых. На быстрые успехи в этом мы не претендуем, не считываем. Мы знаем, что это дело займет целую историческую эпоху» (т. 36, с. 385). Огромна роль пролетариата в создании дисциплины, так как он «...строит новую, более высокую, общественную связь, общественную дисциплину: дисциплину сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного, авангарда» (т. 39, с. 17).

Социалистическая дисциплина как основная примета новой пролетарской общности должна вырабатываться в труде, в совместной дружной работе всех трудящихся: «Надо закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы сами декретировали, узаконили, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы *повседневной трудовой дисциплины*. Это — самая трудная, но и самая благодарная задача, ибо только решение ее даст нам социалистические порядки» (т. 36, с. 202); «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде, — именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента» (т. 36, с. 174).

*

В период создания пролетарской партии, в разные периоды борьбы за ее единство, преодоления меньшевизма, ликвидаторства, троцкизма и других течений и фракций В. И. Ленин вырабатывает понятие дисциплины в пролетарской партии: «Принципиально мы уже не раз определяли наш взгляд на значение дисциплины и на понятие дисциплины в рабочей партии. *Единство действий, свобода обсуждения и критики*, — вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии перодового класса» (т. 14, с. 125); «Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у

власти не то что 2½ года, но и 2½ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать остальные слои» (т. 41, с. 5—6).

И наконец, отдельной темой в ленинских работах является вопрос о роли партийной дисциплины в рабочих партиях, в международном рабочем движении: «Партии, принадлежащие к Коммунистическому Интернационалу, должны быть построены по принципу демократического *централизма*. В нынешнюю эпоху обостренной гражданской войны коммунистическая партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если она будет организована наиболее централистическим образом, если в ней будет господствовать железная дисциплина, граничащая с дисциплиной военной, и если ее партийный центр будет являться властным авторитетным органом с широкими полномочиями, пользующимся всеобщим доверием членов партии» (т. 41, с. 209).

Мы рассмотрели основные, узловые моменты ленинского употребления слова *дисциплина*, показали отношение В. И. Ленина к дисциплине в разных сферах жизни государства и партии.

Т. Ф. ПИАНОВА

«Теперь, когда власть укреплена в руках рабочих, теперь все дело зависит от пролетарской дисциплины и пролетарской организованности» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 367).

«Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: „все за одного и один за всех“, правило: „каждый по своим способностям, каждому по его потребностям“, чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 108).

«Мы говорим: мы будем опираться на трудовой элемент, с которым мы одержали октябрьскую победу, и только со своим классом, только введением пролетарской дисциплины среди всех слоев трудового народа — стоящую перед нами историческую задачу — мы решим» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 406).

К 175-летию
со дня рождения

Живое и меткое слово Н. В. Гоголя



Творчество великого русского писателя Н. В. Гоголя способствовало расширению литературного употребления слов и оборотов разговорной речи. В «Ревизоре» и «Мертвых душах» — вершине творчества писателя — представлены наиболее жизненные и типичные средства языка русского народа.

Н. В. Гоголь умел обыденными, казалось бы, совсем стертыми от частого употребления словами выразить многоцветную гамму смысловых оттенков того или иного явления действительности. Пример этому — использование в «Мертвых душах» общеупотребительной лексики, в частности существительного *дело*. Неудивительно, что оно часто используется писателем как в авторском тексте, так и в речи персонажей. Знаменательно другое — разнообразие его значений. Это и обстановка, положение: «Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощение, потом продавал им же»; и собрание документов: «Дело ходило по судам и поступило наконец в палату...»; и сущность: «Чичиков увидел, что старуха хватилась далеко и что необходимо ей нужно растолковать, в чем дело»; и нечто важное: «Право, дело, да еще и пуж-

ное»; и происшествие: «Немного спустя принесли к нему, точно, приглашение на бал к губернатору,— дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства»; и явление, факт: «Дело известное, что мужик: на новой земле, да заняться еще хлебопашеством, да пичего у него нет, ни избы, ни двора,— убежит, как дважды два...»; и круг занятий: «...Хорошо тебе, шпрехер зи дейч Иван Андрейч, у тебя дело почтовое...»; и предприятие: «— А у меня дело вот какое: кушлены мною у разных владельцев здешнего уезда крестьяне на вывод: кучка есть, остается совершить».

Впервые в поэме слово *дело* появляется при изображении чиновников, присутствующих на вечеринке у губернатора. Вспомним, что образы чиновников даны контрастно: «...одни тоненькие, которые все увивались около дам (...) Другой род мужчики составляли толстые ...Эти, напротив того, косились и пятылись от дам...». «Увы! — пишет Гоголь, — толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие».

Фразеологизм *обделывать свои дела* означает ловко обмануть, пасть кому-либо и характеризует не только «почетных чиновников» города N, но и основного героя поэмы — Чичикова. Не случайно в речи Павла Ивановича и при описании его походки существительное *дело* часто употребляется в значении *сделки, преступления*.

Совершенно иной смысл имеет это слово, когда Гоголь пишет о замысле своей поэмы. В одном из лирических отступлений оно употребляется в значении *труд, работа*: «Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело». При описании людей из народа оно синонимично словам *труд, круг обязанностей, долг, занятие, поступок, профессия, специальность*. Например, на предложении Чичикова сходить в баню «Петрушка ничего не отвечает и старался тут же заняться каким-нибудь делом». «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! — говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца.— Ты знай свое, дело, панталонник ты немецкий!». При описании крепостных Собакевича «...об одном было сказано: „хороший столяр“, к другому приписано: „дело мыслит и хмельного не берет“».

Гоголь широко использует в своей поэме обороты живой разговорной речи, в частности со словом *дело*, причем в самых различных назначениях. Например, *другое дело* (иное положение вещей), *за дело* (по заслугам), *не хочу с тобой иметь дело* (стал-

живаться), в самом деле (в действительности), в чем дело? (что случилось?), как делишки? (как живете?), какое ваше дело? (в чем суть вашей просьбы?), то и дело (поминутно), у нас столько дел (мы очень заняты), дело в шляпе (все в порядке) и т. д.

Восторгаясь богатством и красочностью языка русского народа, писатель в течение всей своей творческой деятельности кропотливо собирал бесценные выражения народной мудрости — поговорки и пословицы, образные изречения, которые сообщали его слову поразительную яркость, меткость и точность. Таковы, например, в «Мертвых душах» поговорки со словом *дело*: «Дело яйца выеденного не стоит...», «Кому какое дело, что кума с кумом сидела», «дело в шляпе», «...один умер, другой родится, а все в дело годится». Иногда Гоголь, включая поговорку в авторскую речь, несколько ее видоизменял, бережно сохраняя мудрость и афористичность народной речи. Он призывал к изучению народных наречий: «...сам необыкновенный язык наш... беспредельен и может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно...»

Интересно проследить, как писатель приводит в движение смысловую строй многозначного слова, заставляя его сверкать какой-либо одной гранью. Прежде всего он использует прием сопоставления слов одного синонимического ряда. В конце первой главы узнаем, что в городе N о Павле Ивановиче сложилось весьма лестное мнение, «и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти всего города». Вторая глава начинается описанием сборов Чичикова в гости к Манилову и Собакевичу, которых он обещал навестить. «Может быть,— читаем в поэме,— к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьезное, близкое к сердцу...». Значение слова *дело* в данном случае определяется семантическим рядом: *предприятие, пассаж* (неожиданное происшествие, странный оборот событий) и воспринимается как *замысел, план*. В контексте же всего произведения, в сложной и глубокой образной перспективе оно содержит в себе и другое значение: *судебный процесс, преступление*. Дело, близкое сердцу Чичикова, оказывается «бесчестивым» и приводит его в тюрьму. Потенциальные выразительные ресурсы слова служат художнику средством воплощения его идейного замысла.

Другой прием усиления экспрессивных возможностей общеупотребительной лексики, к которому часто прибегает Гоголь, состоит в противопоставлении различных значений одного и того же слова. Противопоставляются, например, два различных по своему значению словосочетания: *обделать дело и дело идет*: «Дело,

казалось бы, обделано было кругло, но чиновники, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело».

Трижды повторяется слово *дело*, причем каждый раз в другом значении (собрание документов — судопроизводство — работа), в сильной по своей выразительности сцене, бичующей бюрократизм и взяточничество: «Но ждет проситель день, другой, не приносят дело на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело и не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! — говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, — у нас было столько дел...»

Соединение в одном предложении или абзаце словосочетаний со словом *дело* в разных значениях освежает его восприятие и усиливает его выразительность: «Как было дело в самом деле, бог их ведаст...»; «— В том-то и дело, что премерзейшее дело!»; «— Что ж я так закопался? Да еще пусть бы дело делал, а то ни с того ни с другого сначала загородил окозесицу, а потом задумался. Экой я дурак в самом деле!»

*

Поучительно заглянуть в творческую лабораторию Гоголя и познакомиться с тем, как упорно он работал над словом, добываясь от него наибольшей выразительности. Сравнение дошедших до нас фрагментов первоначальных редакций поэмы с окончательной позволяет это сделать.

В так называемой «Первой сохранившейся редакции» разговор Чичикова с Маниловым о порядке оформления его покупки мертвых душ звучал так: «А, нет, сказал Чичиков: мы напишем так, как будто бы это были живые. Я уж видите сам служил и привык делать по законам. Уж это мой нрав — от сираведливости ни на шаг».

Вторая редакция: «А нет, сказал Чичиков, мы напишем так, как будто бы это были живые. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов; исполнение обязанности всегда было для меня священо. Хотя за это я и потерпел по службе, но уж у меня такой характер».

В окончательной редакции речь Чичикова становится динамичнее и лицемернее: «— А, нет! — сказал Чичиков. — Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом».

Следующий абзац тоже подвергается редактированию, причем Гоголь вновь вводит в него слово *дело*, но уже в значении: *предприятие, сделка*.

Первоначальная редакция: «Манилов в ответ принялся насасывать чубук так сильно, что он начал, наконец, хрипеть, как фাগот. Казалось, как будто бы он желал вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства. Но чубук хрипел и больше ничего».

Окончательная редакция: «Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фাগот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего».

Дальнейшая спенка сильно изменена. После редактирования она стала необычайно живописной и яркой, причем и здесь не последнюю роль играет слово *дело*, снабженное эпитетом *головоломное*.

Первоначальная редакция: «Тут лицо Манилова приняло такое глубокое и значительное выражение, какого еще никогда и не видало было на свете, если ж и видало [было когда-нибудь], то очень редко».

Окончательная редакция: «Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видало было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела».

Как видим, внося правку в свою поэму, Гоголь часто обращался к слову *дело*, открывая читателю в нем новые и новые значения и изобразительные возможности.

«Более тесное взаимодействие между литературным языком и устной речью приводит к расширению литературного употребления слов и оборотов из разных профессиональных диалектов и жаргонов... И в этом направлении творчество Гоголя, а затем Некрасова, Достоевского и Салтыкова-Щедрина сыграло решающую роль», — подчеркивал В. В. Виноградов в статье «Основные этапы истории русского языка» (Виноградов В. В. История русского литературного языка. М., 1978).

Б. П. МАТВЕЕВ

Рисунок Б. Захарова



Образ стремительно несущейся вперед, бойкой и необгонимой *Птицы-тройки*, созданный Н. В. Гоголем, по праву входит в сокровищницу русской национальной фразеологии.

Этот образ, являющийся одним из центральных в художественном наследии Гоголя, следует рассматривать в русле патриотических традиций русской литературы. В нем писатель-патриот выразил свою любовь к Отчизне, художественно воплотил стремительность ее исторического развития, веру в ее лучшее будущее, мысль о неисчерпаемых творческих возможностях русского народа. Не случайно, что этим гимном во славу русского народа, страны завершается первый том «Мертвых душ», долженствовавший, по замыслу писателя, стать «крыльцом ко дворцу», в котором он мечтал показать возрожденную Русь.

Образ гоголевской тройки неоднозначен, и уже на страницах поэмы выявляется его трехплановое построение. В поэме последовательно за первым образным пластом раскрываются второй и третий, обретая все более расширенный и усложненный смысл, совершая путь от частного факта к монументальному обобщению.

Сначала в поэме появляется тройка, на которой развезжает Чичиков, скулающий свой товар. Образ чичиковской тройки с гвездом во главе, с двумя пристяжными — Заседателем и лукавым чубарым, с Селвфаном на козлах, сонным Петрушкой и «героем нашим», слегка «подлетывающим» на кожаной подушке, довольно прозаичен. И весьма показательным, что автор не употребляет по отношению к этой тройке своего крылатого эпитета «птица», впоследствии так прочно вошедшего в русский язык.

Вслед за тем на страницах поэмы возникает обобщенный образ русской тройки, исполненный подлинной поэзии, в котором соединились черты реализма и романтизма: с одним топором да



долотом сварядил и собрал ее ярославский расторопный мужик, но слышится в ней что-то восторженное-чуждое и, как неведомая сила, подхватила она седока на крыло свое. Здесь и стиль повествования меняется, и обобщение углубляется, ибо второй образ включает в себя характеристику могучей, широкой и талантливой природы русского трудового человека.

Смысл гоголевского образа находит свое дальнейшее и блестящее развитие, продолжение и усложнение в третьей части лирического отрывка, где птица-тройка олицетворяет всю Русь, устремленную вперед, в будущее: «...летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Став крылатой формулой, слова Гоголя и в современных контекстах не утрачивают своей многогранности и смысловой емкости.

Возвышенно-романтический образ гоголевской тройки подчеркнуто связан с чувствами и свершениями советского человека в стихотворении поэта Сергея Викулова:

Эх, птица-тройка!
Не с того ли
нам век тревожили сердца
и скрип полозьев в змнем поле,
и чудный звон колокольца?!
Не эта ль, зная, с дней творенья
любовь к стремительной езде,
порвав земное тяготенье,
нас, первых, бросила к звезде.

Ба нева

Однако самое широкое, самое прочное признание и наибольшую известность эта словесная формула завоевала как символ

стремительного развития России. Именно в такой трактовке она прочно закрепилась в русской дореволюционной и советской публицистике.

Так, уже Глеб Успенский в своих художественно-публицистических очерках «Крестьянин и крестьянский труд» говорит о том, что в образе птицы-тройки Гоголь олицетворяет всю Россию, всю ее будущность.

Образ быстро несущейся гоголевской тройки неоднократно встречается, развивается и эволюционирует в патриотической публицистике А. Блока, а в его известной статье «Интеллигенция и революция» в этом образе пронизательно очерчивается будущее революционной России.

В творчестве писателей и публицистов советского периода эпический образ Гоголя символизирует социалистическую Родину, ее расцвет, воплощение ее стремлений. В статье советской писательницы Анны Караваевой читаем: «„Птицу-тройку“, конечно, только мы, русские, могли выдумать... „Птица-тройка“ дорога нам как мечта, полет фантазии, как стон горя русской души в прошлом и как вера русского человека в великое грядущее родины, которое для нас стало настоящим. Да, прекрасна, чудесна „птица-тройка“» (А. Караваева. Солдат пришел с фронта.— Правда, 5 мая 1946).

Весьма знаменательно, что и за рубежом этот фразеологизм Гоголя воспринимается как символ стремительного развития социалистического государства: «В самолете, по пути в Париж, президент Помпиду в кругу ближайших сотрудников и сопровождавших его журналистов выразил свое восхищение успехами России в области науки и техники: «— Поверьте мне, друзья,— сказал он,— ныне Россия, как это предсказывал Гоголь, летит, подобно птице-тройке, навстречу своему будущему» (Правда, 22 ноября 1972).

Поэтическая формула Гоголя стала традиционной в художественной литературе и публицистике благодаря ее широкой возможности употребляться переносно и с большой художественной и эмоциональной силой определять самые разнообразные факты и явления современной действительности.

Так, в статье финского писателя Мартти Ларни крылатые слова Гоголя усиливают романтически-возвышенную характеристику советской поэзии первых революционных лет, внося в стилистику статьи особый, поэтический настрой и умножая возможности ее эмоционального воздействия: «У русской литературы — давние и славные традиции. На протяжении большей части девятнадцатого столетия литературное знамя Европы несли русские писатели. А современная европейская поэзия родилась в 20-х го-

дах нашего века в Советской России. Над всем миром пропелась тогда, всех изумляя диковинной своей мощью, поэтическая русская тройка: Блок, Маяковский, Есенин — «необгонимая птица-тройка», раскрывшая неведомые прежде просторы страны поэзии» (Правда, 30 октября 1967).

В 20-е годы, еще на заре советской авиации, ученик фабрично-заводского училища этими словами Гоголя характеризует одно из первых изобретений авиаконструктора А. Н. Туполева: «А Пашка Панов, Павел Павлович, ставший после окончания школы ФЗУ слесарем, потом инженером, начальником цеха, скажет так: «Конечно, это счастливый случай — встретить в начале жизненного пути Туполева с его машиной. Уже в ФЗУ, читая и перечитывая Гоголя, те же изумительные строки о птице-тройке, закрываю, бывало, глаза и вижу: не когти летят по полю, а краснопозвездные аэросани — птица-тройка новой Руси!» (Г. Ястребов. Руками золотыми назовут.— Правда, 1 апреля 1977).

Возвышенным языком искусства говорит о подвиге космонавтов художник В. Жаринов, восхищенно сравнивая с гоголевской птицей-тройкой полет трех космических кораблей (Правда, 14 октября 1969).

Живая жизнь крылатой *птицы-тройки* на страницах современной печати является наглядным примером большого значения литературного наследия прошлого как неотъемлемой части нашей сегодняшней речевой культуры. Глубина и значительность общественно-исторического содержания, подлинная и совершенная художественность, романтическая устремленность в будущее — вот те причины, благодаря которым эпическая формула Гоголя вошла в число долговечных ценностей художественного слова.

Л. А. ГЛАДЫШЕВА

Рисунок В. Захарова

...у Гоголя два плана: высокий, трагический, и низкий, комический. Они обычно идут рядом, последовательно сменяя друг друга. (...) Оба плана прежде всего различны по лексике, восходят к разным языковым стихиям: высокий — к церковнославянской, низкий — к диалектической. Литературные роды, к которым преимущественно прикреплены оба плана, восходят к разным традициям: традиция гоголевских комедий и традиция его писем, восходящих к проповедям XVIII века.

Ю. П. Тынянов



Гоголь в Японии

При изучении русско-японских литературных связей убеждаешься в том, что Гоголь воспринимается в Японии как один из наиболее сложных писателей из всех русских классиков.

Критик Нобори Сему, автор первого в Японии очерка о Гоголе, опубликованного в 1902 году, писал спустя полвека, в 1955 году, что, хотя Гоголь и является одним из родоначальников русского реализма, в Японии его творчество не получило такого большого отклика, как творчество Тургенева, Толстого или Достоевского. Причина, по его мнению, заключается в «несозвучности» творчества Гоголя с современностью, а также в различии национальных характеров.

Бесспорно, творческие связи Гоголя с литературой Японии имеют специфику, однако доводы Нобори Сему не представляются убедительными, ибо «современность» творческого наследия Гоголя неоспорима, что же касается различия в национальных характерах, то это не мешало Толстому, например, занять прочное место в духовной жизни японцев.

Думается, что причина прежде всего в особой природе гоголевского смеха, с одной стороны, и своеобразии японской литературной традиции — с другой. Рассмотрение вопроса под этим углом зрения поможет выяснить не только характер восприятия

творчества Гоголя в Японии, но и пролить дополнительный свет на связь гоголевского наследия с литературным процессом Японии конца XIX — XX веков.

*

Творческая переключка Фтабатэя, зачинателя новой японской литературы, с Гоголем уже привлекала внимание критиков. Японские исследователи, например находили немало гоголевских реминисценций в первом японском реалистическом романе «Плывущее облако»: критика бюрократической системы и взаимоотношений начальника и подчиненного, мастерство реалистической детали, которое в романе Фтабатэя носит следы воздействия петербургских повестей Гоголя.

Гоголевский юмор и сатира были также близки Фтабатэю, когда он изображал комические стороны модернизирующейся по европейскому образцу Японии. Но существенно еще и другое. Переключку «Плывущего облака» с творчеством Гоголя мы находим в самой идее произведения. Выдвигая в центр повествования проблему «маленького человека», Фтабатэй опирается на социальный гуманизм Гоголя.

Примечательно, что именно в литературной среде, близкой Фтабатэю, Гоголь находил своих первых почитателей в Японии, отмечавших еще в конце прошлого века особенность гоголевского смеха. «Гоголь — большой мастер юмора, — пишет Саганоя в очерке «Капля в море русской литературы» (1897). — Он сам говорит, что его произведения основаны как на улыбке видимой, так и скрытой от глаз людей. В этом их суть. Эти слова писателя объясняют смысл его юмора». В романе «Мертвые души» — «появляется много смешных героев, — пишет далее Саганоя, — они бесконечно суетятся из-за мелочных житейских дел. На первый взгляд, они вызывают лишь смех, но стоит только призадуматься, как смех исчезает и на душе становится грустно. В холодном смехе сокрыто глубокое сострадание и горячие слезы. Внутренняя пустота и уродство действующих лиц вызывает у читателя отвращение, однако он чувствует, каким высоким идеалам подчинено у писателя изображение окружающей его действительности... Гоголь обладает не только зрением, способным проникнуть сквозь толщу этой действительности, но и мастерством ее художественного воплощения. Понятно, что Гоголь является первой звездой литературы действительности».

В начале века японцы уже располагали не только переводами основных произведений Гоголя, но и достаточно полным све-

днями о писателе, его творчестве. Казалось бы, существовало все, чтобы началась эпоха всеобщего увлечения Гоголем, как это было, например с Толстым. Но «пора Гоголя» в Японии так и не состоялась. Творчество Гоголя вызвало отклик у немногих, самых проникательных писателей конца прошлого столетия (Футабата Симэя и писателей его окружения), но массовый читатель, как и большинство японских писателей того времени, не был подготовлен к его восприятию. И даже писатели-«натуралисты» относились довольно равнодушно к наследию Гоголя. Если Сэйити в обширном двухтомном труде «Исследование японского натурализма» (1955), где постоянно упоминаются имена русских и западноевропейских классиков, ни разу не называет Гоголя.

Почему же не состоялась «пора Гоголя» в Японии в то время, когда там наблюдалось всеобщее увлечение русской литературой? Конечно, надо учитывать и языковые барьеры. Как указывал уже Беллинский, Гоголь принадлежал к писателям, наименее доступным для перевода. Сказалось, вероятно, и другое: чтобы откликнуться, например, на «Ревизора», читателю необходимы были широкие знания той социальной, национально-исторической среды, на которую обращен был гоголевский смех. Без культурного контекста трудно понять природу смеха писателя другой страны. И, что самое важное, смех Гоголя мало согласуется с литературной традицией японцев.

Как известно, в литературах Запада сатирическая традиция восходит к античности, в японской же, как утверждают исследователи, «смешное» не отделялось от лирико-поэтического восприятия мира вплоть до X века. И в последующие века, когда смех становится самостоятельной эстетической категорией, японские литераторы в качестве примера истинного смеха приводят улыбку на лице великого поэта Басе в часы созерцания природы, улыбку, которую излучает мудрость человека, постигшего мировую гармонию. Это подобно безоблачному смеху ребенка. В «смеховой» культуре преобладало лирическое начало. Окадзаки Есио в книге «Стиль японской литературы» (1959) пишет, что лирика, трагедия и юмор — все они присутствуют в литературе Японии, но в качестве ее универсального стиля выступает утонченная лирика.

И совсем не случайно, что на первых порах японцы тянулись к Гоголю как к лирику, не замечая, что в произведениях писателя лиризм соединяется с юмором и сатирой. По словам Уэда Ёити, японские читатели были ослеплены поэтическим шедевром Гоголя — «Майской ночью...» из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Именно лирической насыщенностью привлекает внимание

японских читателей и повесть «Тарас Бульба». Изображение трагического величия человека, светлое радостное восприятие мира и глубокая скорбь — все это восхищало японцев. Они не замечали взаимосвязи лирической стихии у Гоголя с изображением обыденного, будничного или отделяли лиризм Гоголя от его юмора и сатиры.

*

Еще более сложным представляется процесс восприятия гоголевской сатиры в Японии. На протяжении веков смех означал в Японии неуважение к старшим (смеясь, японцы закрывают ладонью рот).

Разумеется, японская литература XVIII века имеет образцы сатирической литературы. Хирага Гэннай в фантастической повести «Жизнеописание весельчака Сидокэна» (1763) подверг осмеянию традиционную систему мышления и морали в свете рационалистических идей нового времени. Эпизоды «Жизнеописания» напоминают нам знаменитый роман Свифта «Путешествие Гулливера». Интересно, что Хирага Гэннай относил свое произведение к жанру «гэсаку», то есть к числу шуточных, несерьезных книг, и этим он давал понять, что автор не несет ответственности за сочинение, которое не принимает всерьез. Ведь смех находился под неусыпным контролем, как нарушающий добрые нравы. В этих условиях писатели предпочитали вовсе не касаться острых социальных проблем, они лишь забавляли публику. Выдающийся писатель и философ Андо Сээки, автор неслыханной по своей резкости и смелости антифеодальной сатиры — «Повесть о мире беззакония» (1755), умер в безвестности. Его книга была знакома лишь узкому кругу учеников. «С древних времен,— пишет Сугиура Мимпэй,— смех означал в Японии невочитительность, и даже незначительная оплошность в этикете строго наказывалась... В такой среде не могло быть ничего более зловещего, чем смех и сатира. Бывало и так, что человека наказывали только за то, что он смеялся неодобрительно, глядя на самурая или чиновника. На такой почве сатира не может развиваться» («Бунгаку», Токио, 1966, № 12).

Японские «натуралисты», выступавшие зачинателями новой литературы, боролись против косности старой морали. Отсмеивались они и от «гэсаку», но, отказываясь от «несерьезных» комических сочинений, они обошли стороной «смеховую» культуру вообще, в том числе и в творчестве Гоголя. Эта ограниченность японских «натуралистов» сказалась и в их оценке романа известного писателя Нацумэ Сосэки «Ваш покорный слуга — кот»

(1905), в котором глазами наблюдательного кота автор с большим юмором и едкой иронией высмеивал неблагоприятные поступки людей. Роман был встречен японской критикой весьма холодно за его «несерьезность».

✱

С гоголевской традицией тесно связано в японской литературе творчество выдающегося писателя Акутагавы Рюноске. Его литературная деятельность развернулась в 10-х—20-х годах XX века, когда японский «натурализм» зашел в тупик. Приблизив к так называемому «исореализму», Акутагава Рюноске выступил против «бескрылости» творческого метода японских «натуралистов», скользящих по поверхности жизни и не способных за внешними событиями рассмотреть внутренний мир героя. Примечательно, что первые рассказы Акутагавы «Нос» и «Бататовая каша» (1916), принесшие ему литературную известность, восходят к традиции Гоголя.

В повести Гоголя, как известно, от коллежского ассессора Ковалева сбегал нос. Злоключения героя рассказа Акутагавы — монаха Дзэнтси — также связаны с носом: у него он безобразно длинный. Нос монаха породил много толков среди жителей города. Попытки Дзэнтси укоротить его ни к чему не привели. Рассказ Акутагавы связан с гоголевской новостью прежде всего в изображении психологии героя, его переживаний из-за своеобразного носа. Трагикомический эффект и ирония в повести Гоголя основаны на попытках майора Ковалева во что бы то ни стало вернуть свой собственный нос, а вместе с ним и respectable представительность, без чего нельзя сделать карьеру. Герой рассказа Акутагавы также страдает от неуважительных разговоров о нем. Он готов перенести все унижения, лишь бы потом иметь приличный нос. По рецепту столичного врача ученики проваривают нос монаха в крутом кипятке и усердно точат ногами. И нос действительно укорачивается.

Но если майор Ковалев с возвращением носа вполне счастлив и приобрел прежнее состояние самодовольства, то бедный монах Дзэнтси и с коротким носом не обрел покоя. Более того, перемена в лице послужила причиной злых насмешек и издевательств над ним. В чем же дело? Автор объясняет: «В сердце человеческом имеют место два противоречивых чувства. Нет на свете человека, который бы не сострадал несчастью ближнего. Но стоит этому ближнему каким-то образом поправиться, как это уже вызывает чувство, будто чего-то стало недоставать...». С горькой иронией он рассказывает об эгоизме людей, равнодушных к

чужому горю. И в этой горькой прощан — смысл рассказа. Найгу Дэвэти испытывает чувство облегчения, когда нос вновь возвращается в прежнее уродливое состояние: прекратились людские пересуды.

Происшествие с носом монаха — одна из сторон сюжета, причем его занимательность — не самоцель, она интересует автора потому, что помогает глубоко проанализировать действительность. Акутагава не столько описывает происшествие, сколько исследует отношения между людьми. Именно это отличает его от писателей, работающих в традиционном жанре развлекательно-комических рассказов «гэсаку», и сближает его с реалистической поэтикой Гоголя. Используя гротеск и фантасстику, Акутагава исследует действительность. Он показывает, что принцип изображения жизни в формах самой жизни — лишь одна из сторон сложной природы реалистического искусства.

Не случайно обращение Акутагавы и к гоголевской «Шинель». В рассказе «Бататовая каша» автор поднимает тему «маленького человека». Сюжет новеллы основан на одном из эпизодов сборника «Стародавние истории», рассказывающем о богатстве и роскоши вельможи Фудзивара Тосихито и о бедном чиновнике, всю жизнь мечтавшем наесться вдоволь бататовой каши. Акутагава переставляет акцент, делает героем рассказа маленького, забитого нуждой чиновника, бывшего эпизодической фигурой в «Стародавних историях». Он так зауряден, что даже назван не по имени, а просто «гой» — чиновник пятого ранга. Описание его внешности и отношение сослуживцев к нему так напоминают «Шинель» Гоголя, что Кумэ Масао, близко знавший Акутагаву, говорит, что он писал «Бататовую кашу», положив рядом знаменитую повесть Гоголя: слишком уж очевидно текстуальное заимствование. Сам Акутагава не только не скрывает этот факт («Шинель» была хорошо знакома читающей публике того времени), а напротив, рассчитывает на то, что читатели узнают и вспомнят ситуацию произведения-прототипа. Гоголевские реминисценции только дополнили бы и расширили содержание его рассказа.

Традиция обращения к литературному образцу прошлого и использования его реминисценций чрезвычайно развита в японской литературе. Заимствование литературного материала из классиков или из прежних образцов носило характер осознанного творческого приема уже с древних времен. В японской поэтике этот прием получил название «хонкадора» — «следование изначальной песне». Это своего рода «память литературы» — один из путей преемственности классических традиций. Обращаясь к традиционной поэтике реминисценции, Акутагава подчеркивает в то

же время идейную переключку своего рассказа с творчеством русского писателя, как бы желая сказать, что Гоголь для него классик, поэтический авторитет для нового поколения японских писателей.

Вслед за Гоголем Акутагава, в отличие от японских писателей-«натуралистов», раскрывал тему «маленького человека» в юмористическом повествовании. Это было ново для японской литературы и носило иной характер, чем традиционный «гэсаку». Как и Гоголь, японский писатель не скрывает своей иронической усмешки, описывая духовную ограниченность героя, который «был настолько лишен самолюбия и был так робок, что просто не ощущал несправедливость как несправедливость». Но юмор Акутагавы, как и русского писателя, мягок и деликатен, наполнен состраданием и болью за униженного человека.

Обращение к гоголевской традиции обогатило не только творчество Акутагавы, но и расширило грани японского реализма. Тем не менее в японской критике бытуют противоречивые суждения о литературном наследии писателя. Акутагава подвергается критике за то, что он разрушил традиционную «смеховую» культуру Японии, привнес в японскую литературу чуждые ей художественные элементы.

Так, например, критик Ямамото Кэнкити в статье «Акутагава Рюноске» (1942) упрекал писателя в том, что он отошел от «истинного» смеха японской классической литературы, отличающегося, по его мнению, тем, что смех не имеет каких-либо социальных причин. Таковы древние литературные памятники «Стародавние истории» и «Рассказы, собранные в Удзи» (XIII в.), для которых характерен легкий юмор, скорее даже безобидная шутка. Акутагава же, утверждал он, взяв сюжет из этих стародавних книг, дает психологическую трактовку событий, насыщая свой рассказ глубоким социальным содержанием. А это не согласуется якобы с японской художественной традицией. «Вместо щедрого и великодушного смеха классической японской литературы,— писал Ямамото,— Акутагава и его современники выдумали новое слово „горькая усмешка“ (бикусё). В японской литературе комическое (окаси) расцвело в средневековой юмористической поэзии хайкай, а также в плутовском романе, которые тесно связаны с эстетикой „печального очарования вещей“ (моно-но аварэ)... Я думаю, что когда смех тяготеет к сатире, он теряет свою исконную суть. Комические сочинения высоко ценились и при дворе, благодаря тонкому вкусу и изысканной элегантности».

Ямамото выводит творчество Акутагавы за пределы японской литературной традиции, так как он, Акутагава, находясь в плену социальной, не способен возродить безоблачный, по-

детски наивный смех классиков в его изначальном виде. На «дне» смеха Акутагава ищет отблеск гуманизма, и это приводит к тому, что его смех страдает излишней интеллектуальностью. «Гуманистическое сознание собственно обедняет смех в произведениях Акутагавы», — заключает Ямамото.

Японский критик считает недостатком Акутагавы то, что является бесценным вкладом писателя в развитие современной японской литературы. Акутагава расширил эстетическую сферу комического в японской художественной культуре, обогатив его гуманистическим содержанием. И на этом пути японский писатель обратился к творческому опыту «гения смеха» — Гоголю.

Статья Ямамото о творчестве Акутагавы была написана в 1942 году — в пору милитаристского угара. Разумеется, смех, особенно такой, как у Гоголя, был враждебен военщине.

Характерно, что после войны, когда происходила переоценка традиционных ценностей, проблема смеха опять привлекла внимание японских литераторов.

В статье «Утрата смеха» (1948) известный критик Накамура Мицуо горячо заявлял: «Я поднимаю в первую очередь проблему смеха, потому что именно смех — этот феномен был забыт современной японской литературой. Я имею в виду, конечно, не тот смех, который мы находим в шуточных рассказах гёсаку, а смех, который является важным элементом для создания великой литературы».

Эстетическая потребность послевоенной японской литературы и обусловила глубокий интерес к литературному наследию Гоголя.

*

В чем заключается значение Гоголя для японской литературы наших дней? В статье «Традиция и условие развития сатирической литературы» (1966), имеющей подзаголовок «О „Носе“ и „Шинели“ Гоголя», известный писатель и критик Сугиура Мимпэй пишет: «Любование цветами и луной, задумчивая лирика — все это было в японской литературе, но, эстетствуя, японские писатели отвернулись от сатиры, способной проникать сквозь наружный покров в сердцевину проблем человеческого бытия и общества. Именно это обстоятельство заставляет меня обратиться к Гоголю, к его произведениям «Нос» и «Шинель», которые занимают особое место даже в литературе XIX века в России, которая считается родиной сатиры».

Однако нельзя не заметить, что в последнее время в японской критике предпринимается попытка «нового» прочтения Го-

голия, смысл которого в отрицании реалистической природы гоголевской сатиры, ее гуманистического пафоса.

Отношение к Гоголю как к «поэту действительности» (по определению Безицкого) объясняется теперь устаревшим, несовременным. Более того, сатира Гоголя в современной интерпретации японской критики оказывается направленной не на реальную действительность, а адресованной писателем самому себе: своим смехом Гоголь якобы обличает самого себя. Поэтому даже предлагается уточнить существующий японский перевод эпитафии на могиле Гоголя: «С моим горьким словом посмеются» на «Над моим горьким словом посмеются». Это пример того, как порочный метод может увести критику далеко в сторону от действительного содержания творчества писателя.

Трудно согласиться также с мнением о том, что Фтабатэй Симэй во время работы над романом «Плывущее облако» интересовался Гоголем лишь как стилистом, а его социальная сатира, реализм оставались будто бы вне поля зрения японского писателя. А ведь всегда считалось, что Фтабатэй, зачинатель новой японской литературы, высоко ценил русскую литературу за то, что она смело поставила острейшие социальные проблемы, волнующие все человечество.

Говоря о «реабилитации» смеха в послевоенной японской литературе, критика, несомненно, имела в виду тот смех, который наполнен глубоким социальным содержанием. В статье «Размышления о сатире» (1966) Накано Есиэ пишет, что «японская сатирическая литература не знает социального гнева». Следовательно, урок Гоголя для современной японской литературы заключается, вероятно, прежде всего в расширении и углублении социального и гуманистического звучания смеха в сатире.

В уже упоминавшейся статье Сугиура Мимэй читаем: *смех Гоголя горек, так как в нем ощущается боль за человека*. В этих словах заключено то сокровенное, человеческое, которым отличается творчество Гоголя. И в этом, быть может, один из важнейших уроков Гоголя для современной японской литературы.

КИМ РЕХО

Рисунок В. Комарова

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РАННЕЙ ПРОЗЕ В. А. ЖУКОВСКОГО



Для художественного метода писателей-романтиков характерно изображение конкретных, единичных событий, за которыми они видят нечто общее. Г. А. Жуковский так характеризует особенности романтического метода Жуковского: «Конкретность романтизма специфична... Герой романтика — единичный человек, но он в то же время всякий любой человек в потенции, он — то единичное, что есть в глубине души всех людей» (Жуковский, Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965). Мы попытаемся выявить некоторые из языковых средств, используемых Жуковским в ранних прозаических произведениях для придания обобщенного значения описываемым конкретным событиям и лицам.

Для этого мы обратимся к вопросу о том, как соотносятся языковые единицы с обозначаемыми ими объектами действительности (в первую очередь это касается обозначения действующих лиц). Для Жуковского изобразительные приемы были, как правило, одни и те же и в художественных текстах, и в статьях, инсьмах (т. е. в тех случаях, когда предметом изображения был реальный мир), так что Жуковский мог с полным правом сказать о себе, характеризуя ранний период своего творчества: «И для меня в то время было жизнь и поэзия — одно». Поэтому помимо художественных произведений мы включили в рассмотрение также

материалы статей и писем. Итак, как соотносятся в ранней прозе Жуковского названия лиц с изображаемой действительностью?

Вообще говоря, нарицательные существительные могут различным образом соотноситься с внеязыковыми объектами. Отчетливо противопоставляются два случая: когда существительное указывает на весь класс однородных объектов (напр., Собака — млекопитающее; Собаки любят суп) и когда оно относится к конкретным представителям этого класса (напр., Собака укусила прохожего; На дворе лают собаки).

Первый тип употреблений (когда существительное соотносится с целым классом внеязыковых объектов) можно назвать общеродовым употреблением существительного. Приведем примеры общеродовых употреблений из произведений Жуковского: «Путешественник с образованною душою, с чувствительным сердцем никогда не узнает скуки» (О путешествии в Малороссию); «Конечно, ремесленник и земледелец, утомленные тяжкою работою, имеют мало времени думать» (О новой книге). Ясно, что слова *путешественник*, *ремесленник*, *земледелец* обозначают здесь не конкретных лиц, а вообще всякого путешественника, ремесленника, земледельца.

Общеродовые употребления не спутать с употреблениями этих же существительных, когда они обозначают персонажей произведений или вообще конкретных лиц: ср. «Советую всякому любителю русских книг познакомиться с нашим путешественником» (О путешествии в Малороссию) — здесь слово *любитель* имеет общеродовое употребление, а слово *путешественник* обозначает конкретное лицо.

В отличие от предложений с существительными, соотнесенными с конкретными объектами, предложения с общеродовыми употреблениями существительных обозначают не единичный или повторяющийся факт, а выражают общее суждение о мире. В рамках этого общего суждения в анафорическую связь (повторное обозначение того же объекта) с существительным в общеродовом употреблении могут вступать местоимения или (реже) существительные с указательным местоимением: Каждый человек хочет, чтобы его уважали; Всякий Еремей про себя разумеи; ср. у Жуковского — «Положение писателя в большом свете кажется вам затруднительным; вы говорите, что он не должен надеяться в нем успеха...» (Писатель в обществе). Когда общее суждение заканчивается, анафора становится невозможной. Так, общее суждение, выраженное предложением *Положение писателя в большом свете кажется вам затруднительным*, не могло бы быть продолжено: *Я прочел новую повесть этого писателя*. Заметим, что общее суждение не обязательно бывает выражено только од-

ним предложением. Иногда несколько следующих друг за другом предложений выражают общие суждения и содержат анафорическую отсылку к существительным в общеродовом употреблении (напр., Собака — умное животное. Она является лучшим другом человека).

Анафорическая отсылка к существительным в общеродовом употреблении характерна для прозы Жуковского. Она показывает, что предложения, содержащие такую отсылку, должны пониматься в обобщенном смысле. Рассмотрим следующий отрывок:

«Человек, вышед из утробы матери, бывает чист и непорочен; зло не дерзает осквернить его своим прикосновением, и страсти сняты в его душе — но это только младенец, он ничего не знает, ничто не может его тронуть, самая добродетель не имеет прелестей в глазах его; жизнь его подобна тому месту, откуда вытекает ручей, подобна заре...

Из младенчества переступает человек на стезю юности, и течение жизни его уподобляется тогда струям ручья, журчащего уже среди цветов; но камушки препинают путь его, так как страсти иногда совращают юношу с истинного пути. Если ж благодетельная рука исторгнет сии камни из волн источника, то бег его становится прозрачен и чист. Если мудрый наставник гласом истины извлечет из неопытного сердца юноши жало страстей, то дни его просветятся и солнце благоразумия рассеет туман заблуждений...» (Жизнь и источник).

Вне контекста (или в ином контексте) последнее предложение могло бы быть понято как суждение о конкретном юноше, но анафорическая связь с общеродовыми употреблениями ясно указывает на обобщенное значение. Общеродовое употребление слова *человек* в первом предложении как бы придает обобщенную окраску всем последующим предложениям, содержащим анафорически связанные с ним слова.

*

Рассмотрим другой пример (из статьи «Кто истинно добрый и счастливый человек?»):

«Какое зрелище, возвышающее душу, представляет нам добрый семьянин — истинно добрый и счастливый человек! Войдите в его дом, веселый, скромный, где царствует опрятность и чистота: при первом шаге не окружает ли вас какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарование?... Вы видите перед собой довольные лица, пленяетесь окружающим вас порядком; здесь время пролетает быстро; для каждой минуты есть собственное необходимое занятие; минуты отдельного труда готовят к минутам свидания, к минутам общего удовольствия, и всякий

труд приносит с собою свою награду. Последуйте за добрым семьянином — и в свет, где исполняет он обязанности гражданина, и в дом его, где он представляется вам супругом, отцом, хозяином, и в уединенный кабинет, где он остается один с собою (...) — везде вы его найдете одинаким. В тех самых чувствах, которые делают его счастливым посреди домашних, хранится и чистый источник гражданских его добродетелей».

Первое предложение в этом отрывке понимается как выражающее общее суждение (хотя возможно и понимание его как суждения о конкретном лице). Другие предложения без контекстной поддержки со стороны первого предложения скорее могли бы быть поняты именно как описывающие конкретного человека. Можно сказать, что описывается как будто конкретное лицо, однако описанию придано обобщенное значение.

Такой прием можно назвать наглядно-примерным описанием. Он чрезвычайно характерен для Жуковского. При этом контекстная поддержка со стороны предложений, в которых существительное имеет отчетливо общеродовое употребление, часто оказывается необязательной. При наглядно-примерном описании существительные обозначают конкретные объекты, но эти объекты рассматриваются как типичные представители соответствующих классов объектов. Рассмотрим описание прихода ночи в «Мыслях при гробнице»: «Морфей помавает маковою ветвию, и сон с целебною чашею ниспускается на землю... Спит ратай, спит вол, верный товарищ трудов его, спит вся натура. Один я не могу сомкнуть глаз своих...»

Какую соотнесенность с миром имеет существительное *ратай* (пахарь)? Ясно, что оно употреблено в обобщенном смысле: автор хочет сказать, что в это время засыпают все потрудившиеся днем люди. Но, с другой стороны, нельзя рассматривать употребление слова *ратай* как общеродовое: ведь предложения с общеродовым подлежащим выражают общее суждение о мире, а здесь описывается конкретный факт, хотя и имеющий обобщенное значение. С этим же приемом мы сталкиваемся при описании войны в «Мире и войне»:

«Пламя войны все пожирает, ничто не сокровится от ужасного бича брани; там пылает дом беззащитной вдовицы и подавляет ее своим надсеком; там стоит сирота, лишенный родителей, — тщетно слабое дитя простирает невинные свои руки, дабы испросить себе пощады; убийца, жаждущий крови, не смягчается и с свирепством поражает свою жертву. Заструилась кровь из груди младенца, последний вздох излетает из сердца его, и бледность смерти покрывает его чело. Тщетно почтенный старец дрожащими стопами хочет сокрыться от ярости ожесточенного ратника; изверг

пастигает его и, не взирая на седины старца, воззает дымящийся кровию меч в трепещущее его сердце — он падает, и смертный хлад объемлет его чувства».

В этих предложениях описываются конкретные события, и с этой точки зрения слова *вдовица, сирота, дитя, убийца, младенец, старец, ратник, изверг* обозначают конкретных лиц. Однако описываемым событиям придается обобщенное значение (автор хочет сказать, что война вообще приприсит бедствия беззащитным женщинам, младенцам, старикам), и потому эти слова могут одновременно пониматься и в обобщенном смысле.

Почти всегда для иллюстрации какого-либо отвлеченного положения В. А. Жуковский изображает конкретную ситуацию, подтверждающую это положение. В «Речи на акте в университетском Благородном пансионе» автор говорит, что путь к счастью в добродетели. Это иллюстрируется следующими картинами:

«Посмотрите на сего благодетеля человечества, посмотрите: как толпятся вокруг его несчастные, как устремляют на него слезящее око благодарности, как расцветает веселым томное чело их!.. Посмотрите далее на сего невинно заключенного узника. Мрак темницы его объемлет; но светильник добродетели ярко сияет во глубине души его!.. Посмотрите на сего доброго, честного поселянина, окруженного многочисленным семейством. Как он доволен!.. Посмотрите на сего героя».

Казалось бы, мы имеем дело с обычным случаем дейиенса (указания): автор как будто указывает на определенных лиц (недаром он постоянно употребляет указательное местоимение). Однако В. А. Жуковский сам подчеркивает, что описания надо понимать в обобщенном смысле. Ведь перед этим было сказано: *«...Слабою, дрожащею кистью изображу вам некоторые черты добродетели»*. Таким образом, изображаемые люди — это не просто конкретные лица, на которых указывает автор, а изображаемые им типические образы добродетельных людей, представляющие целые классы лиц.

При наглядно-примерном описании изображаются конкретные, единичные события, но за каждым событием скрывается общее суждение. Поэтому такие изображения свободно чередуются с предложениями, выражающими собственно общее суждение, и составляют с ними одно описание. Вот как Жуковский описывает, что происходит, когда утихает вражда и наступает мир:

«Супруги в объятиях семейств своих вступают непререченные радости; сын на коленях объемлет руку седовласого родителя, и с геройскою улыбкою полагает к стопам его залог своего мужества. Теплые слезы текут из очей старца и орошают румяные щечки юности, гордящегося таковым горжеством,

Все радуется, все восхищается...» (Мир и война).

Автор начинает с общего суждения (*Супруги в объятиях семействе своих вкушают неизреченные радости*), затем переходит к описанию конкретной картины, и все это просто сополагается в пределах одного предложения.

*

Мы видим, что при наглядно-примерном описании названия лиц имеют особый тип соотносительности с изображаемой действительностью, который нельзя подвести ни под общеродовые употребления, ни под соотносительность с конкретным объектом. Ближе всего этот особый тип соотносительности стоит к употреблению языковых единиц, находящихся в отношении анафорической идентификации с общеродовыми употреблениями. Можно заметить и другие языковые особенности наглядно-примерных описаний. Глагол-сказуемое в таких случаях чаще всего стоит в настоящем времени (так называемое «настоящее изобразительное»), что подчеркивает сходство наглядно-примерных описаний с общими суждениями (в предложениях, выражающих общее суждение, также чаще всего используется настоящее время сказуемого). Однако основным признаком наглядно-примерных описаний остается все же особая соотносительность с изображаемой действительностью.

Использование наглядно-примерных изображений позволяет В. А. Жуковскому, описывая конкретные события, высказать свое личное суждение о мире. Такие описания являются одним из тех приемов, при помощи которых достигается «субъективная конкретность» — одна из самых характерных черт стиля Жуковского. Существительные как бы одновременно соотносятся и с классами объектов, и с конкретными объектами, и тем самым описанию конкретных персонажей придается обобщенное значение.

А. Д. ШМЕЛЕВ

...Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым.

А. С. Пушкин. Из письма к К. Ф. Рылееву

Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его (Жуковского).

А. С. Пушкин. Из письма к П. А. Вяземскому



СТИХОТВОРЕНИЕ
„ПЕРВЫЙ СНЕГ“ П.А.ВЯЗЕМСКОГО



В 1819 году Вяземский создал одно из лучших своих стихотворений — «Первый снег», которое восторженно было принято современниками. Получив стихотворение в апреле 1820 года, Пушкин пишет Вяземскому: «...присылай нам своих стихов; они пленительны и оживительны — Первый снег прелесть» (Пушкин А. С. ПСС, 1937, т. 13), а через несколько лет — в 1823 году — сообщает: «Благодарю тебя за письмо, а не за стихи: мне в них не было нужды — Первый снег я читал еще в 20 году и знаю наизусть» (там же).

«Давно уж ты таких свежих и полных стихов не писал, как „Первый снег“», — пишет А. И. Тургенев (10 декабря 1819 г.) (Здесь и далее: Остафьевский архив князя Вяземских. СПб., 1899 г.). Подробно рассматривая стихотворение, цитируя отдельные его строчки, Тургенев многократно повторяет восторженные восклицания: «прелестно», «прекрасно», «я от этого стиха без памяти» и под. На что в ответном письме от 19 декабря Вяземский замечает: «Ты меня так хвалишь, что слюпки потекли». Будучи весьма взыскательным, самокритичным, Вяземский тем не менее признался: «Я в „Первый снег“ влюблен» (22 ноября 1819 г.).

Стихотворение пронизано глубокой любовью к родине, которая окрашивает нарисованные поэтом картины природы.

Вот, например, описание осени:

Вчера еще стонал над онемевшим садом
Встр скучной осени, и влажные пары

Стояли над челом угрюмая горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором;

Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг...
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением ковчиги.

Оно сменяется радостной, праздничной картиной зимы:

Лаазурью светлою горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Волшебницей зимой весь мир преобразован...

Поэт упоенно рисует зимние «забавы»: катание на коньках, сани, зимнюю охоту, прогулки с «милым другом».

Зимние картины завершаются элегическими раздумьями поэта о быстротечности жизни, о непостоянстве любви, однако эти мысли не противоречат общему оптимистическому звучанию стихотворения, так как Вяземский утверждает важность жизненного опыта, памяти о прошедшем как ценнейшем достоянии человека:

По в памяти души живут души утраты.
Воспоминание, как чародей богатый,
Из пепла хладного минувшее зовет
И глас умолкшему и праху жизнь дает.

Описание «крилепного бега» саней по зимней дороге поэт соотносит с ностальгией, потерей молодости:

По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!

Со школьных лет помним мы последний стих, использованный Пушкиным в качестве эпиграфа к I-й главе «Евгения Онегина», так точно передающий раннее возмужание и скорое разочарование в жизни пушкинского героя. Об этих стихах А. И. Тургенев сказал: «Есть стихи, которые врезаются и в память, и в сердце с первого раза».

Стихотворение «Первый снег» написано в поэтических традициях своей эпохи. Широко использует Вяземский перифразы,

развернутые метафоры: резвый конь — «красивый выходец кипящих табунов», туман — «влажные пары», дуб — «пугалище дриад, приют крикливых вранов», соболь — «лесов сибирских дань», зима — «весны роскошная смиренная сестра». Сам автор — «сын пасмурных небес полуночной страны, Обыкший шуму вьюг и реву непогоды» в противоположность южанину, который «нежный базовень полуденной природы». «Первый снег» сопровождается развернутым перифрастическим оборотом: «О первенец зимы, блестящей и угрюмой, Снег первый, ваших нив о девственная ткань!»

Однако, продолжая традицию, Вяземский редко употребляет готовые, трафаретные сочетания. Еще встречаем «небес вершины», «свод голубой», «солнца шар», «крылатый миг», «унынье томное» (эпитет *томный* часто использовался в поэзии конца XVIII — начала XIX веков, где слово употреблялось в утраченном сегодня значении «слабый, от томленья изнуренный, удрученный») и некоторые другие. Но подчас старые перифразы звучат у Вяземского свежо, по-новому. Например, в привычном сочетании *сын небес* эпитет *пасмурных* контекстуально расширяет поэтическое сочетание; «унынье томное» персонифицируется, оно бродит «тусклым взором По роцам и лугам...»

Связь с прежней поэтической традицией видна также в широком использовании Вяземским славянизмов, не мотивированных ни темой, ни жанром стихотворения. Очевидно, только соображениями рифмы и ритма объясняются многочисленные славянизмы с неполногласными сочетаниями в «Первом снеге»: *жлад, жладного, ветр, вран, с берегов* (но есть и *берега*), *младость, младая* (ср. в другом месте *горячность молодая*), *глас, серебристый, браздами, всылала*. Встречаем здесь и высокую лексику: *чело, прилив, зреться, денница, ревновать* (в зн. соревноваться), *кошница, окриленный бег* (по *крылатый миг*).

Некоторые славянизмы в поэтической практике XVIII века выступают как рифмы-штампы. К подобным «обязательным» рифмам следует отнести у Вяземского *младость — радость* (*сладость*) — в «Первом снеге», *младость — радость* в «Унынии» (1819 г.). Любопытно, что сам поэт отмечал некоторую беспомощность русского стиха. Отвечая на критические замечания Тургенева по поводу употребления слова *обычайный*, Вяземский пишет: «Мне самому дико немного: «С волнением *обычайным*», но, разобравши, что найдешь в нем худого, ни для уха, ни для смысла; а между тем тот стих хорошо падает: «Воспомянем *тайным*». Мы так бедны на рифмы».

Мы остановились на связи Вяземского с предшествующей поэтической традицией. Однако в «Первом снеге» современники видели черты новаторства. А. И. Тургенев в упоминавшемся пись-

ме от 10 декабря 1819 года, почти деликом посвященном «Первому снегу», неоднократно говорит о смелости, новизне, необычности стихов Вяземского, заключая пословицей: «Смелым Бог владеет». Мы часто обращаемся к высказываниям Тургенева, так как они интересны для нас как оценки современника, широко образованного, очень хорошо знающего современную ему литературу.

«Первый снег» прекрасен прежде всего свежестью образов, точностью эпитетов, сравнений, яркими реалистическими картинами: «снег, как легкий пух, повис на ели голубой», «темный изумруд носыпав серебром, На мрачной сосне он разрисовал узоры», «тень душистее» (Тургенев высказал сомнение в возможности такого сочетания, предложив взамен привычное — «тень таинственности», однако Вяземский оставил первоначальный вариант), «лед свистящий», «онемевший сад», «кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг», «Цепями льдыстыми покорный пруд окован И синим зеркалом сравнялся в берегах». Еще традиционно многословно, но благодаря точным эпитетам, образно описана охота, во время которой «нескромный снег» оставляет «предательский след», становясь доносчиком на «бегство робкого».

А. И. Тургенев отмечает звуковой образ первого снега в стихе «топоча хрупкий снег, пас по полю помчит»: «подражательный звуку первого снега и бегу по нем».

Однако, восторженно восприняв стихотворение, Тургенев не увидел в нем главного, именно того, что Вяземский ставил себе в заслугу, — национального колорита: «Тут есть русская краска, чего ни в каких почти стихах наших нет... тут дело идет не о достоинстве, а о впечатке; не о сладкоречивости, а о выговоре; не о стройности движений, а о народности некоторых замашек коренных», — писал Вяземский. Достаточно вспомнить описание зимы в «Росспаде» М. Хераскова, которое Вяземский перечитывал, работая над своим стихотворением, чтобы почувствовать преимущества автора «Первого снега» именно в придании описываемому национального колорита. Любопытна и точна характеристика, данная Вяземским своему предшественнику: «Херасков... холоднее зимы и умел ее заморозить». В картинах зимы у Хераскова нет конкретных примет *русской* зимы, это условный пейзаж, некое обобщенное представление о зиме:

Сия жестокая других времен сестра
Покрыта седной, проворна и бодра;
Соперница весны, и осени, и лета,
Из снега сотканной порфирью одета,

Оттоле к нам Зима державу простирает,
В полях траву, цветы в долинах пожирает.
И сокп жизненины древесные сосет;
На хладных крылпях морозы к нам несет,
День гонит прочь от нас, печальные длит почт
И солнцу отвращать велит светящи очи; ..

Совершенно по-ипому, конкретные, зримые, легко представляемые картины создает Вяземский:

Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взывая,
Сребристой пылью вдруг окидывает их.

Ср.: у Хераскова: Сня жестокая других времени сестра...

у Вяземского: Весны роскошныя смиренная сестра...

Образ у Хераскова расплывчат, у Вяземского эпитеты создают точный, конкретный, *поэтический* образ.

Глубоко ошибался Тургенев, не почувствовав национального своеобразия «Первого снега», безапелляционно заявив: «Но почему же ты по этим стихам называешь себя преимущественно русским поэтом и находишь в нем русские краски? Эти стихи более других приваждезжат блестящей поэзии французской: ты в них Делиль. Описание, манер — его, а не совершенно оригинальный. Решился ли бы ты делать описание соболя, катанья, бега парой, если бы он не был твоим предшественником?.. Но знаешь ли в чем твой оригинальность? И это принадлежит между русскими поэтами одному тебе; назови ее, если хочешь, и народностью: — в выборе выражений и в даче им такого места почетного и вместе приличного в стихах, что, несмотря на то, что их тут видим в первый раз, никому не придет в голову сбивать их. Тыкто так не пользовался некоторыми словами, как ты — и ты поэт и по эпитетам, и еще по оборотам».

Мы процитировали большой отрывок из письма Тургенева, чтобы показать противоречивость его оценки. Чем «Первый снег» напоминает ему Делиль? Только темой. С таким же «основанием» можно было бы упрекнуть Пушкина в следовании Делилю! Так, в широко известной в России поэме Делиля «Сельский житель, или Георгики французские» читаем:

О лето пышное! прости ты мне молчанье;
Я блеску твоему всеместному дивлюсь,
Но жара твоего жестокости страшусь..

В «Осени» Пушкина:

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас, мучишь; как поля, мы страждем от засухи...

Совершенно прав был Вяземский, когда недоуменно спрашивал у Тургенева: «Отчего ты думаешь, что я по первому снегу ехал за Делилем?.. Я себя называю природным русским поэтом потому, что конаюсь все на своей земле. Более или менее ругаю, хваляю, описываю русское... В большей части поэтов наших... ничего нет своего... Орловский — фламандской школы, по кто русее его в содержаниях картин? Вот о чем идет дело, и дело с концом». Последнее замечание особенно интересно: Вяземский видит заслугу художника в национальном характере его творчества, который заключается в своеобразии видения, мышления, художественной формы, в специфически присущей манере письма.

Читая «Первый снег», невольно вспоминаешь пушкинские «Зимнее утро», «Осень», «Евгений Онегин». Поэтическая переключенка с Вяземским несомненна. Сам интерес Пушкина к поэзии Вяземского весьма знаменателен: многие его стихи он знал наизусть.

Сегодня, читая прекрасные стихи Пушкина, следует помнить, что некоторые из них были навеяны стихами Вяземского, что последний «не раз был его возбудителем, давал толчок, точку отправления или доставлял своими стихотворениями великому поэту материал для поэтической переработки» (Розанов И. К вопросу о литературных влияниях. М., 1915).

В. М. ФОНШТЕЙН

Рисунок В. Козарова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В стихотворении А. С. Пушкина «Цветок» есть такие строки: *Цветок засохший, безуханный, забытый в книге вижу я*. Что значит слово *безуханный*?»

А. Г. Ртищев, Васильсурск

Устаревшее слово *безуханный* означает «не имеющий запаха».

КАК известно, не может быть поэта вне времени и вне традиции. Александр Блок — целая поэтическая эпоха, и все-таки неотделимая от предшественников и современников. Среди поэтов, живших в одно время с Блоком и близких ему, можно выделить имя Инокентия Анненского. Сборник лирики «Тихие песни» (1904), был созвучен стихам Блока и получил неожиданно для автора — учителя гимназии — высокую оценку уже известного поэта (А. Блок. Собр. соч. в 8 тт., т. 5. М.—Л., 1962). Позже А. Блок напишет его сыну в связи с книгой «Кипарисовый ларец», изданной посмертно в 1910 году: «Через всю усталость и опустошенность этой весны — она (книга) проникает глубоко в сердце. Невероятная близость переживаний, объясняющая мне многое о самом себе» (Письмо В. Н. Кривичу от 13 апреля 1910 г.).

Анненский же, знакомый с творчеством Блока той поры, относился к нему неоднозначно. Он, видевший в Блоке «прирожденного символиста», восхищался его стихами о любви, «Незнакомкой», строками в строфах «Снежной маски», подтверждение чему находим в статье «О современном лиризме». Однако осталось еще одно свидетельство — поэтическое. Это четверостишие «К портрету А. А. Блока»:



«НЕВЕРОЯТНАЯ БЛИЗОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЙ»

О тематических
перекличках
в лирике А. Блока
и И. Анненского



Под беломраморным обличьем андрогина
Он стал бы радостью, по чьих-то давних грез.
Стихи его горят — на солнце георгина,
Горят, но холодом невыстраданных слез.

Вряд ли Анненский в полной мере оказался справедливым.
Ведь именно Блоку принадлежат знаменитые строчки:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

по силе «выстраданности» едва ли не самые значительные в русской поэзии. Есть у Блока и более позднее стихотворение о России — «Грешить бесстыдно, непробудно...» из цикла «Родина», в котором любовь и боль также слились воедино (примечательно, что в первой публикации оно называлось, подобно цитированному выше, — «Россия»). Но Анненскому, умершему в 1909 году, не суждено было узнать об этом стихотворении, написанном пять лет спустя.

А между тем «Грешить бесстыдно, непробудно...» было создано вполне возможно, не без влияния И. Анненского, его нелегкой «поэзии совести». Так охарактеризовал творчество И. Анненского А. Федоров в предисловии к его лирике: «Основное ее (поэтической системы Анненского. — *О. П.*) начало и определяющая ее черта — это идея совести. Творчество своего любимого русского писателя, Достоевского, Анненский назвал «поэзией совести». Эти слова применимы и к его собственной лирике» (Иннокентий Анненский. Лирика. Л., 1979).

Сопоставим тексты стихотворений двух поэтов — А. Блока и И. Анненского:

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь демой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслювить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

Б л о к. «Грешить бесстыдно,
непробудно...»

Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков и чада,
И стука бильярдных шаров.

Любиться, пока полососою
Кровавой не вспыхнул восток,
Часочек, покуда с косою
Не сладился белый платок.

Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла —
Чтоб дочь за глазетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.

А н н е н с к и й. Кулачишка

И у Блока, и у Анненского весь текст, за исключением двух последних строк блоковского стихотворения, представляет развитие темы «страшного мира». Она — сквозная в поэзии Блока 1909—1916 годов, когда им создаются циклы «Страшный мир», «Ямбы», «Родина», напряженные по своему социальному накалу.

В обоих стихотворениях тема «страшного мира» получает грамматическое выражение в многочисленном ряду инфинитивов, однако развивается она по-разному и характеризуется определенными особенностями в композиционном, лексико-семантическом и синтаксическом выражении.

В стихотворении Блока наблюдается сюжетная развернутость, тогда как у Анненского сюжет свернут, представлен в предельно

обобщенном виде. Блок будто бы следует за своим героем, разворачивая цепь событий, поступков, которые могли бы уложиться в короткий отрезок времени — неделю, месяц. Он как бы проецирует кусочек человеческой жизни на шесть строф стихотворного текста, заключая последнюю строфу обобщением, непосредственно связанным с авторской позицией. Иначе у Анненского: целая жизнь укладывается в три строфы стихотворения, и каждая из них — одна из «линий жизни» кулачишки. Лаконичность выражения усиливает трагизм, безысходность существования своего рода лирического «алтигероя».

Развернутости сюжета в «Грешить бесстыдно, непробудно...» соответствует и преобладание глаголов конкретной семантики в прямом значении в отличие от стихотворения «Кулачишка», где инфинитивы *цвести* и *скормить* представляют глагольные метафоры.

Короткое стихотворение Анненского насквозь метафорично, наполнено разного рода ассоциативными связями. В первом четверостишии создается иллюзия непрекращающегося гула за счет нагнетения элемента значения «звук» (*немолчный, гулкий, ступище, стук*). И гул начинает ассоциироваться с однообразным, тяжелым ритмом жизни вследствие взаимодействия этих слов со словом *ад*. Вторая строфа имеет некоторую смысловую связь с Достоевским. Вспомним «Братьев Карамазовых», Грушеньку, кричащую вслед Алеше: «...Да передай ему (Мите.— О. П.) тоже моими словами: «Подлецу досталась Грушенька, а не тебе, благодарному!» Да прибавь ему тоже, что любила его Грушенька один часок времени, только один часок всего и любила — так чтоб он этот часок всю жизнь отселева помнил, так, дескать, Грушенька на всю жизнь тебе заказала!..» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М., 1972). Кажется неслучайным, что «один часок времени», «часочек» любовного свидания переключивается к Анненскому. И у одного из главных героев Достоевского, и у «героя» Анненского любовь оказывается от м е р я е м о й жесткой, неумолимой жизнью, происходящей «среди немолчного ада».

Если в I-й и II-й строфах метафорический план лишь присутствует, то в III-й явно обозначается. *Помыкания* и *Злобы* вырастают здесь до масштаба символов, емких аллегорических образов: это помыкания и злобы, творимые «кулачишками», это — и зло всего «страшного мира».

«Страшный мир» в составляемых текстах сопровождается отрицательной эмоциональной окрашенностью лексики. Если у Блока это выражается в употреблении стилистически сниженных, нарочито непоэтических слов: ...к *запавшему* полу Герички

прикоснуться лбом... И *пса* голодного от двери, *ижнув*, ногою *отпихнуть* и т. д., то у Анненского — в лексике, содержащей «отрицательность» как дополнительный семантический признак: среди немолчного *ада*... *полосою кровавой*... *скормить Пемыканьям* и *Злобам*... за *глазетовым гробом*.

Синтаксически стихотворный текст Блока строится как ряд инфинитивов с уступительным оттенком значения, объединенных заключающим предложением — авторским обобщением: «Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дорожке мне». Текст стихотворения Анненского состоит из самостоятельного инфинитивного ряда. При этом роль обобщающей концовки в сюжете выполняет один из членов этого же ряда — последний инфинитив с придаточным, приобретающим в тексте значение антицели: «Чтоб дочь за *глазетовым гробом*, *Горбатая*, с *зонтиком* шла».

Развернутость «словесствования», тяготея к словесной детали ведет у Блока к концовке с отчетливо проявленной авторской позицией: приятне судьбы России через все человеческие падения и страдания. Метафорический контекст стихотворения Анненского, в котором даже детали — *бильярдные шары*, *глазетовый гроб*, *горбатая*, *с зонтиком* — воспринимаются как символические изображения, формирует предельно обобщенный образный план и задает концовку, в которой лишь сквозит вопрос-восклицание: «Неужели это все затем, чтобы?..»

Таким образом, сюжетная развернутость в стихотворении Блока и свернутость в стихотворении Анненского, реализуясь в лексико-семантической и синтаксической организации текстов, представляются принципиальными для выражения авторской позиции и содержания в целом.

Интересно, что ряд инфинитивов, включенный в близкий приведенному метафорический контекст, повторяется в стихотворении И. Анненского «С четырех сторон чаши» (цикл «Тихие песни»). В нем перед нами тоже разворачивается человеческая судьба со всем ее драматизмом. При этом каждое четверостишие связано с возрастным периодом человеческой жизни:

Нежным баловнем мамаш
То большеются, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, па лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
Но привычке все тянуться
К чаше, выпитой до дна.

Это стихотворение тоже перекликается с блоковским «Грешить бесстыдно, непробудно...», потому что речь в нем идет о жизни, прожитой полусознательно, вопреки усыпленной мечте. Автор вслед за Пушкиным и Лермонтовым решает старую образную модель, варьируя известную перифразу — *пить из чаши жизни*. Однако Анненскому и здесь присуща более высокая степень поэтического обобщения.

Приведенные стихотворения Блока и Анненского — размышления о жизни, о людских судьбах, неотделимых от судьбы предреволюционной России. И для выражения бытия — существования в этом мире оба поэта употребляют близкие синтаксические построения.

Несмотря на индивидуально-авторские различия, бесспорна «невероятная близость переживаний», о которой писал Блок.

О. И. ПАНЧЕНКО

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Встретила в литературе слово *Аргус*. Что оно означает?»

Р. И. Кузнецова, Йошкар-Ола

В греческой мифологии Аргус — многоглазый, не знающий сна великан. Ревнивая богиня Гера приставила его стражем к Ио, дочери аргосского царя, в которую был влюблен Зевс. Имя Аргуса стало нарицательным для бдительного, неуспящего сторожа, неотлучно наблюдающего за кем-либо. Например, у Д. Н. Мамина-Сибиряка в его произведении «Хлеб»: «Доктор ежедневно проводил с девочками по нескольку часов, при чем, конечно, присутствовала мисс Дудль в качестве аргуса».



«ДУШИ ИЗМЕНЧИВОЙ ПРИМЕТЫ...»

Фразовые папменова
в прозе И. А. Бунина

«...меня всё ранило — чуть ли не всякое мимолётное впечатление — и, ранив, мгновенно рождало порыв не дать ему, этому впечатлению, пропасть даром, исчезнуть бесследно...»

И. А. Бунина

Иван Алексеевич Бунин по праву считается одним из лучших представителей русской реалистической прозы начала XX века. «Выньте Бунина из русской литературы, — отмечал А. М. Горький, — и она потускнеет, лишится живого радужного блеска и звездного сияния его одинокой, страннической души».

Со страниц бунинских произведений встает яркая, неповторимая личность художника, звучит его страстный, взволнованный голос, во всем видны «души изменчивой приметы» (И. А. Заболоцкий). Состояние покоя, умиротворенности органически чуждо писателю. «Кто бы ни был действующим лицом в рассказе [Бунина], — пишет исследователь его творчества О. Михайлов, — все равно ясно ощущаешь, что великолепные наблюдения сделаны самим автором, и только им. Он не доверяет ничьему вкусу, он единственный творец, он просвещенный самодержец в государстве своего творчества».

Глубоко личное начало определяет как идейную направленность бунинской прозы, так и ее художественную форму, в частности, то, что академик В. В. Виноградов назвал подбором и смелой слов и фраз, выражающих «экспрессивное движение стиля,

переходы и сочетания экспрессивно-стилевых красок, характер оценок» и создающих «представление об идейной сущности, о вкусах и характере творческой личности художника» (Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971).

*

Индивидуальность Бунина в «подборе и смеле слов и фраз» очень своеобразно проявляется при обозначении предметов и явлений окружающей действительности. Писатель не только умеет распорядиться самым универсальным средством обозначения — словом, этой «мельчайшей клеточкой прозы», но также нередко обращается и к описательным наименованиям, выраженным придаточными местоименно-соотносительными предложениями в сочетании с соотносительными местоимениями главных частей (тот, то, все, нечто и под.). Это явление в современной лингвистике получило название фразовой номинации, а сами средства этого обозначения — фразовых наименований. Например: «Все-таки радоваться. Все-таки быть в том векеки неистребимом и самом дивном, что до сих пор кровно связывает мое сердце с сердцем, остывшим несколько тысячелетий тому назад» (Скарабен).

Использование этого стилистического приема открывает большие возможности перед автором, который в известном смысле свободен в выборе признаков наименования, а также в выражении авторской оценки и характеристики называемого. В плане художественно-эстетическом это означает, что употребление описательных наименований помогает Бунину в создании художественного образа, и прежде всего образа автора. «Элементарная поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний... ничтожна сравнительно с способностью языка создавать образы из сочетания слов...» (Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Цит. по кн.: Виноградов В. В. Русский язык).

Как тонко, к примеру, обыгрывается писателем сама форма фразовых наименований в рассказе «На даче». Один из персонажей, вступая в спор с толстовцами и подражая толстовской манере построения фразы (в произведениях Л. Н. Толстого рассматриваемый прием используется действительно очень часто), включает в свою реплику целый ряд описательных наименований: «Я слышу разговор о Толстом,— продолжал Петр Алексеевич, оглядывая всех и подчеркивая слова,— и вот мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. И когда я понял то, что понял, я перестал делать то, чего не надо делать, и стал делать то, чего не делал и что нужно делать».

Какие же задачи помогает решать писателю использование рассматриваемого стилистического приема? Прежде всего, это восполнение индивидуально ощущаемой недостаточности словаря. Например, типичный случай — обобщенное наименование лица или лиц: «Когда он [Тихон Ильич] читал или слышал, что будут отнимать землю только у тех, у кого больше *пятисот десятин*, он и сам становился „смутьяном“» (Деревиля). Обозначение лица может носить и конкретный характер за счет включения в текст наименования деталей, которые важны для автора: «Страшно было ... чувствовать, как доходит до сердца эта далекая, еще не истлевшая любовь — и в одно сливает и того, кого любила она, и *того, с кем, нелюбимым — а все-таки когда-то повисшим ее зонтик и накидку!* — прожила она всю жизнь...» (Чаша жизни). Фразовое наименование способно также уточнять содержание предшествующего текста: «И целых восемь лет отдыхала [Наталья], но ее же собственным словам, от Суходола, от *того, что заставил он ее выстрадать*» (Суходол).

Однако значительно чаще описательное обозначение в прозе Бунина имеет более сложный характер и служит решению экспрессивно-стилистических задач. «Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична — от самого мимолетного до самого устойчивого, от взволнованности мгновения до постоянства...» (Виноградов В. В. Русский язык). Само многообразие явлений действительности требует от художника поиска особых, индивидуально-авторских средств обозначения, и Бунин прекрасно использует в этих целях экспрессивные возможности фразовой номинации.

Описательные наименования, например, позволяют автору обозначить и сложное психологическое состояние человека, который сам не может разобраться в происходящем и страшится этого: «Но с конца Петровок опять началось: опять тоска и такой страх гроз, пожаров и еще *чего-то, что она загаивала...* И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданиями бед — и *тем, что держала она в тайне*». Употребление описательного обозначения в рассказе «Суходол» «того рокового, что было в несчастии» помещицы, сходящей с ума в предчувствии своего конца, не только создает напряженность повествования, но и является символом гибели всего помещичьего уклада.

Бунину-писателю свойственно чувственное восприятие окружающего, поэтому часто фразовые наименования выражают то впечатление, которое произвело на автора и его героев заинтересовавшее их явление. Например, в рассказе «Тишина»: «Но где

озеро? И на мигу мы остановились в недоумении. Вдалеке все было в легком светлом тумане, а мостовая в конце улицы блестя под солнцем, как золотая. И мы быстро пошли к тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой». А вот какое впечатление на юного героя «Жизни Арсеньева» производит осенний пейзаж: «... уже слишком тихо и голо было всюду и во всем было то последнее, бедное, смиренное, что бывает только самой поздней осенью ...».

Бунин и его героев глубоко волнуют вопросы о смысле жизни и таинстве смерти, о неопределенности человеческой судьбы. Переживания, сомнения «одинокой, страннической души» писателя также часто становятся объектом описательного обозначения. Не случайно при этом употребляются неопределенные местоимения, создающие «атмосферу обреченности, таинственной неопределенности» (Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики): «Но, может, есть нечто, что не подлежит даже и видоизменению, не подвергается ему не только в течение моей жизни, но и в течение тысячелетий?» (Ночь). Неопределенность может усиливаться за счет введения в обозначение оценочных существительных: «... и стоял за решеткой в одном из этих окон человек в кофте из серого сукна и в такой же бескозырке, с желтым пухлым лицом, на котором выражалось нечто такое сложное и тяжкое, что я еще тоже отроду не выдывал...» (Жизнь Арсеньева).

Экспрессия фразового наименования возникает как следствие столкновения между стремлением автора разобраться в обозначаемом явлении и характером самого явления, недоступного авторскому пониманию, что, естественно, держит читателя в напряжении: «Эта мысль о собственной мысли, понимание своего собственного непонимания есть самое неотразимое доказательство моей причастности чему-то такому, что во сто крат больше меня, и, значит, доказательство моего бессмертия...» (Ночь). Постоянный, углубленный анализ действительности рождает попытку дать индивидуально-авторские определения. Например, мысли автора о сердце в рассказе «Воды мгнове»: «...кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всем творении по таинственности и тонкости?». В этом художественном «поиске истины» Бунин проявляет себя тонким психологом, часто вступающим в полемику — как с самим собой, так и с общепринятым мнением о явлении или предмете. С этой целью в одном тексте сталкиваются словарное и фразовое наименования: «И я ехал и слушал, потом стал считать, сколько лет нагадает мне она [кукушка], — сколько еще осталось мне всего того непостижимого, что называется жизнью, любовью, разлуками, потерями, воспоминаниями».

ниями, надеждами...» (Жизнь Арсеньева). «Обычно переживает человек в это время [двадцать два года] то, что медицински называется зрелостью пола, а в жизни — первой любовью...» (Дело корнета Елагина).

В прозе Бунина полемика может иметь и социальный характер. «Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» — вопрошает автор вместе с героем романа «Жизнь Арсеньева», размышляя о национальной гордости дворянского сословия, по так и не найдя слова, которое служило бы наименованием того, на что это сословие утратило право.

*

Мучительно переживая свой разрыв с родиной, Бунин в изображении явлений и событий, связанных с эмиграцией, намеренно «снижает» риторическое «звучание» описательного обозначения. С горькой иронией говорит он об эмигрантах, обезличивая их самих и обеспредмечивая то, что ожидает их впереди: «На что могли надеяться все те, что сбились на «Патрасе», в том совершенно загадочном, что ожидало их где-то в Стамбуле, на Кипре, на Балканах?» (Конец).

Как непохоже это на употребление эмоционально окрашенных фразовых наименований в путевых очерках «Тень птицы» — обозначений, вызванных яркими впечатлениями писателя, его раздумьями о величии человеческой истории. Так, древнегреческий храм Акрополь в восприятии Бунина — это «то, что блещет ... золотыми руинами, в жарком синем небе ... то, что так божественно-легко и стройно громоздится на гранитных укреплениях, вросших в темя этого „Алтаря Солнца“» (Море богов), а древнеегипетский владыка знаменитых пирамид фараон Хеопс — тот, «кто вот уже шесть тысяч лет изумляет землю» (Свет Зодиака).

Стремление писателя проникнуть в суть называемых явлений и выразить к ним свое отношение достигается, как мы видим, за счет использования экспрессивных «ресурсов» синтаксиса.

Фразовые наименования в прозе И. А. Бунина несут большую смысловую и стилистическую нагрузку.

А. А. БУРОВ
Пятигорск

Речевой этикет: «ТЫ» и «ВЫ»



В системе русского речевого этикета интересна история одного из языковых средств проявления учтивости — вежливого «вы» и его соотношения с интимным «ты». Вплоть до конца XVII века обращение на «ты» в России было всеобщим, повсеместным и социально нейтральным. Оно адресовалось старшему и младшему, князю, царю и холопу. Правда, рядом с этим личным местоимением обычно употреблялось приложение, уточняющее социальный статус лица: «Тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра» (Слово Даниила Заточника). Личное местоимение множественного числа первого лица, обращенное к одному человеку, едва ли не впервые встречается в деловой письменности XIV века: «Мы, Юрьи Святъславичъ князь великий Смоленскый» (Акты Южной и Западной России. Т. II [1386 г.]).

Между самовелчанием на «мы» и почтительным «вы» лежало целое столетие. Первые случаи вежливого обращения на «вы» к русским царям отмечены в дипломатической переписке XV века: *к вашей милости, к вашей высокости, ваше господство* (см.: Черных П. Я. Заметки об употреблении местоимения *вы* вместо *ты* в качестве формы вежливости в русском литературном языке XVIII—XIX веков. — Ученые записки МГУ имени М. В. Ломоносова. Вып. 137. Труды кафедры русского языка. Кн. 2. 1948).

В Петровскую эпоху вежливое «вы», ставшее к тому времени международной этикетной формой, из дипломатической переписки постепенно проникло и в другие сферы официального и неофициального общения. Под влиянием иностранных образцов рождались новые галантные стереотипы обращения в частных

письмах. Так, переводная книга «Приклады, како пишутся комплименты разные» (1708) диктовала вежливые «выкающие» штампы для частных писем: *К вашему изволению; Ваш, моего господина, униженный слуга; Ваш моего высокопочтенного господина отца послушный сын*. Знаменитое и, пожалуй, самое раннее руководство по русскому этикету «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717) учит молодых людей: «Когда родители или кто другие их спросят (позовут), то должны они к ним отозваться и отвечать тотчас, как голос слышат. И потом сказать: „Что изволите, государь батюшка?“ или: „государыня матушка“, или: „Что мне прикажете, государь?“, а не так: „Что, чего, што, как ты говоришь, чего хочешь“».

Частная переписка и художественная литература XVIII века дают немало примеров переходов с «вы» на «ты» и наоборот. Вот, например, в письме Петра I к князю Репяну: «Сегодня получил я ведомость о Вашем толь худом поступке, что можешь шеею заплатить, ибо я чрез господина губернатора под смертью не велел ничего в Ригу пропускать. Но ты пишешь, что Огилвия тебе велел».

С тех пор почти три столетия не прекращается конкуренция «ты» и «вы» в некоторых сферах общения. В ней отражаются и социальная градация, и разница в возрасте, и ситуация общения, и образование людей. Замечательные образцы манеры обращения на «вы» находим в русской классической литературе. В XIX веке именно так обращались друг к другу даже близкие и любимые люди. Вспомним Наташу Ростову и Андрея Болконского, Чацкого и Лизу, Илью Обломова и Ольгу Ильинскую.

И все-таки в интимно-бытовом общении устойчиво закреплялось исконно русское «ты» при известной близости и сердечности говорящих, а «вы» все настойчивее становилось строгим знаком официальной вежливости. В. И. Даль так определил в своем Толковом словаре значение этого местоимения: *Вы* — местоимение личное множественного числа второго лица. Употребляется, «и говоря с одним лицом, из вежливости, как бы относясь к человеку, который один стбит многих».

При употреблении этих местоимений на передний план выступало социальное неравенство двух сторон. Блестящая игра «ты» и «вы» показана в рассказе А. П. Чехова «Толстый и тонкий»: «— Порфирий!» — воскликнул толстый, увидев тонкого. — Ты ли это? Голубчик мой. Сколько зим, сколько лет!

— Батюшки! — изумился тонкий. — Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?»

Но вот тонкий узнает, что бывший одноклассник стал тайным советником: «Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съезжился, сторбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съезжались, поморщились...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

— Ну, полно! — поморщился толстый. — Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства — и к чему это чиновничество?

— Помилуйте... Что вы-с... — захихикал тонкий, еще более съезживаясь. — Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги...»

Соединяясь с титулом, местоимение *ваше* показывало место человека на лестнице чинов: *ваше величество, ваше высочество, ваше превосходительство, ваша светлость, ваше степенство, ваше благородие*... Такое сочетание становилось фразеологизмом, который при недостаточно высокой культуре говорящего сочетался с личным местоимением «ты». Вот как А. С. Пушкин описывает обращение Пугачева к Гриневу: «Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь?»

Но уже со второй половины XIX века способность обращаться к любому человеку на «ты» стала расцениваться как особенность речи малограмотных или невоспитанных людей. В этом плане интересен рассказ А. П. Чехова «Ты и вы», где судебный следователь Попиков обращается на «вы» к крестьянину во время допроса, а в ответ слышит «ты». Он учит свидетеля: «Нужно говорить *вы*... Нельзя тыкать! Если я говорю тебе... вам *вы*, то вы и подавно должны быть вежливым!»

Вместе с тем история показывает, что соотношение обеих форм не было однозначным и в советский период. В годы революции и в годы Великой Отечественной войны демократичное «ты» было более употребительным, оно утверждалось быстро и прочно не только в дружеском кругу, но и в официальном общении. «Ты» сближало и сплачивало всех в единую силу в борьбе с фашизмом. Знаменитые плакаты Д. С. Моора зывали к совести каждого: «Ты записался добровольцем?» (1920); «Ты чем помог фронту?» (1944).

*

В современной русской языковой культуре личные местоимения *ты* и *вы* несут большую и значимую нагрузку. Они не только указывают на действующее лицо, но и выражают определен-

ную тональность общения, делая его нейтральным, деловым, дружеским, интимным или даже нарочито грубым и невежливым. За каждым из них закреплены разные сферы человеческих контактов, и в этом плане оба местоимения находятся под строгим социальным контролем.

«Ты» — для интимного, неофициального и фамильярного общения дома, в кругу семьи, сверстников, друзей, приятелей (см. статью Т. С. Коготковой «Как обратиться к родителям». — Русская речь, 1981, № 1). «Вы» — в высокой торжественной, нейтральной, официальной и нейтрально-обиходной сфере общения, в частности на улице, в транспорте, в магазине. В нашей речи есть даже фразеологизмы: *быть на ты (вы), называть на ты (вы), переходить на ты (вы)*.

Элементарная вежливость требует уважительного отношения к любому незнакомому человеку. Кому не доводилось быть свидетелем бурного разговора незнакомых людей, когда звучало гневное: «Какое Вы имеете право мне „тыкать“?» В газете «Правда» (1983, 28 марта) была опубликована статья «Против чванства» об одном начальнике, который позволил себе говорить на «ты» с незнакомой учительницей.

В нашем обществе форма «вы» универсальна и глубоко демократична, ибо в ней заложены гуманизм и подлинное равенство сторон. Но в жизни мы нередко сталкиваемся с разными вариантами отступлений от этой нормы. В романе «Таксопарк» И. Штемлера описана такая сцена:

«Лениво вскинув полусогнутую ладонь, милиционер произнес, глядя в сторону:

— Нарушаешь? Плохо со зрением, да? Висит знак — левый поворот запрещен, а ты дуешь...

Сергачев стоял молча...

— Ты что, не слышишь? Попрошу права, — повторил милиционер.

— А собственно, почему вы мне «тыкаете», сержант?

— Что? — изумился милиционер.

— Я рабочий человек, сержант, и нахожусь сейчас на своем рабочем месте — кто дал вам право обращаться ко мне на „ты“?

— Что это... вы, товарищ таксист, разговорились?

— Вот. Так-то лучше, сержант, — усмехнулся Сергачев. — Конечно, если вы скажете, что вы не окончили лицей, я вам поверю. — И он легко и весело протянул милиционеру свое удостоверение».

А вот картина «с натуры». Молодой мужчина (должностное лицо) обращается к женщине, старшей по возрасту: «Анна Павловна, ты мне подготовь эти документы на подпись». В ответ на

начальственное «ты» секретарь вежливо отвечает: «— Да вы не беспокойтесь, Виктор Петрович, все будет сделано».

В обеих ситуациях употреблено одностороннее «ты» в деловом общении. Но в первом случае человек, руководствуясь чувством собственного достоинства, требует законного «вы», а во втором — женщина смирилась с неравноправным «ты» и, может быть, даже не осознает своего права на должное уважение.

Только как изъян нравственного воспитания можно расценить и одностороннее обращение на «ты» к коллегам — медсестрам — со стороны молодых врачей, о котором рассказала «Литературная газета» (1983, 30 марта) в статье «Маша, выпиши рецепт». «В какой форме обращаются к медсестре? „Маша, возьми бланк, выпиши рецепт. Сделай больному инъекцию“ А мне, Маше, уже скоро на пенсию. Где же мое отчество? Где должностное „вы“?» — пишет автор письма.

В неоднородных по возрасту трудовых коллективах с давно сложившимся составом рабочих-сверстников вполне возможно обращение на «ты»: как говорится, вместе съели не один пуд соли. Случается, что молодежь, приходя в такой коллектив, подхватывает такую же манеру обращения. И как же горько бывает седому мастеру услышать от еще «зеленого» рабочего: «Иван, заправь мне резец», «Дядя Саша, помоги с деталью», «Катерина, покажи, как заделать этот шов». Такое панибратство по отношению к старшим по возрасту и опыту вызывает протест, растет обида на тех, кто, не задумываясь, отказывает немолодому человеку в заслуженном уважении. В несоблюдении возрастной дистанции проявляется бесцеремонность, душевная глухота и невоспитанность.

Однако нормы вежливости адресованы не только к младшим, но и к старшим. В одном из писем в редакцию «Русской речи» А. Баулин из Южно-Сахалинска рассказывает о споре в коллективе водителей. Двадцатипятилетний сотрудник назвал сорокалетнего на «ты». Ему сделали замечание. Он возразил: «Если ко мне обращаются на „ты“, то почему я должен называть этого человека на „вы“».

25 лет — возраст достаточно зрелый, поэтому отрицательная реакция у «младшего» на форму «ты» вполне законна. Переход на «ты» в деловом общении может быть только двухсторонним и добровольным. Он обязательно связан с духовным сближением людей и возникшей теплотой отношений. Инициатива в переходе на «ты», как правильно замечает А. Баулин, должна исходить от старшего по возрасту и служебному положению. Р. Гамзатов, адресуя теплые слова Александру Кривицкому, рассказывает: «А ты, прощаясь, заметил: „...В интересах равноправия на

зывать меня на *ты*. Поэты выше царей, а я всего лишь заместитель главного редактора". С тех пор прошло много лет, и я уже давно обращаюсь к тебе на *ты*, но до сих пор горячо благодарен веселому и строгому человеку, твердо поддерживавшему поэта на заре его туманной юности» (Лит. газета, 1980, 13 авг.).

Односторонний переход на «ты» при отсутствии доверительных неофициальных отношений между людьми всегда воспринимается либо как оскорбительный акт, либо как нарушение этикета.

В наши дни в сфере делового общения активно наступает вежливое «вы». Более корректно и оправданно такое обращение к старшеклассникам и студентам. В нем уважение и доверие. Смена привычного «ты» на «вы» может расцениваться по-разному. В неофициальной обстановке — это признак подчеркнутой вежливости и даже разрыва дружеских отношений. В официальной (чаще всего в среде педагогов) — нарочитое проявление сложившихся, в данной социальной среде общепринятых норм обращения. Например, при студентах: «Людмила Анатольевна, вы провели уже занятие?» вместо привычного «Люся, ты...» — в присутствии студентов.

Конечно, само по себе обращение на «вы» еще не гарантия высокой воспитанности, если оно не сочетается с другими формами обращения, в частности с использованием имени и отчества. «Вы», окрашенное грубой выделительной интонацией, не менее оскорбительно, чем «ты»: «Слушайте, вы».

Таким образом, «ты» и «вы» и сейчас продолжают оставаться на разных полюсах социальной значимости. В них заложены разные нюансы человеческих отношений. И вместе с тем вопрос о «ты» и «вы» выходит за пределы словесного этикета и становится проблемой этической.

Л. А. ГЛИНКИНА
Челябинск

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«В статьях и книгах о художниках часто встречается такое сокращение — ВХУТЕМАС. Что оно означает?»

Н. Ф. Выборнов, Барнаул

Аббревиатура ВХУТЕМАС существовала в 1921—1926 годах. Это сокращенное наименование Высших государственных художественно-технических мастерских.

ВСЕГДА ЛИ НУЖНЫ ПРИСТАВОЧНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

?

В статье «Как приставка обогащает слово» (1983, № 1) говорилось о важной роли приставки. Действительно, такой скромный морфологический элемент, а как много он значит для смысла и экспрессии слова! Однако в связи с приставкой можно вести разговор не только о фактах, лингвистически позитивных, как отмечает автор упомянутой статьи Г. А. Брусенская, но и о явлениях негативных, особенно если посмотреть на них с культурно-речевых позиций.

Поводом для данного разговора послужило письмо

Читателем задан конкретный вопрос об одном слове, а в памяти всплывают другие, подобные слова-уроды, портящие наш язык, но которые под разными предлогами и оправданиями в спешке и стремительности нашей технической эпохи грозят укорениться надолго. Оба слова — и *беспростой* и *бесперепростой* — не показались нам удачными. Неслучайно возможность их применения ставится под сомнение даже в той среде, где они возникли и где их смысл понятен всем без того обширного пояснения, которое приводит для нас в своем письме Л. Д. Латун. Слова эти, естественно, не фиксируются ни в одном из толковых словарей литературного языка. Они, с нашей точки зрения, — типичные представители профессионально-арготической речи, то есть речи работников железнодорожного и автомобильного транспорта.

Надо иметь в виду, что в повседневном речевом обиходе каждой профессиональной среды (учителей и учащихся, военных и кинематографистов, рабочих-производственников и научных работников, служащих министерств, ведомств и под.) много слов, словечек и выражений, которые широко там бытуют, обслуживая эти сферы. Речевая стихия здесь очень сильна; она дает о себе знать в массовом появлении окказионализмов, то есть слов или устойчивых сочетаний их, неправильно и поспешно образованных, но принятых в этой среде как необходимое название чего-либо.

в журнал «Русская речь». «На предприятии, где я работаю, продукция реализуется авто- и железнодорожным транспортом, — пишет Л. Д. Лагун (Ворошиловград, пос. Юбилейный). — На простой вагонов под погрузкой и разгрузкой уставлены нормы, которые нарушаются. Чтобы заинтересовать работников, ответственных за погрузочные работы, в бесперепростое вагонов, на предприятии действует Положение о премировании за бесперепростой вагонов под погрузкой и выгрузкой, условиями которого предус-

мотрено за наличие факта перепростоя выплачивать определенный процент премии, а за снижение нормы простоя — дополнительно определенный процент. Премия оформляется приказом. В наименовании приказа пишем: „О премировании за бесперепростой железнодорожных вагонов“. Однако у нас возникают сомнения в правильности слова *бесперепростой*. Как правильно писать: за *беспростой* или за *бесперепростой*? А может, эти слова можно заменить другим словом, более правильным и более понятным?»

Многое в профессионально-просторечную речь пришло из народного языка, местных диалектов, много слов усеченных, кратких, постоянно возникающих как результат эллиптического свертывания (сокращения) словосочетаний. Безусловно, подобные производные слова удобны для конкретных целей устного общения среди лиц одного круга; они понятны и тому, кто их сказал, и тому, кому они адресованы. По этой причине такие слова легко приживаются и в конце концов становятся в данной среде привычными.

Известный советский языковед Е. Д. Поливанов, оценивая лаконизм самопроизвольной устной речи, блестяще заметил: «Мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается; и говорить иначе было бы безрассудной расточительностью» (Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968).

Наши слова *беспростой* и *бесперепростой* — это и есть всего лишь «необходимый намек» на мысль, а не полноценные слова литературного языка. Обратимся к значению этих слов и к структуре их. Корень *-стой* (сравним иные имена существительные с ним: *древостой, застой, настой, простой, сухостой, травостой*) осложнен в одном случае двумя приставками: *бес-, про-* (*беспростой*), в другом — тремя: *бес-пере-, про-* (*бесперепростой*). Каждая приставка вносит в слово свое значение. Самая близкая

к корню срослась с ним настолько, что это сращение (*простой*), являясь самостоятельным и употребительным словом, служит основой для рождения в языке новых слов (*простойные часы работы*).

Внутренняя форма слова *беспростой* прозрачна и настолько ясна, что содержание его не может вызвать никаких сомнений. Есть отглагольное существительное *простой* — «вынужденное бездействие (рабочей силы, механизмов), неподвижная остановка в работе»; смысловая связь с *простоять* — *простаивать* в нем очевидна, а приставка *без(с)*- отрицает то, что сообщается основой слова (аналогичное значение в словах *безвозвратный, безвоздушный, безвыездный, безвыходный, бездоказательный*).

Также ясна и прозрачна структура *бесперепростой*. В ней видны причины появления этого словечка. Возникла необходимость назвать само явление в жизни конкретного производства; этапы этого наименования сводятся к следующему: 1) *простой* (ж. д. вагонов) — 2) *перепростой* «чрезмерный простой (ж. д. вагонов)» — 3) *бесперепростой* «отсутствие чрезмерного простоя (ж. д. вагонов)». Это одна сторона — внеязыковая, другая — собственно языковая.

Как уже говорилось, стихийно в языке всегда заложено стремление назвать новое явление более экономными (краткими) средствами. Эта тенденция особенно заметна в разговорной (неписьменной) форме языка, например: в разговорной речи — *Ленинка*, в письменной — *Ленинская библиотека* или *Библиотека имени В. И. Ленина*. Слово *бесперепростой* короче, чем равнозначное ему выражение *отсутствие чрезмерного простоя*. Кроме того, как всякое существительное, оно обладает большими словообразовательными возможностями, поэтому лингвистически удобнее, чем сочетание из многих слов. Можно ведь сказать: *бесперепростойный режим работы*.

И тем не менее... как бы точно оба слова ни называли определенные явления действительности, это плохие, уродливые слова. В самом появлении их заметны следы торопливой, небрежной разговорности, о чем свидетельствует сама структура данных слов: *беспростой* и *бесперепростой* — отглагольные существительные. Грамматическим отрицанием для глаголов в русском языке являются частицы *не* и *ни*: *не простаивать, не читать, не сомневаться* и т. п. Для имен же — существительных, прилагательных, производных от них наречий и других частей речи, — кроме этих отрицаний, есть еще отрицательные приставки, в их числе прежде всего *без(с)*-. Она показывает либо отсутствие, либо противоположность тому, что названо производящим существительным:

безверие, безвкусица, безводье, безнадежность, безобидный, безотрадный, безусый и мн. др.

Даже в народных говорах, где условия устного существования слова как бы определяют и во многом объясняют свободу и простор в словотворчестве, приставочные образования с *без(с)*-зарегистрированы областными словарями в большинстве случаев от имен, а не от глаголов. Приставка *без(с)*- соединяется с глаголом (или отглагольным именем) очень редко.

По преимуществу с ней образуются прилагательные. Существительные от этих прилагательных возникают чаще всего со значением признака (или свойства): *безболезненный — безболезненность, безалаберный — безалаберность*. И целая серия прилагательных с *без(с)*- вовсе не образуют аналогичных существительных: *бесперебойный*, но нет *бесперебой*; *беспокойный*, но нет *беспокой*; *беспроволочный*, но нет *беспроволочка*.

Кроме того, не всегда возможно соседство в одном слове приставок *без(с)*- и *пере-*. Приставка *без(с)*- может входить в соединение с приставкой *пере-* в том случае, когда последняя означает либо направление действия через пространство (*без-пере-садовый*), либо повторение действия (*без-пере-бойный*); если же приставка *пере-* означает чрезмерное усиление действия (или явления), то такое объединение не всегда логично. *Без(с)*- — отрицание действия, а *пере-* — усиление его; они исключают друг друга. Именно таким примером и является слово *бесперепростой*.

В небрежной разговорной речи можно услышать и такие «шедевры» двух- и трехприставочных слов, где приставки по своему значению абсолютно исключают друг друга (*перенедовыполнение*). По ведь такие факты могут оцениваться однозначно — недопустимо!

Итак, слова *беспростой* и *бесперепростой* — результат нарушения узуальных, то есть привычных и присущих природе нашего языка, соединений приставок с основами слов. Именно поэтому слова эти так коробят слух, а облик их не радует взор даже тех, в чьей среде они возникли, вызывая постоянные сомнения в возможности их использования.

Наш конструктивный совет автору письма Л. Д. Матун был таков. Чтобы строка приказа выглядела стилистически литературно, а подбор слов не вызывал смущения и неловкости, надо прибегать в подобных случаях к описательным формам выражения: *о премировании за отсутствие простоя железнодорожных вагонов*; или: *о премировании за отсутствие дозволенного нормами простоя железнодорожных вагонов*. Такие описательно пространственные формулировки соответствуют документально-деловому стилю приказов, циркуляров, инструкций и т. п.

В наше время, когда в печати, на радио и телевидении активно обсуждаются проблемы техники, науки и производства, все больше и больше растет приток профессионально-специализированной лексики в массовое употребление. Среди этих слов двух- и трехприставочные образования: *автоподзавод* (у часов), *дозаправка* (самолетов), *заряженные* (подшипники), *недовыработка*, *недозаправка*, *недопоставка*, *недоустойка*, *недоустроенность*, *обездвижить* — *обездвижение* и под. Ежедневно они звучат по радио и телевидению, пестрят на газетной полосе, хотя на многих производят отталкивающее впечатление. Наибольшее распространение получают слова с приставкой *недо-* — сращение отрицательной частицы *не-* и приставки *до-*. Эта сложная приставка в русском языке не нова: издавна известны слова *недобор*, *недоваривать*, *недовес* — *недовешивать* и под.

Обширную группу существительных с приставкой *недо-* составляют народно-промысловые названия животных, не достигших определенного возраста или нужной товарной кондиции: *недохунь* — *недохунок*, *недопесец* — *недопесок* — *недопесь*, *недорысок*, *недособолек* — *недособоль*, *недоярок*; к ним же близки и наименования еще незрелых лиц или обладающих какой-либо социальной неполноценностью: *недопасок*, *недоумок*, *недочеловек* и др.

Степень спаянности приставки *недо-* с корневой частью или приставочной основой в разных случаях неодинакова. В одних она колеблется от полной спаянности морфем, где грань между приставкой и корнем слабо различима (*недомогать*, *недоумевать*), в других — эта грань очевидна (*недобрать*, *недоверить*, *недолить*, *недопеть*, *недосказать*).

Даже из приведенных примеров видно, что приставка *недо-* вносит в слово значение неполноты, недостаточности действия или отсутствие нужной меры, степени, нормы того, что содержится в корневой морфеме (или основе) слова. Нетрудно понять, сколь важно такое смысловое уточнение внелингвистически. По существу вся глагольная лексика нуждается в показе полноты или неполноты действия. Тонкости смысловой нюансировки, когда слово с приставкой *недо-* выстраивается в сопоставительный ряд с близкозначущими однокорневыми, удачно обыгрываются отдельными журналистами: «Месторождения дают жизнь поселкам и городам. Вовлечение новых богатств в хозяйственный оборот снимает с насиженных гнезд тысячи людей... умножает адреса точек социально-бытовой недоустроенности, полуустроенности, - неустроенности...» (Лит. газета, 1981, 15 июля).

Отдельные образования с *недо-* фиксируются толковыми словарями литературного языка. Показательно, что количество этих

фиксаций увеличивается в каждом последующем словарно-справочном издании. Так, словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» (М., 1971) дает одно слово *недопоставка* — «неполное выполнение поставки чего-либо (в проф. речи)», а в словарях-справочниках 70-х годов количество этих слов намного возрастает.

Не очень складное и не очень благозвучное слово *недопоставка* из профессиональной речи поставщиков, снабженцев и торговых работников быстро перешло в широкое употребление, например, в романе И. Штемлера «Универмаг» сталкиваемся с этим словом постоянно как в речи персонажей, так и в авторской.

Всякое устоявшееся слово в языке поддерживается употреблением однокорневых с ним образований. Так, слово *недопоставка* встречается на газетной полосе или слышится по радио не одно, рядом с ним обычно *недопоставить*, *недопоставленный* и *недопоставлять*.

Исследователи отмечают, что появление слов с *недо-* в языке регулярно, продуктивно и обладает большими потенциальными возможностями. Просматривая «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах, где, как известно, в справочном отделе каждой словарной статьи приводятся сведения о первой фиксации слова в словарях, убеждаешься, как образования с приставкой *недо-* разбросаны во времени. Есть слова, отмеченные уже в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (*недобор*, *недомыслие*), очень много образований относится к XVIII веку (*недовес*, *недовольство*, *недоделывать*), а также к XIX и XX векам.

Слова с *недо-* чрезвычайно распространены в профессиональной лексике: *недогруз*, *недолив*, *недоруб*, *недовоз*, *недосев*, *недопробег* (паровоза), *недозаготовка*, *недозагрузка*, *недоуборка*, *недоувязка* и под. Известно, что именно терминологические ряды слов, называя понятия науки, техники, производства, ремесел, отличаются предельной точностью и определенностью смысла. Эта приставка придает слову такую однозначность. Замечено, что именно в профессионально-терминологической лексике все больше и больше появляется приставочных образований с двумя и тремя приставками. И не только с *недо-*, сюда же можно добавить и другие случаи: «Главный специалист отдела охотничьей ветеринарии, он вот уже много лет занимается *обездвижением* животных. Зачем? Чтобы лечить, исследовать, расселять их в заповедниках» (Веч. Москва, 1981, 18 июля).

Общая терминологизация литературного словоупотребления, объясняемая технической революцией нашего времени, обуславливает и активизацию приставочного словообразования в русском

языке в целом. Но если в профессиональном общении это явление можно оправдать коммуникативной целесообразностью, то не всегда можно найти уважительные причины в других речевых ситуациях. Услышанные по радио или попадающие на глаза в печати двух- и трехприставочные слова очень часто воспринимаются слушателями, читателями или как тяжеловесные порождения казенно-деловой и профессиональной речи, или как «сырая», «засоренная», как кто-то метко сказал, «магнитофонная» речь. Такие образования вряд ли займут достойное место в хорошей литературной речи! Неслучайно они — постоянные «фигуры комического» в сатирических и юмористических повествованиях. В одной из передач Всесоюзного радио «С добрым утром» (1982, 28 марта) была разыграна небольшая юмористическая сцена с просьбой-заявлением в вышестоящую организацию «по поводу *недопоставок* нашему СМУ подшипников». А заканчивалось заявление вполне определенной просьбой: «Отгрузить *занаряженные* нам подшипники». Или другой развлекательный рассказ о начинающем журналисте Коле, который скучал в редакции за краткими отчетами о *недозавозе* маек в городской универмаг (юмористическая передача, 1982, ноябрь).

*

Итак, велики словообразовательные и семантические возможности приставки. Однако забота о языковой культуре нашего общества, об уместности и выборе слов и выражений невольно приковывает внимание специалистов-русистов к тем фактам, которые идут вразрез с самим понятием «культура речи». И здесь весьма заметно выступают примеры двух- и трехприставочного словообразования. Его активизация в последнее время объясняется, с одной стороны, выходом специально-терминологической лексики через каналы массовой информации (заметим — авторитетные и престижные для нашего общества!) в общее употребление, с другой же — стихией разговорной речи, не сдерживаемой в должной мере нормативными предписаниями и рекомендациями. Сливаясь вместе, эти две струи образуют такой мощный поток, что лавина его становится реальной опасностью для речевой культуры. Сдерживать разговорную лавину в области приставочного словообразования — наша задача сегодняшнего дня. Культура языка, как и всякая культура, — это ведь и система запретов.

Т. С. КОГОТКОВА

Человек с большой буквы...

Так говорят о том,
кто отличается высокими
человеческими качествами.
Выражение это восходит
к очерку М. Горького
«В. И. Ленин»:
«Я бы назвал эту основную
черту его характера
воинствующим оптимизмом
материалиста.
Именно она особенно
привлекала душу мою
к этому человеку, —
Человеку — с большой буквы».
В. И. Ленин — гений
человечества, вождь
революции — вызывает
у М. Горького чувство
глубокого восхищения,
и передано оно словами
«Человек с большой буквы».
Почему именно
«с большой буквы»?
Какую роль вообще выполняет
заглавная буква?

С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Буквы увеличенного вида встречаются уже в памятниках древнерусского языка. Их можно увидеть в заголовках старинных книг. Рукопись украшали разрисованные начальные буквы текста — инициалы. Большие буквы отделяли друг от друга части, разделы текста, иногда обозначали и границы слова (ведь письмо было сплошным, беспробельным). Только постепенно, с развитием письма, появлением различных знаков препинания утверждаются современные правила утолщения прописных букв.

Открываем книгу. Над ровными рядами строчных букв в строго установленном порядке поднимаются заглавные, прописные буквы. Многие из них повторяют образ строчной буквы, только в увеличенном размере. Но некоторые заглавные буквы имеют иное, отличное начертание. Вот, например, большая буква *В* чем-то напоминает *б* малое. И все-таки «крышечка» сверху в прописной букве не такая, как в строчной. Как сказал поэт, «„В“ вдаль из-под ладони загляделася...» (Вознесенский. Мелодия Кирилла и Мефодия).

Прописной буквой начинается заглавие, красная строка — отступ в начале абзаца. Эта буква открывает каждое новое предложение. В поэзии заглавная буква нередко отделяет одну стихотворную строку от другой. Такое графическое оформление помогает обозначить ритмические отрезки текста, выделить рифмующиеся слова:

А князь тем ядом напитал
Свой послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

Пушкин. Аи́чар

С заглавной буквы пишутся имена, отчества и фамилии, прозвища и клички, географические названия, наименования газет, журналов, пароходов... И если имя собственное звучит одинаково с именем нарицательным, то на письме их отличие передается начальной буквой — прописной или строчной: «Мы на Чугуне жили в ту пору. Я это слово не случайно с большой буквы написала: жили мы, понятное дело, не на том чугу́не, что в печь ставят, а речка так называлась» (Измайлов. Малина ясная).

Так писатель не без юмора говорит о несколько необычном названии реки. Но и без его пояснений было бы ясно, что в повествовании упоминается какое-то географическое понятие: ведь написано это слово с заглавной буквы.

Прописными буквами пишутся многие сложносокращенные слова: СССР, БАМ, ГОЭЛРО. Такая буква принята в обращении на «вы» как выражении речевого этикета.

А вот *Ты* с большой буквы встречается в стихах, посвященных любимой. Так, молодой А. Блок словами *Ты, Твой* обращается к Прекрасной Даме. Образ поэтически возвышается, обожествляется. Это неземное создание, достойное поклонения:

Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрывало
И смотрел на Твои жемчуга.

Блок.

«Я искал голубую дорогу...»

Иная *Ты* у А. Вознесенского. Это не символ, не Прекрасная Дама, а земная, единственная женщина. Только ее и может поэт назвать *Ты*. Такое *Ты* — как бы собственное имя любимой:

пристегнувшись одним ремнем,—
вне времен —
дремлешь Ты на плече моем,
и, как огонь,
чуть просвечивает ладонь Твоя. Твоя ладонь...

Вознесенский. Телемоливта

Изредка с заглавной буквы пишутся наименования лиц по титулу, должности, званию, профессии. В прошлом так передавались

слова *Генерал, Профессор, Председатель* и многие другие. После Октября число слов — наименований лиц, пишущихся с прописной буквы, резко сократилось. Но и сейчас мы выражаем заглавной буквой наше уважительное отношение к почетным званиям: *Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда, Маршал Советского Союза*.

С большой буквы можно написать слово *Рабочий*. Она как бы говорит: это человек, создающий все ценности на земле, представитель передового класса. Прописной буквой может начинаться слово *Поэт*. Так подчеркивается его высокое назначение: «Смерть Пюэта» (название стихотворения М. Ю. Лермонтова).

Большая буква в наименованиях лиц может быть средством создания иронии. В таком случае тон повествования не повышается, а наоборот, снижается, заземляется: «Самодержцы, Владыки, Судьи, Составители схем и смет» (Межиров. Станислава).

В баснях, где действующими лицами выступают животные, имена нарицательные превращаются в собственные и тоже пишутся с заглавной буквы. С каждым таким именем связываются типические черты характера, присущие людям. Хитрая Лиса преследует Зайца, а злобный и коварный Волк пытается тягаться с могучим Львом.

Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силен,
Коль так смирен...

Крылов. Лев и Волк

А иногда с прописной буквы пишутся слова, обозначающие абстрактные понятия, — *Время, Красота, Истина, Свобода, Доброта, Надежда*... Обычно это слова-символы, наполненные глубоким внутренним смыслом. Такие написания встречаются в языке поэзии, в философской прозе. Они придают речи налет торжественности, возвышенности.

В XIX веке употребление заглавной буквы в словах отвлеченного значения было распространено намного шире, чем сегодня:

Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Пушкин. Вольность

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

Лермонтов. Смерть Поэта

В наше время с прописной буквы пишутся слова, называющие дорогие сердцу советского человека понятия, — *Родина, Отечество, Победа*.

Реже прописной буквой обозначаются ключевые слова, несущие значительную смысловую нагрузку. Благодаря графическому выделению они приковывают к себе внимание читателя:

И вспомнится мне иногда,
Что промчалась вся жизнь от войны к войне,
Что с детства, как тень, по пятам ходила Веда
И Надежда светила в потемках безвременья мне.

Сурков. «И кажется мне иногда...»

Как праздник, как счастье, как чудо
Идет Доброта по земле.

Друнина. Доброта

В центре повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» — проблема Времени. Оно может подчинить себе человека, приносящего в жертву Времени свою свободу. Но есть люди, и к ним относится герой повести — ученый Любищев, которые овладели Временем, заставили его служить обществу, прогрессу: «Автор хотел бы показать огромность Времени внутри нас, целые месторождения, открытые Любищевым, — неразработанные, так сказать, залежи Времени в недрах человеческого бытия».

Названия абстрактных понятий, передаваемые с помощью большой буквы, проникают и в язык науки. В книге, прослеживающей трудный, полный суровых испытаний жизненный путь и нравственные искания Достоевского, читаем: «Кто же смеется так над человеком? Его величество Случай, играющий в свои кости ли, карты ли, или шахматы? Где каждая пешка — тысячи, а может, и миллионы людей, а ставка — их будущее, их жизнь? Слепой ли Рок, или предначертанность Судьбы? Темные ли силы Природы, или социальная Среда?» (Ю. Селезнев. Достоевский).

Текст насыщен вопросами, передающими душевное беспокойство, смятение писателя, его раздумья над сложностью бытия. И заглавные буквы выделяют слова-понятия, вокруг которых сосредоточена мысль: *Случай, Рок, Судьба, Природа, Среда*.

Современному языковеду нужно отделить понятие конкретного национального языка от понятия человеческого языка вообще. Как это сделать? И ученый предлагает обозначить «язык вообще» с заглавной буквы: «Но как определить язык, если имеется в виду не какой-либо конкретный, национально-исторический язык, а человеческий Язык вообще?» (Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения). Здесь прописная буква помогает различать однозвучные названия, в которые вкладывается неодинаковый смысл.

Возможны и другие случаи употребления заглавной буквы. Ее назначение — подчеркнуть оформленное таким путем слово, а если нужно, придать речи оттенок торжественности:

Поэты, пережившие поэтов —
И классиков и сверстников своих,
Творцы Баллад, и Маршей, и Сонетов,
Певцы высокой юности Советов,
Свидетели трагедий мировых!

Львов. «Поэты, пережившие поэтов...»

Заглавными буквами можно, в конце концов, написать любое слово, требующее логического выделения, интонационного подчеркивания:

И на все мои вопросы,
Где возможны «нет» и «да»,
Отвечал вещатель грозный
Безутешным НИКОГДА!..

Глазков. Ворон

Большой знаток русской орфографии академик Я. К. Грот писал: «Слишком пестрить письмо большими буквами, конечно, не годится, но, с другой стороны, и слишком тщательно избегать их нет основания: большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при пересмотре прочитанного дают глазу точки опоры, облегчают ему отыскание нужного» (Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Изд. 2. СПб., 1876, с. 359). К этому можно добавить, что заглавная буква может изменить смысл слова, выделить его, придать письменному тексту особую стилистическую тональность.

В. И. КОНОПЕНКО
Киев

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С каким ударением нужно произносить сочетание слов *три гбла* или *три голá*?»

В. С. Анисимов, Коломна

Литературное ударение *три гбла*; форма *три голá* — разговорная.

Лихтеровоз, овощевоз. Обширная группа названий транспортных средств перевозки пополнилась двумя новыми наименованиями. Оба слова возникли по очень продуктивной словообразовательной модели. Это сложные слова со вторым компонентом *-воз*, широко используемым для создания имен существительных данной лексической группы (ср.: *зерновоз, углевоз, землевоз, нефтевоз, турбовоз, скирдовоз, лесовоз* и др.). Их внутренняя форма раскрывает передаваемое ими значение — специальный транспорт для перевозки веществ, материалов, предметов, названных первым корневым компонентом (т. е. в приведенных словах — *лихтеров* или *овощей*). Слова *лихтеровоз* и *овощевоз* не включены еще ни в один из существующих словарей. Приведем зафиксированные нами случаи их использования в устной и письменной речи:

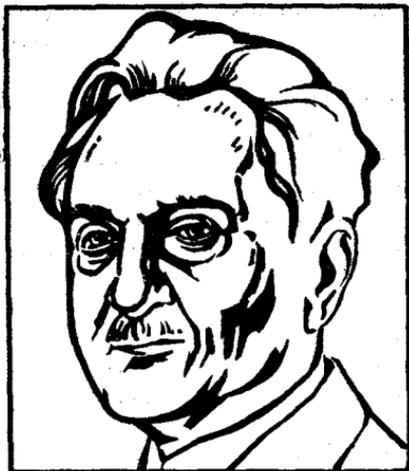
«Что такое лихтер? Условпо говоря, это — металлический ящик размером десять на двадцать метров, высотой четыре метра. Он вмещает около 400 тонн. „Ящики“ устатавливаются на мощных судах — лихтеровозах... Лихтеровоз будет доставлять товары, вес которых под силу десяти тяжеловесным поездам» (Правда, 1983, 2 марта); «Первый

у нас в стране корабль-овощевоз» (телевизионная программа «Время», 1983, 9 апр.); «Такое судно построено впервые: пароход-овощевоз (телевизионная программа «Время», 1983, 18 июня).

Под ключ. В словоупотреблении наших дней получил распространение этот фразеологизм, возникший в профессиональной речи строителей. *Сдать под ключ* — значит завершить все виды строительных, монтажных и отделочных работ. Если речь идет о жилом доме, то *сдать под ключ* — подготовить дом к вселению. Если же речь идет о каком-либо ином строительном объекте, то *сдать под ключ* — значит целиком осуществить и завершить все виды запланированных работ по его возведению. Например: «Дома под ключ. Коллектив комбината творчески подходит к делу. Он, например, применил сквозной поточный подряд... У всех общая цель — сдавать дома „под ключ“» (Правда, 1983, 6 июня); «Объединению поручено выполнять весь комплекс научно-исследовательских, проектно-конструкторских и опытных работ, выпускать специальное оборудование. В его задачи входит также строительство объектов — от фундамента до сдачи „под ключ“ заказчикам» (Правда, 1975, 14 марта).

Г. М.

Степан
Григорьевич
БАРХУДАРОВ
1894—1983



7 марта 1984 года исполнилось бы девяносто лет члену-корреспонденту АН СССР, лауреату Ленинской премии Степану Григорьевичу Бархударову. Известный ученый, автор учебников русского языка для школ, он прошел большой и сложный путь от школьного учителя до организатора и руководителя фундаментальных академических работ в области лексикографии.

С. Г. Бархударов родился в 1894 году в Баку в семье рабочего. В 1918 году по окончании Петроградского университета он был рекомендован академиком А. А. Шахматовым для подготовки к научно-исследовательской работе. Общение в студенческие годы и в первые годы самостоятельной работы с такими учеными, как А. А. Шахматов, Е. Ф. Карский, Б. М. Ляпунов, оказало решающее влияние на формирование его научных взглядов. Многолетнее творческое сотрудничество объединяло Степана Григорьевича с академиками Л. В. Щербой и С. П. Обнорским.

Имя С. Г. Бархударова связано в первую очередь с созданием школьных учебников и известно в каждой семье: несколько поколений советских людей изучали и изучают русский язык по его учебнику. Метко сказал один из современных ученых: «Все мы вышли из грамматики Бархударова».

Создание учебников русского языка С. Г. Бархударов рассматривал не как узкую методическую тему, а как общественно-политическую задачу. После Октябрьской революции миллионы людей стали обучаться грамоте, страна нуждалась в специалистах с высоким образованием. Нужны были новые учебники, в том числе и по русскому языку. Тогда-то и появляются первые учебные пособия С. Г. Бархударова: «Задания для заочной подготовки поступающих

в Ленинградский комупиверситет» (1928), «Рабочая книга по русскому языку» (1931), предназначенная для вечерних совпартшкол (в соавторстве с Н. А. Веселовской и В. Н. Птицыным), «Русская грамматика. Пособие для комвузов» (1935) и другие.

Первым учебником для неполной средней и средней школы была «Грамматика русского языка» (I изд.— 1938, IV — 1941), созданная в соавторстве с Е. И. Досычевой. В 1944 году вышел учебник С. Г. Бархударова (с тем же названием) под редакцией Л. В. Щербы (14-е изд.— 1953). В соавторстве с С. Е. Крючковым в 1954 году был создан новый «Учебник русского языка для средней школы», выдержавший двенадцать изданий.

Большое место в научно-методической работе С. Г. Бархударова по изучению русского языка в средней школе занимала теоретическая разработка конкретных вопросов орфографии, грамматики, представленная в таких статьях, как «Правописание согласных в „Орфографическом справочнике АН СССР под редакцией С. П. Обнорского и Б. М. Ляпунова“», «Основы преподавания русского языка в школе», «О состоянии методики преподавания русского языка», «Не ломка, а улучшение нашего письма» (о реформе русской орфографии) и др.

С. Г. Бархударов понимал, какую большую роль играет русский язык в национальной школе. Именно поэтому он многое сделал для повышения роли русского языка как средства межнационального общения в республиках Советского Союза. Он создает учебник для карельских школ — «Граматику русского языка», его школьные учебники изданы в Риге и Таллине; в Кишиневе вышел в свет сокращенный вариант «Граматики русского языка» для молдавских школ. В соавторстве с К. А. Гадельшиным издана книга «Русский язык» — учебник для старших классов национальных школ, выдержавший четыре издания.

С. Г. Бархударов вел большую консультационную работу с преподавателями и методистами по русскому языку из национальных республик. Кроме того, он занимался конкретными вопросами теории и методики преподавания русского языка нерусским, которые разработаны в статьях «О некоторых лингвистических проблемах, связанных с обучением русскому языку нерусских», «Среди венгерских друзей» (о системе преподавания русского языка в Венгрии) и др. Будучи в течение многих лет ответственным редактором журнала «Русский язык в национальной школе», С. Г. Бархударов в значительной мере определял решение теоретических и методических вопросов обучения русскому языку нерусских.

С именем С. Г. Бархударова связаны в нашей стране все крупнейшие лексикографические предприятия за последние пять десяти-

тителетий. Несколько лет он заведовал Словарным сектором Института языкознания АН СССР в Ленинграде. Как председатель и член редколлегии 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», он уделял много времени работе с его составителями, редактировал словарные статьи каждого тома. В 1970 году коллективу ученых, в том числе С. Г. Бархударову, за 17-томный Словарь была присуждена Ленинская премия. Создание 4-томного «Словаря русского языка» тоже в значительной степени обязано С. Г. Бархударову — председателю редколлегии I тома и члену редколлегии остальных томов. Большую работу вел он по подготовке лексикографов в национальных республиках нашей страны.

Без имени С. Г. Бархударова нельзя представить себе развитие русской исторической лексикографии. Его первой работой в этой области был небольшой словарик, приложенный к «Хрестоматии по истории русского языка» — пособию для студентов (в соавторстве с С. П. Обнорским), затем большая работа по изданию «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского.

«Словарь И. И. Срезневского — величественный памятник русской исторической лексикографии. Как всякий классический труд, он никогда не утратит своего исторического значения, даже тогда, когда будут изданы более совершенные словари древнерусского языка», — писал С. Г. Бархударов в предисловии к этому словарю. Такая высокая оценка свидетельствует о заинтересованности ученого в создании «более совершенных» исторических словарей. В 1963 году С. Г. Бархударов становится главным редактором такого нового словаря, пережившего длительный и сложный процесс своего рождения, — «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (вып. 1 — 1975). С. Г. Бархударов сам подготовил составителей, которые стали впоследствии ядром авторского коллектива этого Словаря (недавно вышел в свет 10-й выпуск).

Вопросы современной лексикографии разработаны им в ряде статей, среди которых в первую очередь надо назвать такие: «Русская советская лексикография за 40 лет», «Русская лексикография», «Проблема толкования слов в филологических словарях» и др. В сборнике «Советское языкознание за 50 лет» (статья «Русская лексикография») Степан Григорьевич так характеризовал успехи и состояние современной советской лексикографии: «После Октябрьской революции русская лексикография как часть русского языкознания вступила в новую историю своего интенсивного развития. Во много раз увеличались кадры специалистов-лексикографов, теоретически и практически подготовленных, способных выполнить самые сложные лексикографические работы». Как уже от-

мечалось ранее в печати, такой уровень нашей лексикографии в значительной степени является заслугой самого Степана Григорьевича (см.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1974, № 2).

*

Облик этого ученого будет неполным, если не сказать о нем как о педагоге, воспитавшем и подготовившем многочисленные научные кадры. С. Г. Бархударов всегда поддерживал научную молодежь, руководил аспирантами, систематически консультировал их; рецензировал работы, помогал советом, добрым словом. Много лет преподавал он в высших учебных заведениях Ленинграда: в университете, педагогическом институте имени М. Н. Покровского (сначала в должности доцента, затем профессора, заведующего кафедрой русского языка). В этих вузах он читал основные лингвистические дисциплины.

Без Степана Григорьевича нельзя представить себе деятельность Отделения литературы и языка АН СССР за последние 40 лет: директор Института языка и мышления, заместитель директора Института русского языка, ученый секретарь и заместитель академика-секретаря Отделения литературы и языка, заместитель главного редактора журнала «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Он многое сделал для развития народного образования на посту председателя различных комиссий при Министерстве просвещения СССР, ответственного редактора журналов «Русский язык в школе» и «Русский язык в национальной школе».

Степана Григорьевича любили и уважали в тех коллективах, где он работал, создавая вокруг себя атмосферу доброты и мягкого юмора. Этот небольшой очерк о жизни и творчестве С. Г. Бархударова уместно закончить уже опубликованными словами. В 1974 году в журнале «Известия АН СССР. Серия литературы и языка» (№ 2) была напечатана статья, посвященная 80-летию ученого, в которой подчеркивалось, что Степан Григорьевич известен «не только как большой и своеобразный ученый, не только как автор популярных учебников и учебных пособий, не только как блестящий организатор науки, крупных научно-исследовательских и научно-педагогических предприятий, но и как прекрасный человек — высокоблагородный, принципиальный, требовательный к себе и другим, исключительно благожелательный, истинно демократичный, деликатный и скромный».

Г. П. СМОЛИЦКАЯ

Рисунок В. Толстоногова



«ГАЗЕТНОСТЬ» — ПРИМЕТА СТИЛЯ

Слово «газетность» отсутствует в толковых словарях современного русского языка. Его нет и в словаре-справочнике «Новые слова и значения», составленном по материалам прессы и литературы 60-х годов. Но слово это употребляют ученые-лингвисты, когда хотят определить специфику языка и стиля газеты. Это определенные способы создания публицистичности, экспрессивности газетной речи, обусловленные назначением газеты как средства массовой коммуникации. Газетный текст должен быть информативно насыщенным, предельно сжатым, что и определяет его особое оформление.

Газетность различных публикаций проявляется по-разному, в зависимости от их содержания и жанра. Одной из предпосылок создания газетности изложения является тщательный отбор фактов и их социальная типизация, предполагающая оценочный подход. Наиболее четко это представлено в официальной информации, задача которой — довести до сведения читателя какой-либо факт. Такие сообщения легко схематизируются, стандартизируются. Это одна черта, составляющая специфику газетной речи.

Другая черта связана с воздействующей ролью газетного слова, с преодолением стереотипа. Она заключается в выработке особых форм выражения экспрессии. Присутствие этих двух начал ощущается обычно уже в зачине информационных жанров. Например: «ЖЕНЕВА, 21 (ТАСС). Сегодня здесь состоялось пленарное заседание делегаций СССР и США на переговорах об ограничении ядерных вооружений в Европе» (Правда, 1983, 22 июня).

В основе приведенного сообщения — один факт, который дается без комментариев, без описания деталей, подробностей. Здесь отсутствуют прямые оценочные элементы и суждения, точно указаны

место, время, источник информации. Ее текст уложен в одно простое предложение, которое является и общеупотребительным, и одновременно газетным. Слова выступают в прямых значениях, все они стилистически нейтральны. Многочленные сочетания с напизыванием форм родительных падежей обеспечивают сжатость изложения. Но даже в такой официальной информации эмоциональность все-таки находит выражение. Начало сообщения «Сегодня здесь...» дает основание почувствовать присутствие автора на месте события.

Конечно, в информационных жанрах газетность текста меньше всего связана с экспрессивной стороной языка. Здесь ярче всего чувствуется стереотип, связанный с необходимостью уложить возможно больше сведений в наименьшее количество строк.

Но по мере расширения объема сообщения и снижения его официальности возрастает роль образных средств языка. В расширенной информации не только передается факт, но содержится и определенное отношение к нему, стремление передать картину того или иного события.

«В столице социалистической Чехословакии открылась сегодня Всемирная ассамблея „За мир и жизнь, против ядерной войны“ — самый представительный форум миролюбивых сил за всю историю антивоенного движения» (Ленинградская правда, 1983, 22 июня) — перифраз *столица социалистической Чехословакии* (вместо *Прага*) подчеркивает, что именно в социалистической стране открылась ассамблея, цель которой — борьба за сохранение мира. Положительную экспрессию поддерживает и соответственно окрашенная лексика и фразеология зачина: *самый представительный форум, миролюбивые силы, антивоенное движение*.

Часто в качестве экспрессивных элементов в газетной речи выступают заголовки. Это относится и к информационным жанрам. «Вот так барабан!» — название заметки об установке нового высокопроизводительного агрегата на комбинате «Марксист» (Ленинградская правда, 1982, 23 ноября). Этот заголовок привлекает внимание читателя, но он недостаточно информативен, потому что может выражать и положительную и отрицательную оценку. Отрицательной экспрессией текст окрашивает метафорический заголовок «Топтание на месте» (Правда, 1983, 18 июня) — о переговорах по разоружению.

Средством выражения экспрессии часто выступает порядок слов, когда наиболее важные в смысловом отношении слова выдвигаются на первое место: «Грубо игнорируя волю народов к миру, страны — члены НАТО подтвердили решение этого агрессивного блока...» (Ленинградская правда, 1983, 3 июня); «Как мыльный пузырь, лопнула очередная фальшивка Запада, пытающегося об-

острить отношения между государствами Южной Азии» (Ленинградская правда, 1983, 3 июня); «С огромным успехом прошли в Народной Республике Кампучии Дни Советского Союза» (Правда, 1983, 18 июня).

Газетная речь использует многие общелитературные образительно-выразительные и образные средства и создает свои слова и обороты речи.

В расширенной информации встречаются оценочные метафоры: «Новая группа месторождений — Суторминская вступила в строй действующих на тюменском Севере. Нефтяной поток, который взял здесь начало, один из самых мощных — почти тысяча тонн в сутки» (Правда, 1982, 14 ноября). Метафоры типа *нефтяной поток* — обычны для газетной речи. Часты они в таком жанре, как передовая статья, причем, в зависимости от ее тематики, они выражают или приобретают от контекста положительную или отрицательную оценочность.

Так, в передовой «Верность делу Октября» (Правда, 1982, 9 ноября) преобладает позитивно окрашенная лексика и фразеология (*новые трудовые победы, волнующие события праздничных дней, успехи ударной октябрьской вахты*), перифразы, метафоры (*родина Октября, выковываются образцы понимания общественного долга, в расцвете сил, полная творческой энергии встретила свой день рождения Страна Советов*).

В передовой «День Европы» (Правда, 1982, 1 авг.) те же стилистические приметы жанра: особый ритм, императивность, волеизъявительность интонаций, акцентированный порядок слов. Но среди оценочных языковых элементов преобладают негативные: «Империалистические круги не оставляют попыток подорвать фундамент мирной Европы, раскручивают гонку вооружений, обостряют обстановку на международной арене»; «обуздание гонки вооружений» и т. п.

Передовые статьи могут быть подчеркнута директивными. Примером может служить статья «Важная задача партийных организаций» (Правда, 1983, 22 июня), посвященная идеологической работе партийных организаций. В этом материале почти каждое предложение содержит инфинитив или другие способы выражения долженствования: *более эффективно использовать; решительнее изживать; направлять работу; обеспечивать поддержку; настойчивее учить высокому искусству убеждать; повсеместно установить контроль; надо настраиваться* и т. д.

Такие газетные жанры, как репортажи, интервью, рецензии, отражают общее через индивидуальное восприятие. В них менее ощутимы стандарты газетной речи и более выразительно экспрессивное начало. Газетность репортажа, например, выражается в пе-

редаче эффекта присутствия автора на месте события. Среди других качеств в этом жанре, очевидно, на первое место можно поставить разговорность, поддерживающую эмоциональный характер изложения. Несколько образнее, выразительнее здесь и метафоры. Это касается всех видов репортажа, даже тех репортажей-монологов с элементами интервью, где авторское «я» открыто не присутствует.

В репортаже «Звено центральной дуговой» (Ленинградская правда, 1982, 1 дек.) преобладают рассуждения на производственную тему. Автор рассказывает о завершении строительства Кантемировского моста, связавшего Петроградскую и Выборгскую стороны Ленинграда. Но как только разговор начинает идти о людях, стиль повествования приобретает лиричность, разговорность: «Так же вот и З. Н. Никандрова — одна из немногих женщин, работающих в подразделениях мостостроителей. Последнее время работала на бетонном узле. Подошло и ее время на пенсию выходить. Но и по сей день добрые слова слышит в свой адрес Зоя Николаевна, только называют ее теперь строители ласково „наша хозяйка“». Оценить значение нового сооружения помогает образная метафора: «...построена крупная транспортная развязка, которая позволит совершить беспрепятственно „прыжок“ над железнодорожными путями...»

Во всех жанрах, за исключением официальной информации, используются профессиональные слова, в том числе жарголизмы: «...им удалось наконец „поймать“ погоду» (Правда, 1982, 3 дек.); «...генератор сразу „похудел“ на 62 тонны, „Трехсотка“ сбавила еще больше» (Правда, 1982, 16 дек.); «Бригаду Леонтьева ждала не только „черная баня“, как окрестили буровики пыльные бури в песках» (Правда, 1982, 1 дек.).

Стремление разнообразить речь, необходимость избегать повторов, монотонности повествования приводят к широкому использованию синонимических средств языка, и прежде всего лексических синонимов: *трактор-лиллипут — мини-трактор — «крокодилчик»* (Правда, 1983, 9 марта). Выбор синонимов помогает выразить авторскую оценку, охарактеризовать явление, воздействовать на читателя: *визит, поездка, вояж, турне* и т. п.

Газетность речи проявляется и в частоте употребления отдельных слов и словосочетаний, смысл которых в данное время актуален, социально значим: *подряд, метод бригадного подряда, мирные инициативы, нулевой вариант* и др.

Большое значение имеет использование определенных слов в переносных, метафорических значениях. Как правило, газетные метафоры создаются на базе актуальных в смысловом отношении слов, называющих хорошо известные или важные в общественном

отношении явления. Поэтому они легко становятся носителями публицистических идей, приобретают оценочность.

Обычное для газеты явление — метафоризация терминов (наиболее точных и конкретных слов языка), и прежде всего военных: *вахта урожая, битва за хлеб, идеологическая атака* и т. п. Типичными метафорами являются *трасса*: трассы плодородия, трассы дружбы, сельские трассы; *фабрика*: фабрика холода; *маршруты*: маршруты добрососедства, а также: *цехи, служба, магистраль* и др. По мере утраты такими сочетаниями образного плана происходит их стандартизация, они пополняют ряды газетных клише или становятся штампами.

В художественных жанрах газеты языковые средства более индивидуальны, широко представлена творческая обработка лексики и фразеологии. Но и там газетность проявляется и в отборе фактов, обеспечивающих эффект достоверности и являющихся фундаментом для выражения экспрессии, и в способах их подачи, и главное — в целенаправленной авторской оценочности. Эта социальная оценочность может по-разному проявляться в зависимости от типа газеты, от тематики и проблематики материалов, их жанровой принадлежности, так как многие черты газетной речи обусловлены воспринимающей аудиторией.

Субъективно ощущаемая почти всеми газетность текста (вне газеты, например в выступлении докладчика, — это отрицательный фактор) существует как вполне объективное явление. Именно газетность поддерживает единство стиля газеты.

Газетные тексты должны иметь такую интеллектуальную и экспрессивную оформленность, которая отвечала бы требованиям нормативности, доступности и лучшим образом способствовала выполнению воздействующей роли, воспитанию общественного сознания. Именно этого приходится добиваться работникам прессы каждый день, постоянно искать новые актуальные средства выражения необходимой информации, новые формы газетности изложения.

Л. И. ЖИТЕНЕВА
Ленинград

Л и т е р а т у р а

Васильева А. Н. Газетно-публицистический стиль речи. М., 1982.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

Лысакова И. П. Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981.

Солганик Г. Я. О языке газеты. М., 1968.

Стилистика газетных жанров. М., 1981.

Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980.

Л. К. Граудина.

БЕСЕДЫ
О РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Неизменный интерес у читателей, независимо от их профессий, вызывают научно-популярные книги о русском языке, в которых затрагиваются проблемы культуры речи, грамматики, стилистики, истории русского языка. Это и понятно: ведь хорошее знание русского языка необходимо каждому человеку, желающему овладеть достижениями русской науки и культуры, литературы и искусства.

Издательство «Знание» в серии «Факультет литературы и искусства» в 1983 году выпустило очередную книгу на эту тему — «Беседы о русской грамматике» Л. К. Граудиной. В 14 беседах автор рассказывает о грамматической стилистике, о трудных случаях и вариантах в современном русском языке, об основных частях речи и их грамматической природе: существительных, глаголах, прилагательных, числительных. Сложные языковые явления представлены здесь живо и увлекательно, с интересными историческими комментариями. Наряду с теоретическими сведениями в книге даны нормативные рекомендации по вопросам, на которые не всегда можно получить однозначный ответ.

Из беседы I, например, чи-

татель узнает о первых грамматиках, появившихся в Индии и Греции в IV веке до н. э., об известной грамматике Мелетия Смотрицкого, написанной на церковнославянском языке. Но поистине национальной гордостью была «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, вышедшая в 1757 году. Данный труд представляет собой «первый полный свод грамматических правил о русском языке, первое научное изучение живого языка». Современники оценили его как огромное достижение русской науки.

Далее в книге идет рассказ о наиболее известных грамматиках XIX и XX веков.

Грамматическая система языка создается в результате длительного исторического развития, она испытывает влияние общественной жизни: складываются новые речевые нормы, появляется немало спорных и трудных вопросов, связанных с культурой письменной и устной речи.

Сколько было, например противоречивых суждений об аббревиатурах! Вызывали резкие оценки и способ образования этой группы слов, и их внешний грамматический облик, и норма употребления. Автором проанализирован большой материал по аббревиатурам, приведены новые сокращения слов, даны рекомендации по их употреблению.

Горячие споры вызывают названия женских профессий. Интересно, что выдвижение женщины за годы Советской власти на ответственные должности посты повлияло на употребление прилагательных-причастий, обозначающих лиц женского пола. Часто задают

вопросы: если женщина заведует сектором (отделом, группой) или управляет делами, как называть ее должность — *заведующий* или *заведующая*, *управляющий* или *управляющая*?

В книге дана следующая рекомендация: в качестве общепотребительной формы в обиходной письменной и особенно устной речи в этом разряде частей речи предпочтительна форма женского рода: *заведующая сектором Н. Н. Иванова*; *управляющая делами П. П. Орлова*. И лишь немногие наименования, которые обозначают официальную должность, звание или общественные обязанности женщины, в строгом деловом стиле иногда употребляются в мужском роде: *уполномоченным из района является тов. Миронова*; *заведующему сектором П. Н. Ивановой выдана премия*.

Языковые нормы в отдельных случаях колеблются: в произношении, ударении, склонении. Так, многие существительные имеют разные формы в именительном падеже множественного числа: *реда́кторы* и *редакторы́*, *збды́* и *годы́*, *сэкторы́* и *секторы́*, *тра́кторы* и *тракторы́*.

В конце каждого раздела приведены трудные случаи употребления форм слов, сочетаний слов, их правильного написания, склонения — несклонения. Это новые официальные географические названия: *в Народной Республике Болгарии*, *в Народной Республике Бангладеш*; составные слова: *бал-встреча* — *бала-встречи*, *плац-палатка* — *плац-палатки*; аббревиатуры *БАМ* (скл.), *ДОСААФ* (нескл.) и разговорное — скл.); обозначение дат: *С праздником Вось-*

мого марта и разг. *С праздником Восьмое марта*; *С праздником Первого мая* и разг. *С праздником Первое мая*; употребление числа (ед. или множ.) в наименованиях учреждений, организаций: *Дом ученых*, *Дом литераторов* (мн.), *Дом актера*, *Дом журналиста* (ед.), в названиях праздников: *День энергетика*, *День рыбака* (ед.), *День тактистов* (множ.). В книге представлен большой иллюстративный материал, которого нет в других справочных изданиях.

В «Беседах по русской грамматике» читатель найдет не только теоретические сведения, но и практические рекомендации — какой из существующих грамматических вариантов следует употребить в том или другом случае, а какие названия запомнить.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

В. В. Одинцов,
Г. П. Смолицкая,
Е. И. Голанова,
И. А. Василевская.

ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

В 1983 году увидел свет первый в советской практике составления словарей «Школьный словарь иностранных слов» (под редакцией В. В. Иванова. М., Просвещение). Он адресован учащимся средних школ для того, чтобы помочь им правильно понимать

и употреблять иностранные слова, широко распространенные в современной письменной и устной русской речи. В словаре содержится более 1,5 тысячи слов.

Так как словарь предназначен читателям-школьникам, в нем представлены те иноязычные слова, которые могут встретиться при чтении газет, журналов, произведений художественной литературы, прежде всего предусмотренных школьной программой. Например, у Грибоедова в «Горе от ума» читаем: «Довольно счастлив я в товарищах моих, Вакансии как раз открыты; То старших выключат иных, Другие, смотришь, перебиты». Что означает здесь слово *вакансия*? Читатель найдет объяснение его в словаре: *Вакансия* — незанятая должность (в учреждении, в учебном заведении).

В словарь включены также слова, обозначающие основные явления и понятия современной общественно-политической жизни (*ратификация, декларация, демократия, пролетариат*), науки и техники (*вакуум, оптимальный, ирригация*), культуры и искусства (*абстракционизм, экспрессионизм, дизайнер, хобби*).

В словарных статьях, наряду со значением, даны и другие сведения о каждом слове: из какого языка заимствовано, грамматическая характеристика, особенности употребления и произношения, а также иллюстративный материал.

Ко многим словам приведен культурно-исторический комментарий, например, к слову *альманах*: «Ар.[абское] слово *al-manah* вошло в европейские языки с XI в. для обозначения особого рода календаря, в котором указывались различные астрономические сведения, а также предсказания и пророчества. Позже в эти календари стали включать разнообразные справочные сведения, хозяйственные советы, описания удивительных явлений природы, рассказы об исторических событиях, любовных происшествиях, знаменитостях. Подобные альманахи-энциклопедии издавались периодически.

В XIX в. альманахами назывались литературные сборники. Рылеев издавал альманах „Полярная звезда“, Дельвиг — „Северные цветы“.

В «Предисловии» к словарю, написанном В. В. Ивановым, говорится: «...словарь дает целый ряд дополнительных сведений о заимствованном слове, которые, безусловно, для школьника будут весьма полезными: эти сведения не только помогут ему усвоить правильное значение слова, но и позволят закрепить правильное его употребление, написание и произношение; культурно-исторический комментарий будет способствовать развитию интереса школьников к языку, к слову вообще, расширению кругозора учащихся».

Т. С. КОЛМАКОВА

Я РОДИЛСЯ в нивхском рыбо-
ловецком колхозе на севере Са-
халина. Сколько помню себя,
владел русским языком, но, по-
видимому, в той мере, в какой
его знают нерусские дети, посто-
янно общающиеся с русскими
ребятами. Среди жителей наше-
го села было много русских се-
мей, поэтому неудивительно, что
нивхи и русские хорошо пони-
мали друг друга.

Все вести в наше отдален-
ное село поступали по радио. Не
могу забыть тот день, когда все
его жители высыпали на улицу
и с тревогой вслушивались в
слова диктора... А потом из ре-
продуктора сильно и призывно
взвучала русская песня: «Вста-
вай, страна огромная, Вставай на
смертный бой...». И нивхи, взяв
в руки оружие, ушли в такие
далекие пределы, о которых не
говорилось даже в наших древ-
них преданиях. Ушли защищать
Советскую Родину. Так в мою
жизнь вошла война.

Военное детство. Оно у всех
тяжелое. И особенно тяжелое у
сирот. Но Родина помнила о нас.
Мы, дети, продолжали учиться.
Еще тогда в сахалинской школе
я понял и почувствовал великую
силу и обаяние русского языка.
Однажды на уроке литературы
учительница прочла нам поэму
М. Ю. Лермонтова «Мцыри» и
предложила написать сочинение
о том, что нам особенно запо-
нилось. Меня глубоко тронула
близкая мне по нивхским преда-
ниям и моему собственному дет-
ству судьба обездоленного маль-

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

**«Пусть
живут,
как
два
брата,
наши
два
языка»**



чика, покорила музыкальность стиха великого русского поэта. Потрясенный, я долге не мог собраться с мыслями, а потом вдруг быстро и неожиданно для себя написал сочинение в стихах. Тот памятный день и определил мою дальнейшую судьбу. После окончания школы я уехал в Ленинград. Мне хотелось научиться владеть словом так, как это умели делать великие мастера — Пушкин, Гоголь, Лермонтов, так неожиданно разбудивший во мне любовь к поэзии.

Позже, когда познакомился с творчеством дагестанского писателя Эфенди Капиева, я прочел у него замечательные слова: «О великий русский язык! Стою перед тобой на коленях... Радуюсь, торжествую, люблю... Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя, и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, прости и заблуждения отцов. Без тебя нет и не было будущего, с тобою мы воистину всеильны». С высот сегодняшнего дня оглядываясь на пройденный путь, я принимаю сердцем и понимаю разумом великую правду этих слов.

Огромно значение русского языка в жизни народностей Севера нашей страны. Влияние русского языка на развитие их национальной культуры, в том числе и нивхской, — всеобъемлюще. До Великой Октябрьской социалистической революции бесписьменные языки 26 народностей Севера представляли собой совокупность множества местных говоров и диалектов. Единого литературного языка с четкой системой стилей, стабильными формами словообразования и словоупотребления не было. Поэтому в 1961 году моя первая книга «Нивхские легенды» вышла на русском языке — нивхской письменности практически еще не существовало. И только позже, после пятилетней работы мною был создан современный нивхский алфавит (на основе русской графики). Был издан и первый нивхский букварь. Совместно с кандидатом филологических наук Г. А. Отаиной, нивхой, мы разработали также программу обучения нивхскому языку для начальной школы, подготовили учебник родного языка для первого класса.

В 1982 году на Сахалине вышла моя книга на русском и нивхском языках под названием «Девочка-лебедь», или «Кыкык», эта сказка была издана и в Ленинграде.

Рождение новых младописьменных языков — яркая примета нашего времени. Так, в 1973 году вышла первая книга на долганском языке, написанная по мотивам родного фольклора. Автор ее — поэтесса Агдо Аксёнова. В 1982 году издан первый саамский

букварь. Появились учебники на корякском, долганском и других языках народов Севера.

Под влиянием русского языка обогатились лексические, фразеологические и стилистические ресурсы нивхского языка, раскрылись потенциальные возможности его развития. Это позволяет писателю не только создавать произведения на родном языке, но и, пользуясь его лексическими богатствами, познакомить национального читателя с произведениями русских классиков, приобщить его к той сокровищнице русской литературы, которая стала достоянием всего просвещенного человечества. Переводы лучших произведений русской и советской литературы на нивхский язык обогащают и самого писателя. Опыт показывает, что перевод произведений русских классиков на национальные нерусские языки во многом способствует становлению литературных языков, ускоряет процесс их формирования. Не менее важен в этом плане и обратный процесс: перевод национальных литературных произведений на русский язык. Эта работа, в частности, привела меня к такому открытию: фраза нивхского писателя на русском языке должна звучать по-нивхски, то есть максимально сохранять национальный колорит оригинала. Язык и стиль такого произведения отражают общественную и культурную жизнь той или иной нации, ее духовный мир и психологический склад.

Выполнить эту задачу вполне позволяет замечательно гибкий и подвижный русский язык, обладающий неисчерпаемыми запасами выразительных средств. Важно найти среди этих сокровищ самое верное, самое точное слово. И это возможно. Только, как правильно говорил Леонид Лапцуй:

Знать не хуже родного
Надо русский язык.

Учиться и учиться у великих мастеров слова:

Сам почувствуешь — если
Ты язык изучил.
Сможешь прадедов песни
Ты поднять из могил,
Воскресишь и разбудишь
Дальних предков мечты,
Сам с историей будешь
Разговаривать ты!

.....
Пусть живут, как два брата,
Наши два языка.

С ними — дружба крылата.

С ними — ноша легка!

Леонид Лапцуй. Два языка

Путешествуя в 1960 году по самым отдаленным районам расселения нивхов, я попал в стойбище Лунво, на восточном побережье северного Сахалина. К моему удивлению и радости все жители его оказались сказителями. Их память сохранила множество интересных преданий, мифов, легенд и песен, которые я бережно записал. Мой долг — передать их людям, читателям разных национальностей. В этих преданиях — душа моего маленького северного народа, возрожденного к новой и светлой жизни Великим Октябрем.

В. М. САНГИ

Из письма Константина Федина
к Владимиру Санги

«Итак, появился первый нивхский писатель — певец нивхов, которым придется открыть другим народам сердце и душу своего. (...) Я с огромным интересом прочитал Вашу книгу легенд. Больше всего мне понравилась сказка «Кыкык», я прочитал ее взрослым и детям... Все были тронуты, а маленькие слушатели не могли удержать слез. Правда, рассказана эта поэтическая сказка необыкновенно лирично, мягко и с той сдержанной краткостью, которая присуща большому искусству».

Предлагаем вниманию читателей сказку Владимира Санги «Кыкык», или «Девочка-лебедь».

ДЕВОЧКА-ЛЕБЕДЬ

Лебеди в давнее время не имели голоса. Теперь-то все знают: они кричат «кы-кы, кы-кы», потому их и называли кыкык.

В то давнее время жила в стойбище маленькая девочка, в стойбище на берегу залива жила. Она любила играть на берегу, с утра до вечера рисовала прутиком на песке узоры, лепила из песка домики.

Еще она любила смотреть на птиц, пролетавших над ее стойбищем, словно белые облака. Девочка ложилась на песок и смотрела на птиц, пока стая не таяла вдали.

Мать и отец любили девочку. Так они и жили.

Но однажды умерла мать. Девочка и ее отец долго печалились. Потом отец отправился в дальнейе стойбище за новой мамой для своей дочери.

Отец привез красивую женщину. Женщина, решившая стать матерью девочки, с ног до головы оглядела девочку, посуровела. Ничего не сказала.

Едва солнце поднялось, девочка вышла на берег поиграть с волнами. У воды она ленила домики. Набегавшая волна смывала песчаный домик. Но когда волна отходила, девочка успевала построить новый домик. Девочка увлеклась игрой и не заметила, как приблизился полдень. И когда солнце стало сильно паекать голову, побежала домой.

А мачеха все еще спала. Девочка опять спустилась на берег, опять стала играть с волнами. Потом побежала домой.

Мачеха только сейчас встала и уже ела вкусную юколу. Девочка подошла к ней, но мачеха не замечала ее. Сама наелась вкусной юколы, девочке же бросила огрызок от хвоста. Девочка съела огрызок, и ей еще больше захотелось есть. Мачеха же зевнула, отвернулась и снова легла спать.

С той поры девочка стала плохо жить.

Отец приносил с охоты много добычи. Принесет добычу и снова надолго уйдет на охоту.

Все вкусные места мачеха съедала сама.

Однажды отец спросил:

— Жена моя, что случилось — наша дочь сильно похудела? Не больна ли она?

— Нет, — ответила мачеха, — Она целыми днями только и знает, что бегаёт. Бездельница. Как ни корми ее — будет худой, так много бегаёт.

Наступила осень. Птицы собирались в стаи и улетали на юг.

Отец находился дома, отдыхал. Мачеха принесла из амбара вкусную юколу и стала резать.

Девочке и на этот раз не дали ни крохи. Она стала просить мачеху дать ей поесть. Но мачеха будто и не видела девочку.

— Мать, мать, дай хоть маленький кусочек, — просила девочка.

— Отстань! — ответила мачеха.

— Хоть немножечко дай.

— Отстань! Отойди!

Девочке очень хотелось есть, и она протянула руку. Мачеха ударила ножом по пальцам.

Девочка вышла из дому, поднялась на бугор, заплакала. Из пальцев капала кровь. Девочка всхлипывала:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы.

В это время над заливом пролетали лебеди. Услышали плач, спустились, сели около девочки. Увидели кровь — и стало им жалко девочку. Беззвучно заплакали лебеди. Плакали-плакали — и вдруг у них пробился голос:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Отец девочки услышал голоса, вышел. Увидел больших птиц, вбежал домой за луком.

Лебеди взмахнули крыльями. И тогда у девочки появились крылья. Превратилась она в красивого лебедя.

Когда отец выбежал из дому, лебеди были уже высоко в небе.

В середине стаи летела молодая птица.

Все лебеди плакали:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Только молодая птица молчала.

Отец схватился за голову, крикнул:

— Дочь! Вернись! Ты будешь хорошо жить!

Но только крик лебедей дошел до него:

— Кы-кы! Кы-кы! Кы-кы!

Долго стоял мужчина. А лебеди улетали все дальше и дальше и наконец исчезли.

Каждую весну над стойбищем пролетают лебеди и всегда кричат, как будто плачут:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Только одна птица молчит. И видят лебеди: внизу на бугре стоит мужчина.

С той поры прошло много времени. И на том месте, где стоял мужчина, поднялась кряжистая лиственница. Она словно кричит, скинув ветви-руки в сторону полудня.

И лебеди, пролетая на север или на юг, всегда повернут к лиственнице, спустятся низко, поплачут:

— Кы-кы, кы-кы, кы-кы!

Все.





По просьбе читателей продолжаем публикацию материалов на тему: «Бытовой словарь древней Руси».

Представьте себе нашего предка, отправляющегося за покупками на тогдашний базар, и вы поймете, что вопрос, вынесенный в заглавие статьи, приобретает особый интерес. Ведь до XVIII века на Руси была только монетная система денег (причем вес одной монеты в XVI веке составлял 0,68 г., к концу XVII века он уменьшился до 0,28 г., но и в этом случае даже незначительное количество денег носить в кармане было обременительно, а сумма в несколько десятков рублей весила больше килограмма). Поэтому в старой Руси для денег и мелких вещей использовали сумку или мешочек, который носили обычно на поясе или на шее; пояс, полый внутри; карман в одежде; мешок или ящик для хранения и перевозки больших сумм денег. Преобладали в этом ряду сумки и мешочки. Кстати, и современный карман — это мешочек для мелких вещей и денег, который однажды догадались пришить к одежде наши предки.

Мешец, мешок (денежный, сотенный), *мешечек* — среди них слово *мешец* — «кошелек, сумка для денег» было архаичным, оно зафиксировано в древних русских текстах, а также в более поздних текстах церковно-книжной ориентации. Приведем два упоминания о денежных мешках в старорусских памятниках письменности: «Да в келеином чулане в ларце 100 рублей да в малом мешочке расходных денег 4 рубли» (Кн. прих.-расх. Волоколам, мон. 1588 г.); «Заплачено портным мастером стрелцом двум человеком, которые делали в приказ денежные мешки» (Кн. прих.-расх. приказа тайных дел 1670 г.).

Однако основнымместилищем для денег была *мошна*, о чем и свидетельствует очень употребительное слово общерусского распространения, впервые отмеченное уже в XII веке. Мошна представляла собою вязаный, меховой или матерчатый мешочек с замочком, завязками или на задержке. В «Домострое» XVI века читаем: «И дает людям держати на руках сорочка, порты, пояс с мошною, в мошне золотые». В немецко-русском разговорнике, написанном в 1607 году в Пскове Т. Фенне, приводятся такие русские фразы: «Отоври мошну да дай сем задаток. Заври мошну, добро ты денег не выронишь». Сравним еще: «Да с него сняли пояс полковой красной, на поясу мошну ременную, а в ней де было тритцать алтын денег» (расспрос. речи 1654 г., астрахан.); «А в poche, яко глуп подважник, у пьяных мошни холостишь»; «В мошне было денег алтын десять, то все вычистили» (Служба кабаку). В XVII веке, как свидетельствует пословица, хорошо знали: «У рака мочь в клешне, а у богатого в мошне». Сохраняла свое значение мошна и позднее.

В то же время в северорусских текстах XVII века был широко представлен вариант *мошня*, он характерен для деловых актов Ваги, Великого Устюга, Свири, Олонца, Кунгура, Яренска, Енисейска, Белозерска, например: «А в те поры тот Агейко сорвал з бедры у меня мошню, а в мошне у меня было 30 алт. денег» (Явка 1613 г., Ваяжский у.). В пословице той же поры: «Есть мошня, будет и квашня». Вариант *мошня* и в настоящее время характерен преимущественно для севернорусских говоров.

Существовали и уменьшительные формы слова: *мошёнка*, *мошопочка*, *мошнишка*, *мошница*. На некоторых территориях (Рязань, Самара) слово *мошенка* сохранило свое старое значение и до настоящего времени: это мешочек для денег, затягиваемый шнурком, который носят на шее (Словарь русских народных говоров. М., 1982).

*

Не все ясно в происхождении слова *карман*, не восстановлена полностью история его развития на русской почве. До сих пор

остается единственным пример его употребления в качестве имени собственного (посадник Корман Постник) во всех трех Псковских летописях в записи под 1343 годом, в этой функции слово встречается и позднее. С конца XVI века и до середины XVII употребляется исключительно в форме *корманец* — *карманец* в значении «сумка для хранения бумаг», причем особенно часто в донесениях русских послов из Персии, например: «И шах велел к себе принести корманец и показывал князю Ондрею из корманца посольские персоны писаны на бумагах» (Статейный список посла А. А. Звенигородского в Персию 1594—1596 гг.). С середины XVII века в текстах употребляется форма *карман* — «мешочек, сумка для денег и бумаг, носимая у пояса» и производное от нее *кармашек*. Противоречит фактам утверждение, что «в живом языке XVII века карман являлся основным названием мешочка для мелких вещей и денег, пришитого к одежде» (И. С. Козырев. Очерки по сравнительно-исторической лексикологии русского и белорусского языков. Орел, 1970). Ни одного достоверного свидетельства такого значения пока не обнаружено. Сравним другой пример: «А как оп Доюнко ево Киятка у себя во дворе везал и он де снял с него опояску кумачную красную с карманом, а в кармане де была полтина денег» (Судное дело 1653 г., астрахан.). Но слово *карман*, действительно, уже было закреплено в речевом обиходе, о чем свидетельствует его употребление в поговорках XVII века, например: «Тело в кармане д(у)ша в кульке». Историю слова можно представить следующим образом: первоначально заимствованное новгородским говором около XIV века, может быть, в результате общения с Золотой Ордой, оно существовало как экзотическое в составе собственных имен. С конца XVI века начинается второй этап его внедрения в русский язык в форме *карманец* (из-за малого размера) со значением «сумка для бумаг». Источник заимствования — тюркские языки, этим объясняется употребление слова в текстах о жизни и быте тюркоязычных народов. Появляется более регулярное для русского словообразования противопоставление: *карман* — *кармашек*. В XVIII веке, по данным словарей той эпохи, слово продолжает сохранять значение «сумка, кошелек», которое в забайкальских и терских говорах присуще ему и в более позднее время. По-видимому, современное значение «вшитый в платье мешочек для денег и мелких вещей» слово приобретает не ранее XIX века.

Северо-восточнорусским диалектизмом было в конце XVI—XVII веках слово *хамьян* — «небольшой мешочек для денег из ткани или кожи, носимый на шее или у пояса», например: «А в те поры с меня сорвал хамьян мухоарной, а в хамьяне было 5 рублей денег» (Челобитная 1579 г., Холмогоры). Отмечается это

слово также в Усольском и Яренском уездах. Аргументом в пользу тюркского происхождения слова является факт его употребления в «Хожении купца Федора Котова в Персию» по списку второй половины XVII века: «Что у них есть какво живота и платье и то постеляют на ковры, и по всему по тому валяются, и денгами себя обсыпают, а у кого не великие денги и он их в хамьяне беспрестани пересыпает. А говорит то, чтобы де у нас в повой год на всякой день прибывало». Не случайно также и то, что слово *хамьян* закрепилось в северо-восточной Руси, то есть в зоне наиболее вероятных контактов русских с тюркоязычными народами.

Кóзица, козушка — «кожаный мешок для денег» ведет свое начало от корня *коз-* (первоначально эти мешки делали из кожи коз). Более раннюю фиксацию (с XVI в.) имеет слово *козица*, оно включено в словари XVIII—XIX веков, отмечается в современных говорах. Проиллюстрируем оба слова: «А взял де он Феоктист из казны денег монастырских из сундука в четырех мешках, в дву козицах» (Расспросные речи 1676 г.); «Денег в козушке 9 алтын 2 денгги» (Опись вещей 1630 г., Москва).

Нет свидетельств об использовании в допетровскую эпоху кошельков как хранилищ денег и мелких ценных вещей, хотя это слово употреблялось в XVII веке как уменьшительное к *кошель*. В XVIII веке кошелек уже выполняет функцию вместилища для денег и употребляется в таком ряду: *der Geldbeutel* (буквально: денская сумка. — Г. С.) — кошелек, *мошна* (Гельтергоф Ф. Немецкой целлариус или полезной лексикон. М., 1765). Эта функция закрепляется за словом в XIX веке: «Савельич вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра» (Пушкин А. С. Капитанская дочка).

Через — дорожный кожаный толстый пояс на подкладке, шириною в ладонь, внутри которого хранились деньги; он застегивался пряжкой, а иногда запирался замочком. Слово образовано от праславянского предлога, значение которого «поперек, через» оказалось весьма удобным для обозначения пояса. Фиксируется в текстах с конца XIV века: «Се паки идоша трие мужи на путь свой, пмуще чересы своа с златом» (Суды Соломона, по списку конца XIV—XV вв.). Наиболее употребительно слово в актах северной Руси, хотя встречается в центре и на юге. Уменьшительное *чересок* отмечено только на севернорусской территории: «Сорвали чересок з денгами, а в череску денег полпята рубля» (Явка 1603 г., Важский у.). Слово *через* употреблялось в XVIII веке и отражено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

Пока не обнаружено контекстов, позволяющих точно определить семантику редко употреблявшегося слова *кишень* (от *кишка*). Значение слова определяется и как «карман», и как «мешок для денег, кошелек», например: (вынул) «из кишени хустку, в которой было завернуто 60 золотых» (Челобитная 1652 г., Смоленск).

Интересна история слова *калита* — кожаная сумка, мешок, кошель, пришиваемый или пристегивающийся к поясу. Калита служила для хранения денег, ценных бумаг и мелких ценных вещей. Слово могло быть заимствовано из татарского, казахского или алтайского языка. Впервые зафиксировано в завещании князя Дмитрия Ивановича 1389 года, известно и как прозвище московского князя — Иван Калита. В XV—XVI веках слово употребляется в своем прямом значении, указывая на реально используемый предмет, например: «А в калите полтора рубли денег да на 10 рублей кабал монастырских» (Челобитная 1535 г.). В XVII веке слово употреблялось реже, отмечено в текстах, связанных с севером и центром России. В это время и позднее калита является сумкой для хранения и переноски самых различных вещей.

Общерусское слово *зень* — «карман в одежде для денег и бумаг» заимствовано из арабского языка. Известно также в болгарском, сербском и словенском языках. В русский проникло, вероятно, через южнославянское посредство в XVI веке. По данным письменных источников, *зень* употреблялось в XVI—XVII веках в Москве, Коломне, Ельце, Дедилове, Астрахани, Смоленске, Великом Новгороде, Пскове, Великом Устюге, на Онеге; это опровергает утверждение И. С. Козырева о распространении слова *зень* преимущественно в севернорусских говорах и о заимствовании его у волжских татар. Приведем примеры: «Да к той же ряско куплено на зени аршин крашенины лазоревы» (Книга расходная новгород. митрополита 1593 г.); «Да в том же зипуне в зепе 6 рублей денег, да в другой стороне в зепе ж проезжая грамота» (Челобитная 1639 г., Смоленск). Отмечают у слова *зень* и значение «мешок, кошель, подвешивающийся у пояса, котомка» (Словарь русского языка XI—XVII вв.). Однако известные ученым старорусские тексты не содержат подтверждающих свидетельств, хотя возможность его нельзя отрицать, поскольку в говорах это значение зафиксировано (См.: Словарь Даля и Словарь русских народных говоров).

В церковно-книжных текстах употреблялось слово *чпаг* — *чпаг* — *пчаг* в значении «карман». Убедительным представляется вывод И. Г. Добродомова о заимствовании слов *зень* и *чпаг* из арабского языка, но через разные языки-посредники (Добродомов И. Г. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках, М., 1974). Этот вывод хорошо объясняет

семантическую близость данных слов и различие в их фонетическом облике. Первые примеры употребления слова *чпаг* относятся к древнерусскому периоду. Приведем один из них «Ту абиеся (взявшись) за чпаг ризы своя с(вя)тыи Николае и выня злато» (Чудо Николы IV, по списку конца XIV в.). *Чпаг* занесено в лексиконы XVII века как синоним слова *зень*, в XVIII—XIX веках имеет значение — «сумка, мошна» (В. И. Даль).

Из приведенных слов не устарели и хорошо знакомы читателю *кошелек* и *карман*. Слово *кошелек* приобрело современное значение в XVIII, а *карман* — в XIX веке.

Конечно, кошелек и карман — вещи малые, но их назначение давно оценила народная мудрость: «Было бы в амбаре, будет и в кармане», «Что не досмотришь, то карманом доплатишь», «И больно хочется, да в кармане не можется».

Г. В. СУДАКОВ
Вологда

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как понять пословицу «В огороде бузина, а в Киеве дядька?»

Т. Н. Чагина, Южнов

Обычно противительный союз *а* соединяет два члена предложения или два самостоятельных предложения со значением противопоставления, сопоставления предметов или действий по каким-либо аналогичным признакам. В данной пословице союз *а* в шуточной форме соединяет два предложения, в которых предметы не сопоставимы друг с другом: *огород* нельзя противопоставить *Киеву*, а *бузину* — *дядьке*. Поэтому все выражение имеет значение полной бессмысленности, чепухи, так как одно с другим никак не связано.

Употребляется эта пословица как оценка непоследовательности чьих-либо высказываний, нелогичности речи. Пример: «— В огороде бузина, а в Киеве дядька,— сердито буркнул Величко,— трудно с вами спорить, милейший генерал» (Голубов. Когда крепости не сдаются).

Каждый, кто впервые сталкивается с древними датами, бывает поражен, узнав, что порядковый номер года по древнерусскому летоисчислению отличается от современного на 5508 лет (см. Русская речь, 1982, № 5). И все же, если бы трудности ученых по выяснению того или иного события в истории древней Руси сводились к уточнению славянских цифр и вычитанию из древней даты 5508 лет, чтобы определить год по новому летоисчислению, то работу историков над датировками можно было бы считать довольно элементарной, хотя и требующей некоторых специальных знаний.

Надпись на известном памятнике русского прикладного искусства XV века — посохе Геронтия — показывает, как часто при работе со старинными датами наталкиваешься на непредвиденные трудности и противоречия. Задача исследователя — преодолеть их.

В Новгородском музее-заповеднике хранится замечательный епископский посох, украшенный позолотой и ажурной резьбой по кости (моржовому клыку). На верхней части посоха (она сделана позднее, чем нижняя: быстрее изнашивалась) каргопольский резчик по имени Иван в начале XVIII века вырезал довольно однообразные и невыразительные фигуры святых. Для посохов церковных владык такие изображения обычны. Зато в нижней части, сделанной в более раннее время, декор совершенно иной, не встречающийся на других посохах русских епископов. Это всевозможные образы зверей и чудовищ, многие из



которых терзают друг друга. Среди изображений реально существовавших зверей — не только хищники, но и домашние животные: козел, корова, бодающиеся бараны.. Подобные фигуры есть и на металлических шаровидных «яблоках», украшающих посох. Они миниатюрны, и в нижней части посоха их поместилось более сотни.

Жеманные жизнерадостные образы в резьбе пастельно необычны для жезла («князя церкви»), что возникает вопрос, не использованы ли здесь части другого изделия, предназначенного для светского лица? Нет, такое предположение следует отвергнуть. Дело в том, что образы зверей, причем точно такие же, как и в резьбе по кости, присутствуют на металлических «яблоках». А такие украшения — специфическая черта епископских посохов. Резные цилиндры, разделяющие «яблоки», специально обработаны для соединения с ними и, следовательно, не могли предназначаться для другого изделия.

Когда же был изготовлен этот посох в первоначальном виде? Об этом мы узнаем из надписи на верхней, позднейшей части посоха. В ней говорится, что «сей жезл» «построен» в начале XVIII века при новгородском митрополите Иове, «а прежде строен был в лето 6909 при Геронтии владыке». Казалось бы, все ясно — есть и дата, и имя заказчика. Да вот беда: владыки Геронтия в Новгороде никогда не было. Может быть, в надписи ошибка? Нет, все верно, поскольку и опись ризницы Софийского собора, где хранился посох (сделанная в XVII веке, до его ремонта), тоже свидетельствует, что он и тогда имел надпись с именем Геронтия. Значит, посох первоначально принадлежал не новгородским епископам, а московскому митрополиту Геронтию, занимавшему этот пост с 1473 по 1489 год. Связав посох с этим, единственно возможным Геронтием, мы сталкиваемся с противоречием. Если из имеющейся на посохе древней даты 6909 вычесть уже знакомое нам число 5508, то получим 1401 год, то есть время, когда Геронтий, вероятно, еще даже не родился. Где же искать ошибку? Скорее всего — в дате. Ведь если бы имя было придумано в позднейшее время новгородцами, то они приписали бы посох одному из действительно существовавших новгородских владык. Как же согласовать имя и дату? Представляется, что в данном случае перед нами простейшая ошибка, распространенная в древнерусских надписях — пропуск одной цифры. Древнерусские математики могли допустить такую неточность, потому что не знали знака нуля. В дате на посохе представлены цифры не всех порядков — нет десятков. Если учесть время, когда Геронтий возглавлял русскую церковь, то в разряде десятков могло быть только 80. Таким образом, с предложенной поправкой допустим,

что время создания посоха Геронтия не 1401, а 1481 год. Пропуск разряда десятков имеется и в дате на замечательном памятнике прикладного искусства того же времени — так называемом «малом Сионе» Успенского собора Московского Кремля. К счастью, далее сообщается, что «Сион» был изготовлен в 24 год правления Ивана III, то есть в 1486 году.

Итак, анализ даты в сопоставлении с именами владельца посоха позволяет уточнить время и место его изготовления.

Окончательно установив имя владельца посоха — митрополита Геронтия, мы обнаруживаем, что это тот самый посох, который дважды упоминался в летописи — случай довольно редкий. Значит, вещь и связываемые с нею идеи казались современникам очень важными.

Как же попал посох в летопись? В 1479 году, во время торжественного освящения нового, только что построенного Аристомелем Фиораванте Успенского собора Московского Кремля, митрополит стал совершать обрядовый круговой обход не по солнцу (по часовой стрелке, «посолонь», как выражались в то время), а наоборот. Какие-то важные причины подвигли его на такое дерзкое, невиданное по тем временам на Руси новшество. Великий князь был крайне недоволен этим поступком главы русской церкви. Духовенство в основном сочло за лучшее подчиниться своему прямому церковному начальству, но часть его также возмущалась и говорила, что прав великий князь. Эти споры переросли в серьезные конфликты и затянулись на Руси на столетия. В середине XVI века церковный собор постановил «ходить» «по солнцу», следуя взглядам Ивана III. Но в XVII веке патриарх Никон вновь оживил этот спор и решительно выступил в поддержку точки зрения Геронтия. Противники Никона не уступали и были торжественно прокляты.

Но вернемся к посоху Геронтия. На первых порах Иван III уступал в споре митрополиту, но потом опять привялся за свое. В ответ Геронтий в знак протеста уехал в Симонов монастырь, а «посох свой остави в церкви». Это означало — я сам отсутствую, но моя власть остается. Вскоре произошло примирение и... новая ссора. Митрополит, вероятно, был уже готов отречься от своего сана, поскольку, уезжая, «с собою ризницу и посох взя». Это произошло в 1484 году.

*

Время изготовления посоха — 1481 год. Случайно ли, что он был сделан именно в этом году, а не в самом начале правления Геронтия? Чем это можно объяснить? Прежде всего тем, что это

год окончательного освобождения Руси от золотоордынского ига — выдающегося события в истории русского народа, в честь которого был установлен праздник.

Как же так, может спросить любой школьник. Ведь в учебнике это событие датируется 1480 годом. Да, по современному календарю. Но в XV веке был принят сентябрьский год (то есть до петровской реформы новый год начинался с сентября), и бегство войск хана Ахмата с Угры, происшедшее в ноябре, датировалось русскими летописцами уже следующим, 1481 годом. Вот и еще одна «загадка» древнерусского календаря.

Если посох Геронтия был изготовлен в год падения ордынского ига, то нет ли в его декоре отражения этих событий? Нетрудно догадаться, что изображение зверей — лишь символический, инсказательный прием древних мастеров. Так называемые «сцены терзавия», довольно многочисленные в декоре посоха, в средневековой символике обычно отражали идею борьбы добра и зла. Повторяющиеся композиции на золоченых «яблоках» посоха представляют противоборство крылатого зверя (грифона) или с драконом, или с получеловеком-полудраконом. Дракон в средневековой символике — обобщенный образ злых сил. Грифон в древнерусском искусстве — обычно положительный образ. А человекодракон? Поскольку он борется с тем же грифоном, значит, он близок дракону.

На одном из резных цилиндров посоха в один ряд по вертикали сгруппированы сцены: маленькая птица напала на крупное травоядное животное, а большая — на маленького хищника; двое животных терзают друг друга, библейский богатырь Самсон раздирает пасть льву — композиция передает идею борьбы со злом, причем не только символизирует противоборство, но и победу. Это единственный образ из церковной иконографии на древней части посоха, и употреблен он не случайно. Подвиги героев древности, отраженные в памятниках письменности XV века, были близки и понятны русским людям, страдавшим под гнетом золотоордынского ига.

На том же цилиндре представлены и «темные» силы. Это человекодракон, повернутый в сторону Самсона, как бы противопоставленный ему. Под человекодраконом — ряженный, в шутовской короне, с искусственными крыльями и хвостом (хвост в средневековье символизировал неприличие и позор). Крылья и хвост ряженого «сближают» его с изображением человекодракона, только один — настоящее чудовище, а у другого те же черты, но скоморошеские. Вероятно, изображен один и тот же враг в двух лицах; первое — олицетворяет его злобные, демонические



*Деталь
резьбы
посоха
Геронтия*

черты, а второе — служит разоблачением этих черт, скрытых под маской скомороха. В связи с образом ряженого в шутовской царской короне можно вспомнить и тот факт, что в XV веке золотоордынского хана на Руси начали называть «самозванным», «мнимым» царем.

Под стать «неверному царю» и его экзотическое войско — боевой слон с башенкой, из которой выглядывают головы воинов в шлемах, и верблюд (животное, упоминаемое летописцами при описании нашествия Батыя на Русь).

Можно ли допустить столь земную и к тому же воинственную символику на посохе митрополита? Вполне. Дело в том, что символика епископского посоха включает понятие о том, что это — оружие против демонических сил, врагов веры. По преданию, перед Куликовской битвой один из русских ратников якобы видел «армию бесов», которых разогнал, поражая своим посохом, московский митрополит Петр.

Были ли у Геронтия основания награждать себя посохом в связи с событиями 1480—1481 года? Очевидно. Ведь он ставил себе в заслугу, что во время военной опасности «сидел в осаде» в Москве, тогда как великая княгиня Софья Палеолог бежала на север. Не был уверен в победе и сам Иван III. В такой обстановке определенную роль сыграли адресованные ему послания духовенства. Резко и очень красноречиво обличал великого князя в письме к нему ростовский епископ Вассиан. Геронтий также послал ему письмо, но более сдержанное по содержанию, в котором указывал Ивану III на Александра Невского и призывал его поддерживать моральный дух воинов, чтобы защитить «державу» своего «отчества и дедства и прадедства». Врагов Русской земли Геронтий прямо называл — «змий, вседукавый враг дьявол», что перекликается с образами резьбы на посохе. Геронтий, определенно, рисковал вызвать гнев Ивана III, который в это время был склонен слушать «злых человек сребролюбцев... предателей христианских...», призывавших его покориться хану.

Как видим, Геронтий не был лишь пассивным наблюдателем крупнейших событий своего времени. И смысл его деятельности был замечателен, пусть в иносказательной форме, в памятнике искусства — посохе митрополита.

Посох Геронтия — уникальный памятник, созданный в память величайшего события русской истории — освобождения нашего народа от более чем двухсотлетнего иноземного ига. Символика посоха осталась бы нераскрытой без внимательного анализа написанной на нем даты.

*

Как ни парадоксально, хронологические загадки в пределах одной надписи на посохе Геронтия этим не исчерпываются. Теперь речь пойдет о дате ремонта посоха при новгородском митрополите Иове. В надписи сказано «лета 7211, от рождества богаслова (т. е. Христа) 1710 году...». Цифры сразу же настораживают. Ведь если отнять от 7211 положенные 5508 лет, то получится не 1710, а 1703. Что перед нами — ошибка? Когда же, все-таки, ремонтировали посох? Анализ некоторых письменных памятников показывает — в 1703 году, если считать по новому летосчислению, которое на Руси в то время еще было новшеством, и к нему привыкали с трудом. Привычнее была взятая из предания легендарная дата «рождества Христова» (точка отсчета лет новой эры), соотношенная с числом 5500, а не 5508. Поэтому в памятниках письменности встречается и такая ошибка в датах — с разницей в 8 лет,

Но ведь между 1703 и 1710 годами разница в 7, а не в 8 лет. И здесь на помощь приходят древнерусские календарные рукописи. В одной из них читаем: «от Христова же воплощения до... 7044 лета по нашему русскому счету прошло 1543 лета (разница в 5501 год, как и в надписи на посохе Героптия!), а четвертое настало, а по латинскому счету... 1535, а шестое настанет... По нашему русскому счету прошло боле же латинского счету 8 лет». Таким образом, при счете лет «от сотворения мира» называли «идущий» год, как это обычно принято, а годы «от рождества Христова» могли отсчитывать, как число полностью истекших лет. Иными словами, перед нами чисто словесное расхождение в цифрах (типа: ребенку исполнился год и пошел второй).

Когда на Русь начали попадать западноевропейские календарные и иные сочинения, эта разница в восемь лет была замечена. В древнерусском календарном сочинении XV века читаем: «по римскому (католическому, европейскому) закону от божия нарждения лет тысяча и четьреста и пятьдесят и одно, а по русскому летописцу тысяча и четьреста и пятьдесят и девять». Некоторые «вольнодумцы» хотели считать годы так же, как и во всей Европе. Это вызвало на Руси в конце XV века опасение, что «еретики» хотят «украсть» 8 лет. В XVI—XVII веках некоторые русские книжники порой пользовались общеевропейскими датами, и все же к ним сохранилось недоверие. Оно было в дальнейшем характерно для старообрядцев и иных противников петровских реформ, которые также писали, что Петр I «у бога 8 лет украл». Петровская реформа календаря казалась многим предзнаменованием страшных бедствий. В одном сочинении именно с осуждения нового календаря начинается рассказ о поражении русских войск под Нарвой в начале Северной войны. Это своего рода «плач» по старому календарю: «Се убо пресекается российский календар... яко же в окрестных землях языческих (т. е. в Европе) пишут лета не от сотворения света, но от рождества божия слова генваря с первого числа, а не с сентебрива месяца...»

Похоже, что митрополит Новгорода и Великих Лук Иов не одобрял календарную реформу Петра, или, во всяком случае, не препятствовал резчику выразить свое к ней отношение.

Итак, одна небольшая надпись с двумя «загадочными» датами одновременно пролила свет на события политической и культурной жизни России конца XV века и на идейные споры эпохи петровских реформ.

А. В. ЧЕРНЕЦОВ

Рисунок С. Гавриловой



„ТАМ СТУПА СВАЬЮ-ЯГОЙ“



Для современной читательской и зрительской аудитории, детской и взрослой, привычным стал образ Бабы-яги, летящей по небу в ступе или на помеле. Баба-яга в настоящее время один из наиболее популярных и активно живущих сказочных персонажей, и всякий раз мы видим ее летящей: летает она в экранизации сказки «Морозко», в известном мультфильме про олимпийского Мишку и т. п.

Зададимся вопросом, каковы исконные народно-поэтические представления о передвижении Бабы-яги?

Обратившись к текстам «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, мы убеждаемся, что ступа — это копь Бабы-яги: она садится в ступу или на ступу, едет, скачет, погоняет, след замечает. Так, в сказке «Василиса Прекрасная» рассказывается: «Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом... Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает»; там же: «Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает». Подобная картина возникает и в сказках «Баба-яга», «Баба-яга и жихарь», «Баба-яга и Заморышек», «Марья Моревна».

Густой лес, озеро, огнец-

ная река непреодолимы для Бабы-яги, скачущей в ступе. «Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погону за девочкой,— рассказывается в сказке «Баба-яга».— Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река, такая широкая — широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела...». Продолжить погону Баба-яга может только после того, как ее волшебные быки выпили всю реку дочиста, и перед ней опять открывается путь. Во второй раз девочка бросила гребешок — «сделался лес такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, по сколько ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад».

В сказке «Баба-яга и Заморышек» читаем: «Впереди сине море, позади баба-яга... Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою — и вдруг перекинулся мост через все сине море; переехали добрые молодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком на иную сторону — мост исчез, баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали». Возможность для Бабы-яги *подняться на ступе в воздух, перелететь* преграду, которую нельзя переехать, в русских народных сказках не возникает. Баба-яга на своем железном коне не может летать, это с очевидностью следует и из сказки «Марья Моревна», где тонкий мост через огненную реку подломился под Бабой-ягой в ступе: «Поутру пробудилась баба-яга... Бросилась в погону; во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает. Прискакала к огненной реке... Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга чубурах в реку; тут ей и лютая смерть приключилась!»

В полном соответствии с этими представлениями русских народных сказок передвижение Бабы-яги нарисовано в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила»:

Там ступа с Бабою-Ягой
Идет, бредет сама собой...

Владимир Даль в своем Толковом словаре, объясняя слово *Яга*, приводит аналогичный пример: «Баба-яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает».

Представление о Бабе-яге, *скачущей, едущей* в железной ступе с пестом и помелом, можно признать наиболее древним. Оно соотносится со старинным образом Бабы-яги — могущественной хозяйки леса: день ясный, ночь темная — ее слуги верные, как о том рассказано в сказке «Василиса Прекрасная». Баба-яга — су-

щество опасное, демоническое, но она не является воплощением только злого начала, а «совмещает функции вредителя и дарителя» (Пропп В. Я. Морфология сказки).

Образ Бабы-яги серьезно трансформировался под воздействием воззрений христианства: Баба-яга стала восприниматься как ведьма, безобразная злая колдунья, бесовка. Переосмысленный образ Бабы-яги также отразился в Толковом словаре В. И. Даля: «...она ездит за человеческим мясом, похищает детей, ступа ее железная, везут ее черти, под поездом этим страшная буря, все стонет, скот ревет, бывает мор и падеж; кто видит ягу, становится нем».

Такое развитие образа нашей Бабы-яги сходно с судьбой образа латышской лаумы, родство которых отмечал А. Н. Афанасьев. Лаума — «первоначально богиня родов и земли; позже — злой дух, ведьма, летающая по небу» (Мифы народов мира). Но лауме, помимо полета, присущ и другой, более древний способ передвижения: она ездит в железной тележке, управляемой проволочным кнутом; «ее страшный кнут и сама собой движущаяся железная тележка вполне соответствуют толкачу и ступе бабы-яги» (Афанасьев А. Н. Древо жизни).

Видимо, Баба-яга «приобрела» способность летать, когда ее образ существенно трансформировался и соединился с образом ведьмы. Очень показательна в этом отношении сказка «Князь Данила-Говорила»; характерно, что в ней есть христианские мотивы. Девушка, героиня сказки, набрела в темном лесу на избушку на курьих ножках. «В избушке сидит девица красная... Встретила гостью ласково, вздохнула и говорит: „Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!“ ...Прилетела ведьма... Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос». Девушки, спасаясь от ведьмы (в сказке она только один раз названа *Бабой-ягой*), создают перед ней волшебную преграду, которую ведьма пытается перелететь. Характерно различные попытки разрешить эту распространенную сказочную ситуацию в данной сказке от подобной в упоминавшейся выше сказке «Баба-яга». «Бросили ширинку златошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высоко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела». Волшебная преграда оказывается непреодолимой и для летящей Бабы-яги. Важно отметить, что в сказке отсутствует какое-либо указание на средство передвижения: как летает Баба-яга — ведьма, на чем?

Если образ скачущей Бабы-яги в русских народных сказках всегда ясен и определен — «в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает», — то образ летящей Бабы-яги гораздо менее

четок. Мы или ничего не узнаем о том, как же именно она летит, или она летит на помеле, как это свойственно ведьме. Так, на березовом веннике летает Баба-яга в пересказе А. Н. Толстого сказки «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» («Андрей-стрелец»): «Андрей лег спать, а баба-яга взяла два голика (в сноске поясняется: *Голик* — березовый венник без листьев, голый), полетела на болото...»

В народных русских сказках в ступе Баба-яга не летает. Но в литературных обработках происходит изменение образа — свойство передвигаться в ступе и способность летать объединяются. В сказке Н. А. Некрасова «Баба-яга, Костяная нога» читаем:

Летит ужасная колдунья,
Все это вмиг их убедило,
Что Баба старая Яга
Зачем-то бор их посетила...
Но страшный ступе пест железный
Колдунью спас над самой бездной.
Она сильнее им застучит —
И диво — ступа побежит,
Как лань, заслыша лай собаки;
Она удары участит —
И ступа летом полетит
Через холмы и буераки.

В приведенном отрывке мы видим обобщение и «рационализацию» ряда представлений о передвижении Бабы-яги: очевидна связь ее ступы с конем, в соответствии с фольклорной традицией ступа управляется железным пестом и способна не только *бежать*, *скакать*, но и *лететь*.

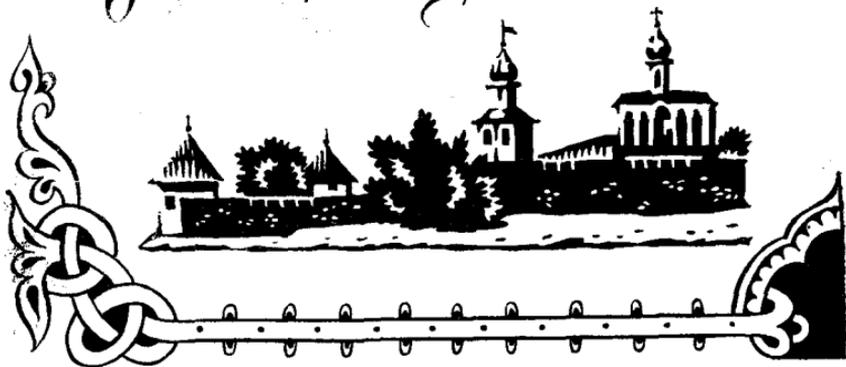
В настоящее время, в наш «летающий» век, происходит дальнейшая трансформация сказочного образа: утрачивается представление о ступе как о коне, и Баба-яга теряет возможность идти, бежать, скакать — она только летает. Современная летающая Баба-яга «выронила» свой железный пест и сохранила только помело, которое традиционно ассоциируется с полетом.

Образ летящей в ступе Бабы-яги закономерен в современных сюжетах, куда с каким-либо художественным заданием включается этот сказочный персонаж. Но иллюстрации к народным сказкам, изображающие Бабу-ягу летящей по небу в ступе, не соответствуют исконной фольклорной традиции.

Е. Н. ИВАНИЦКАЯ
Ростов-на-Дону

Рисунок С. Гавриловой

Господи Великии



Название Новгорода, главного города ильменских словен, — славянского происхождения, оно прозрачно, понятно: «новый город». Однако эта простота толкования топонима обманчива, ибо, ответив на вопрос «что означает?», топонимист неизбежно должен будет ответить на вопросы «когда?» и «почему?», то есть указать время возникновения топонима и его мотивировку, причины, вызвавшие к жизни именно это название, а не иное... Не случайно известный популяризатор науки о русском языке Л. В. Успенский в книге «Загадки топонимики» так писал о простых для понимания географических наименованиях: «... **НОВГОРОД, СТАРАЯ РУССА, ВЫСОКОЕ, КРАСНЫЙ КУТ...** Народом они даны, народом сохраняются. В течение столетий народ спокойно и просто произносил их, произносит и теперь. И они представляются ему совершенно понятными. Только каждый понимает их по-своему». Однако задача топонимиста — дать однозначное понимание топонима, попытаться установить его истинную, единственную мотивировку, и сделать это зачастую очень трудно. Наглядный тому пример — исследования истории возникновения слова *Новгород*.

Начнем с того, что «новых городов» на карте нашей Родины немало. Есть они и в других странах. Если мы возьмем Атлас СССР, то в алфавитном указателе географических названий встретим такие топонимы, как *Новгород-Северский* (райцентр в Черниговской области УССР на реке Десне), *Новоград-Волынский* (город

Новгород



в Житомирской области УССР на реке Случь), *Новгородка* (райцентр в Кировоградской области УССР), *Новогрудок* (райцентр в Гродненской области БССР) и другие. Вспомним и о том, что город Горький до 1932 года носил наименование *Нижний Новгород*. Хорошо известен и итальянский город Неаполь, это тоже родственник «новых городов»: его название — древнегреческое по происхождению — образовано от слов *неа* «новый» и *полис* «город».

Новгород-Северский — это «новый город в Северной земле», то есть на территории, заселенной восточнославянским племенем северян. *Новоград-Волынский* по сравнению с *Новгородом-Северским* гораздо более молодой топоним. Он ведет свою историю с конца XVIII века, когда город Звягель (древнее название Новограда-Волынского) вошел в состав России. Старославянский элемент *-град* появился в наименовании в соответствии с одним из направлений тогдашней правительственной моды — «славянизацией» топонимии. Гродненский *Новогрудок* — тоже «новый город», это наименование по своему происхождению польское.

Самый древний из всех известных нам отечественных «новых городов» — это *Изгород* на реке *Волхов*, центр Новгородской области. Как же случилось, что за одним из самых старых городов Руси утвердилось такое имя? Этим названием мы пользуемся сейчас, оно было известно и в XI веке. А раньше?

Стремясь найти ответ на данный вопрос, исследователи прошлых лет называли в качестве предшественников Новгорода другие города, порой достаточно удаленные от него, — Старую Руссу, Старую Ладугу и др. Не принимая этого, топонимист А. И. Попов

писал, что города с именем *Новгород* «возникали не в силу противоположения какому-то Старому городу, а просто потому, что это был вновь построенный город» (Попов А. И. Следы времен минувших). Однако со времени исследований, проведенных А. И. Поповым, существенным образом изменились наши научные представления о древнерусском городе, у истоков которого современные историки помещают уже не «укрепленный холм с тыном», а систему сложно связанных друг с другом поселков и усадеб. Может быть, стоит искать решение проблемы возникновения названия *Новгород* с учетом древней внутригородской структуры?

Древний Новгород, выросший по обоим берегам Волхова, издавна делился не только на две половины — левобережную *Софийскую* и правобережную *Торговую*, — но и на пять концов, древнейшими из которых были три — *Неревский*, *Людин* (на Софийской стороне) и *Славенский* (на Торговой стороне). Согласно гипотезе, выдвинутой В. Л. Яниным и М. Х. Алешковским, эти концы первоначально представляли собой обособленные поселки, по отношению к которым возникший при их объединении укрепленный общественный центр и стал *Новым* городом [Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2].

Особое внимание ученых привлек Славенский конец, или *Славна*, как его именуют источники. В центре его располагалась в древности небольшая возвышенность, за которой закрепилось название *Холм*: «В то же лето (1144 год) погоре Хълм весь...» (Новгородская первая летопись. М., 1950); ср.: «Погоре город Дитинец весь» (Полное собрание русских летописей: далее — ПСРЛ). Сопоставление топонима *Холм* с древнескандинавским названием Новгорода — *Холмгард* (Holmgard) позволило высказать предположение: *Холм* — древнее самоназвание одного из поселков, предшественников Новгорода, «старого» Холмгорода, по отношению к которому крепость на Софийской стороне стала *Новым* городом [Янин В. Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований. — Новгородский исторический сборник I (11). М., 1982].

Поиск истоков возникновения наименования *Новгород* может быть продолжен и в ином направлении, на которое указывают общие принципы называния внутригородских территорий в древнерусских городах. Во многих из них были свои «новые города», возникавшие при строительстве новой линии укреплений. Так было во Владимире, Ярославле, Костроме и многих других местах, на что мы обращали внимание читателей «Русской речи» в цикле очерков «По Золотому кольцу России». Там мы не раз сталкивались с употреблением слова *город* в значении «ограда, крепост

ная стена, линия укреплений». Именно так следует понимать слово *город* в примечательном для нас известии летописи: «В лето 6770 (1262) срубиха Новгородци город нов» (ПСРЛ). И хотя в этом сообщении речь идет о событиях второй половины XIII века, невольно возникает мысль: не обязан ли город своим названием подобному же строительству, но происшедшему намного раньше, на заре его истории? Поэтому так заманчива попытка найти следы двух линий укреплений — новой и старой — в центральной части древнего Новгорода — Детинце.

Название *Детинец*, прочно закрепившееся за новгородским кремлем, несмотря на свой «былинный» характер, не является столь древним, как это может показаться на первый взгляд. Древнейшие тексты в составе Новгородской первой летописи не употребляют термина *детинец* и называют центральную крепость просто *градом*. Это не случайно, поскольку словом *детинец* обозначается внутреннее укрепление уже сложившегося города, о чем подробно рассказано в статье Ж. Ж. Варбот «Детинец» (см.: Русская речь, 1977, № 1). Древнейшая крепость Новгорода не могла именоваться *детинцем*, так как этот термин приобретает смысл только при наличии второй, внешней линии укреплений — окольного города, острога и т. п. Вероятно, начало широкого употребления топонима *Детинец* следует относить ко времени, когда разросшийся город опоясали укрепления Новгородского острога, то есть к XIV веку. Если этот топоним и возник в более раннее время, то относиться он мог только к каким-то внутренним укреплениям центральной крепости.

По памятникам письменности древнего Новгорода действительно прослеживается деление града, или позднее Детинца, на две части — околоток и владычный двор: «...погоре околоток всь и владычи двор — 1432 год (ПСРЛ); «В лето 6902 (1394 год) ... той же осени погоре владычен двор и околотки, и за городом много улиц погоре...» (там же). *Владычный двор* — это резиденция новгородского архиепископа, обладавшего не только церковной, но и значительной светской властью в Новгородской феодальной республике. Двор архиепископа занимал северо-западную часть новгородского кремля. Именно здесь в 1970 году при реставрации Никитского корпуса, построенного в XVII веке, выяснилось, что при возведении здания строители использовали крепостную стену XV века, которая в свою очередь стояла на древнем валу. На существование особых укреплений, окружавших двор архиепископа, указывают и летописные источники: «Тои же весны подписан бысть Иван Златоуст в владычнем дворе на вортех...» — 1437 год (ПСРЛ; разрядка наша — М. Г., В. Д.) На это же указывает и «Роспись церквей новгородских», в которой говорится о

воротях Иоанна Златоуста и святого Петра, находившихся внутри крепости (Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVII в.—Вестник археологии и истории. Вып. X, СПб., 1898).

Территория Детинца за пределами владычного двора даже в XIV—XVI веках носила примечательное название *Околоток*. Такое, на первый взгляд, необычное употребление слова *околоток* — *окольный город* — может объясняться тем, что первоначально им действительно называли укрепленную часть города, примыкавшую к древнейшей цитадели. Учитывая, что термины *окольный* и *новый город* совпадают по значению, мы вправе предположить, что именно околоток был той второй, новой крепостью, которая получила название *Новгород* (впоследствии перешедшее на весь город). При этом топоним *Старый город* (как противопоставление *Новому*, что очень распространено в топонимии) не возник. В качестве названия старой крепости утвердилась характеристика, более соответствующая ее отличительным признакам, назначению, — *Владычный двор*.

Таким образом, нам думается, что возникновение названия *Новгород* могло быть связано с расширением территории центральной крепости при возведении второй линии древних укреплений. Что касается древнейшего ядра Новгорода, то оно, вероятно, называлось просто *Город* или же совпадало с названием реки — *Волхов*, *Волхово*.

Упомянем еще об одной интересной особенности топонима *Новгород*. В хорошо знакомых читателям новгородских былинах обе части названия города изменяются по падежам:

В славном Великом Нове-граде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился...

Этот факт — результат образования топонима из словосочетания *новый город* — мы постоянно наблюдаем и в летописях, в других исторических источниках; такое употребление топонима сохранялось вплоть до XVIII века.

(Окончание следует)

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ,
В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок В. Леонова

СРЕДИ КНИГ

М. В. Горбаневский.

В МИРЕ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Наименования окружающего мира всегда вызывали горячий интерес людей, ибо в них — крупницы нашей истории. О чем могут рассказать географические названия, каковы истоки имен, отчеств, фамилий, псевдонимов, как появляются наименования космических объектов и ...даже клички животных — все это в увлекательной форме преподносит книга М. В. Горбаневского «В мире имен и названий», вышедшая в 1983 г. в издательстве «Знание».

Давайте заглянем в этот мир... Почти половину книги составляет раздел о географических названиях. Он называется «Где вы живете?». Конечно, ответить каждому человеку на этот вопрос невозможно (автор и не ставит такой задачи), но путешествие по географической карте с лингвистическими комментариями несомненно пополнит знания читателя весьма ценными сведениями о происхождении названий материков — Европы, Азии, Америки, Австралии, Африки, Антарктиды, жемчужины мировой природы — озера Байкал, нашей неповторимой реки матушки-Волги.

Особо автор останавливается на имени нашей древней столицы — Москвы. Всего на нескольких страницах он сумел изложить просто и доходчиво порой очень сложные научные гипотезы и версии со-

ветских и зарубежных ученых о происхождении этого топонима — ведь тайна названия города и по сей день не раскрыта, но поиск ее разгадки продолжается. А потом вам предлагается интереснейшая экскурсия в историческое прошлое города, путеводителем в которой могут служить такие названия, как Красная площадь, Тверской бульвар, Столешников переулок, Таганская площадь, Сретенка и многие другие, являющиеся сегодня «памятниками былым столетиям и нашим предкам».

«Листая страницы улиц» — так называется глава, — автор знакомит и с названиями, запечатлевшими события Великой Октябрьской социалистической революции, Великой Отечественной войны, героики мирного созидательного труда. Практически каждое имя — это свидетельство, живой документ того или иного периода истории Москвы и страны.

При этом автор ставит своей целью не только познакомить читателя с историей названий, но и дать практические рекомендации правильного их употребления в речи. Кроме того, М. В. Горбаневский поднимает и еще одну очень важную проблему — выбор и присвоение названий улицам, переулкам и площадям больших городов. «Необходимо повысить культуру наименований, — подчеркивает он, — чтобы названия были прежде всего информативны, чтобы они отвечали языковым нормам и были, наконец, удобны в обращении».

«Как вас зовут?» — так называется второй раздел книги, посвященный антропонимам — личным именам людей, фамилиям, отчествам, прозви-

щам, псевдонимам. Очевидно, многие из нас знают первичное значение наших собственных имен, имен окружающих нас людей, имен, которыми мы награждаем наших детей. А между тем имена, используемые нами, создавались веками, в них «отражаются быт, верования, чаяния, фантазия и художественное творчество народов, их исторические контакты».

В главе «Откуда ты, имя?» даются пояснения к самым распространенным русским личным именам, таким, как Галина, Елена, Александр, Алексей, Андрей и т. п., которые, впрочем, как отмечает автор, по своему происхождению к русскому языку никакого отношения не имеют. В большинстве своем ныне популярные русские имена пришли к нам из других языков. Так, Галина (греческое) означает «тишина, кротость, безветрие», Екатерина (греческое) — «чистота, благопристойность», Елена (греческое) — «солнечная, светлая», Юлия (латинское) — «кудрявая» и т. п.; или например: Александр (греческое) — «защитник», Андрей (греческое) — «мужественный», Валерий (латинское) — «здоровый, крепкий», Геннадий (греческое) — «благородный», Сергей (латинское) — возможно, «высокий, высокочтимый» и т. д. Этот маленький словарь имен, приведенный в книге, — по-видимому, дань любознательным, которые засыпают редакции журналов и газет просьбами написать о том, что означают наиболее распространенные у нас мужские и женские имена, из каких языков они пришли.

Огромное количество писем

с подобными вопросами свидетельствует о том, что многие люди всерьез озабочены «качеством» собственного имени или проблемой наречения появившегося на свет ребенка. Первым автор убедительно доказывает, что «для нашей жизни абсолютно неважно, начинается ли ваше имя «чайка» или «мудрость», пришло ли оно из греческого, латинского или какого-либо другого языка». Вторым автор призывает быть осторожными в выборе имени новорожденному, потому что еще «слишком часто мы встречаемся с появлением неправильных (с точки зрения звучания и значения), вычурных, претенциозных или просто неграмотных имен, которые отдельные родители безответственно дают своим детям, не думая о том, чем это обернется, когда дети станут взрослыми».

В третьем разделе книги «Почему так названо?» можно прочесть о том, как возникли наименования звезд, планет, созвездий, как появился у нас Дед Мороз, что означают такие фразеологизмы (в состав которых входят имена собственные), как *сизифов труд*, *авилонское столпотворение*, *филькина грамота*, *драть как сидорову козу*, *авгиевы конюшни*, *кричать во всю Ивановскую*, *Москва слезам не верит*, *ехать в Тулу со своим самоваром* и многие другие.

Заключает путешествие в мир имен и названий «Необычная экскурсия в Кремль», — так называется глава, рассказывающая об истории названий площадей, соборов, выдающихся памятников древнерусского зодчества Московского Кремля. Например, на за-

падную сторону Соборной площади выходит Грановитая палата. Своим названием она обязана тому, что восточный фасад ее «обработан в технике руста — граненым камнем, отсюда и название Грановитая».

«Посвящая читателя в механизм, в технику поиска, проверки и перепроверки результата, автор не скрывает трудностей, откровенно говорит об именах темных, до сих пор достоверно не изученных, — отмечает в своем предисловии к книге член-корреспондент АПН СССР В. Г. Костомаров.

Отличительная особенность книги М. В. Горбаневского «В мире имен и названий» в том, что богатый исторический материал, различные занимательные истории, связанные с названиями, автор дает через историю слова, наглядно показывая всю тяжесть кропотливейшего труда лингвиста, ученого, исследующего язык, чья задача «слою за слоем «раскрывать» название, проникать в его прошлое, устанавливать первоначальную форму и основу».

Н. А. РЕВЕНСКАЯ

В. Ф. Барашков.

ЗНАКОМЫЕ С ДЕТСТВА НАЗВАНИЯ

Читателям «Русской речи» хорошо известна рубрика «На карте Родины», в которой помещаются статьи об истории географических названий (топонимов). Книга В. Ф. Барашкова, выпущенная издательством «Просвещение» и адресованная учащимся средней школы, также посвящена географическим названиям СССР.

Она представляет интерес и для взрослого читателя.

Автор обстоятельно повествует о названиях, знакомых нам с детства, приглашая читателей задуматься о специфике и природе топонимов. Действительно, если адресная функция географических названий в целом достаточно привычна для нас, то о значении, заключенном в названии, об информации, которую несет топоним, мы вспоминаем нечасто.

В. Ф. Барашков подробно рассказывает о том, как возникают географические названия, как в них отражаются природные особенности края. В частности, в основе многих топонимов лежат географические термины: *гай* «лес, дубрава, роща» — город *Гай*; *бутырки* «жилище на окраине» — *Бутырская улица*; *елец* «дубовый или еловый лесок» — город *Елец* и т. п. В книге рассмотрены также названия, основу которых составляют личные имена людей (антропонимы). Это прежде всего географические названия, связанные с именем В. И. Ленина (*Ленинград, Ульяновск, Ленино-Кушкино* и другие), с именами видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, с именами людей, прославивших Страну Советов в труде и в бою. Достаточно выразительны такие названия городов, как *Куйбышев, Свердловск, Стаханов, Черняховск, Гагарин* и многие другие.

Авторское изложение гармонично дополняют стихотворные цитаты из произведений русских и советских поэтов. Это оживляет повествование и помогает читателю составить полное представление о конкретном географическом назва-

нии, глубже понять его историю. Например, топоним *Царское Село* (современный город Пушкин под Ленинградом), конечно же, напоминает нам о лицее, в котором учился великий русский поэт, писавший в романе «Евгений Онегин» о начальном, лицейском периоде своего творчества так:

В те дни в таинственных
долинах,
Весной при кликах
лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

Географические названия нередко сохраняют в своей основе слова-термины, вышедшие ныне из живого употребления, но широко известные в прошлом. В книге В. Ф. Барашкова рассказано о многих подобных топонимах. Читателю, безусловно, известны такие названия, как *Мытная* улица в Москве, *Мытнинская* набережная в Ленинграде, город *Мытищи* в Подмоскovie и другие. Все эти топонимы сохраняют память о тех далеких временах, когда с купцов за провоз товаров из одного места в другое собиралась особая пошлина. В древнерусском языке ее обозначало слово *мыто*. Для взимания этой пошлины на оживленных торговых путях, а также в торговых городах строились специальные *мытные* дворы.

В топонимии сохранились и неизвестные современному русскому языку старые значения некоторых привычных слов. Кто такой *гость*? «Что за праздный вопрос, — скажете вы. — Это тот, кто приходит в гости». Однако в топонимии отражено и более древнее значение этого слова — «купец, торговец», представленное в

названиях *Гостищево*, *Гостиновичи*, «*Гостиный двор*» в Ленинграде (то есть «Торговый двор») и т. п. Тонкий знаток русского языка, А. С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане» как бы «обыграл» современное и более древнее значения слова *гость*. Помните:

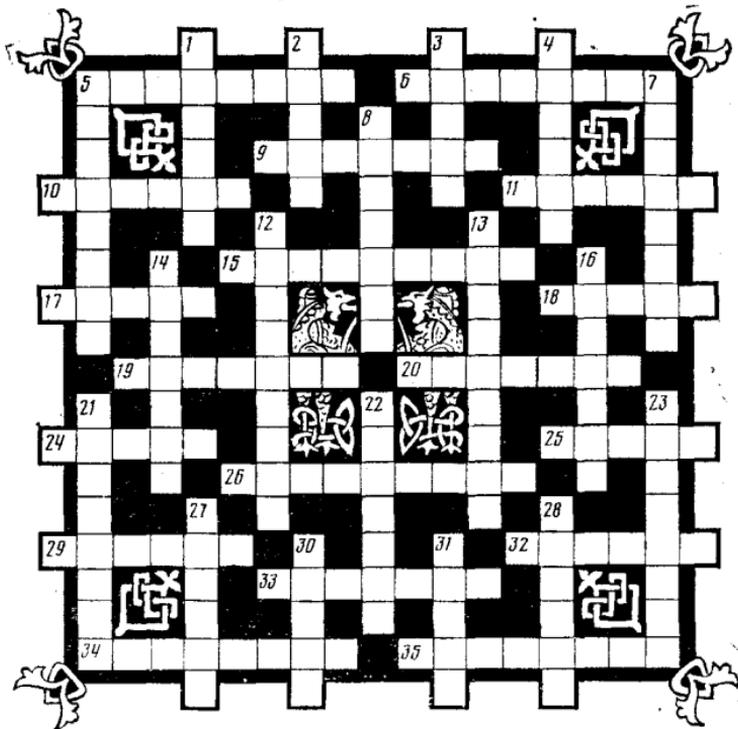
Пристают к заставе гости:
Царь Гвидон зовет их в гости.
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
«Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?»

В. Ф. Барашков убедительно показывает, что от географических названий нередко образуются производные — так в русском языке возникают большие группы родственных слов. *Вятка* — это не только название одной из самых крупных рек Волго-Камья. До 1934 года *Вяткой* пазывался современный город Киров — центр Кировской области. Из собственных имен существительных известно название мотороллера «*Вятка*», а из нарицательных: *вятка* — «сорт озимой ржи»; *вятка* — «мелкая коренастая порода лошадей»; *вятка* — «тип гармоники». Прилагательное *вятский* входит в состав многих словосочетаний: широкую известность и популярность завоевали *вятские кружева* и *вятские матрешки*.

Книга, написанная живо, увлекательно, в доступной форме, помогает пристальнее всмотреться в знакомые и незнакомые топонимы родного края, призывает изучать их историю, происхождение. Ведь географические названия — это древняя и вечно живая летопись нашей Родины.

А. В. БАРАНДЕЕВ

КРОССВОРД



По горизонтали: 5. Русский князь, упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 6. Русский языковед, академик. 9. Поэт, критик, театральный деятель, возглавивший одно из направлений декабристского романтизма. 10. В древнегреческой мифологии — бог земных недр. 11. Роман Э. Золя. 15. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 17. Повесть А. И. Куприна. 18. Поэма М. Ю. Лермонтова. 19. Персонаж повести К. Симонова «Дни и ночи». 20. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 24. Выдающийся индийский писатель. 25. Роман Т. Драйзера. 26. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Поздняя любовь». 29. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 32. Персонаж трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». 33. Внутренняя крепость, кремль в Древней Руси. 34. Русский советский писатель, переводчик «Илиады» и «Одиссеи». 35. Рассказ исторического или легендарного содержания.

По вертикали: 1. Одна из первых пьес А. П. Чехова. 2. Белорусский советский писатель, поэт. 3. Персонаж романа И. С. Тургенева «Вешние воды». 4. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». 5. Автор музыки романса «На заре ты ее не буди» на слова А. П. Фета. 7. Гусарская куртка с нашитыми поперечными шнурками. 8. Стихотворение А. С. Пушкина. 12. Русский еженедельный сатирический журнал, издававшийся в Петербурге. 13. Памятник русской литературы XIV века. 14. Персонаж романа Д. Гранина «Искатели». 16. Комическое или сатирическое подражание кому-чуждому. 21. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 22. Русский советский писатель, автор цикла «Лесная капель». 23. Роман И. С. Тургенева. 27. Трагедия Шекспира. 28. Русская старинная мужская долгополая верхняя одежда. 30. Книга стихов А. Белого. 31. Русская народная сказка.



На первый взгляд может показаться, что при наличии составленного В. Л. Виноградовой «Словаря-справочника „Слова о полку Игореве“», содержащего толкования всех слов, которые употреблены в этом произведении, нет необходимости в изучении названий оружия в «Слове о полку Игореве». Однако это не так. Дело в том, что автор-составитель названного словаря не считал своей задачей рассмотрение представленной в «Слове» лексики с точки зрения тематической, этимологической, стилистической, функционально-поэтической.

*

В «Слове о полку Игореве» мы находим следующие названия предметов старинного ручного вооружения: *засажник* (1 упо-

требление), *копье* (5), *лук* (1), *меч* (8), *сабля* (7), *стрѣла* (7), *сулица* (2), *шелом* (12), *шерешир* (1), *щит* (6), *тул* (2).

Отметим прежде всего реализм «Слова» в употреблении этих названий: нет ни одного условного, экзотически книжного (может быть, за исключением слова *шерешир*) или сказочного; все термины, по-видимому, были активны в Киевской Руси, да и теперь хорошо известны. Правда, в наше время устарели слова *сулица* «метательное копье» и *тул* «колчан», но оба встречаются в исторических художественных произведениях и даже известны (в качестве социально или территориально ограниченных по своему употреблению) в живой речи в недавнем прошлом [ср. диалектное *сулица* «палка с железным наконечником в виде копья, употребляемая странниками для защиты, а мальчишками — для отталкивания при катании на коньках, лыжах, салазках, и проч.» (Ростовск. уезд Ярослав. губ., 1902 г., Картотека «Словаря русских народных говоров»); ср. также бытование слова *тул* в среде старообрядцев (Картотека «Словаря современного русского литературного языка»)].

Единственное редкостное слово из приведенного нами перечня, отсутствующее в других памятниках русской письменности XI—XVII веков и в русских народных говорах, слово, являющееся едва ли не самым загадочным с точки зрения происхождения, — это *шерешир*, значение которого не вполне ясно. По новой этимологической версии И. Г. Добродомова, *шерешир*, сближаемое с персидским *šāmrīr* «сабля, меч, шпага» и со старочешским *šaršūp* «меч» могло, по-видимому, обозначать оружие типа меча; упомянем, впрочем, и традиционное толкование *шерешир* «метательная машина».

Учитывая реалистический характер употребления всех остальных оружейных терминов в «Слове о полку Игореве», мы предполагаем, что и существительное *шерешир* могло быть обычным в XII веке обозначением оружия, по каким-то причинам исчезнувшим из русского языка.

Из одиннадцати приведенных нами терминов лишь три относятся к доспеху (*тул*, *шелом*, *щит*), остальные же — к наступательному оружию. Наличие в тексте «Слова» лишь двух названий оборонительного оружия — *шелом* и *щит* — как будто свидетельствует о том, что защитный доспех (*броня*, *кольчуга*, *кирис* «панцирь, защищавший все тело воина с головы до ног» и т. д.) в Древней Руси до XIII века мало использовался воинами, основной упор делался на наступательное оружие. В связи с этим любопытно употребление термина *засапожник* «боевой нож, хранившийся, по-видимому, за голенищем сапога воина»: «Тїи (Ярослав, брат Свя-

тослава вместе со своими воинами.— Г. О.) бо бес щитов с засапожники кликом плъкы побъждают, звонячи в прадѣдную славу».

Из цитаты ясно, что в условиях рукопашного боя, характерного для древнерусских воинов и составлявшего их воинскую «прадедную славу», защитный доспех только мешал. Засапожник здесь фигурирует как типичное оружие русского ближнего боя. Известно, что в XIII веке при защите города Козельска от татаро-монголов русские воины использовали ножи в рукопашной схватке с врагом. В связи с этим невольно вспоминаются строки лермонтовского «Бородино»:

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой.

Таким образом, несмотря на однократное употребление термина *засапожник* в «Слове» и отсутствие его во всех других известных нам древнерусских памятниках письменности XI—XVII веков, мы видим, что он прямо свидетельствовал о явлении, очень характерном для военного быта на Руси. Добавим, что в народных русских говорах слово *засапожник* сохранилось до нашего времени. В «Словаре русских народных говоров» читаем: «Засапожник, -а, м. Короткий нож, который кладется за голенище сапога. Сиб., 1847; Новг., Арх., Олон.», в «Дополнениях и заметках» П. Шейна к «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля сказано, что *засапожник* — это «охотничий нож, носимый в сумочке, пришитой к голенищу» (Заволжск. губ., Макарьев. уезд Нижегород. губ.) [Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1873].

*

Обратимся, однако, к наиболее активно употребляющимся в «Слове» названиям наступательного оружия — *меч*, *сабля*, *стрѣла*, *копье*, — из которых чаще всего встречается *меч*. Иногда полагают, что этот оружейный термин, имеющий значение «меч», «старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой», характерен для западноевропейского эпоса, но не восточнославянского. То, что именно это название употребляется в «Слове о полку Игореве» больше любого другого обозначения наступательного оружия, служит наглядным и убедительным опровержением такого представления. Другое дело, что меч на Руси вышел из употребления раньше, чем в странах Западной Европы,

будучи заменен более эффективным колюще-рубящим оружием конных воинов — саблей. Термин *сабля* употребляется в «Слове о полку Игореве» один раз безотносительно к русским или половцам, три раза — применительно к русским и три раза — применительно к половецким воинам, тогда как *меч* во всех восьми случаях упоминается как оружие русских. Эти данные в какой-то мере отражают определенный этап процесса освоения на Руси сабли как вида оружия.

Таким образом, подход к рассматриваемой группе слов как тематической дает возможность выявить важное историко-культурное значение «Слова о полку Игореве» с точки зрения оружейно-ведческой.

В плане этимологическом слова *конь*, *лук*, *сулица*, *стрѣла*, *тул* и, судя по всему, *щит* являются исконными, *заспаножник* — исконное, но образованное от слова с не вполне выясненной этимологией — *саног* (тюркизм или славянский термин?), к заимствованиям относятся: *меч* — возможно, непосредственно через готск. *mēki*, им. пад. **mēkeis* из кельтского источника, ср. бретонск. *meset*, *micet* «сверкать, блестеть», а с другой стороны, польское редкое старинное *miekut* «меч», вероятно, от кельтского причастия **mesant* или **mesont* «сверкающий»; *сабля*, — по мнению И. Г. Добродомова, — из иранского источника (вероятно, непосредственно от аланов), ср. афганское *šāb* (и *šāp*) со значением «холодное оружие; кинжал, обоюдоострый клинок» (Асланов М. Г. Афганско-русский словарь. М., 1966); *шелом*, — как нередко отмечается в этимологической литературе (см., например: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка), — из древнегерманского **helmaz*, готского *hīlms* «шлем»; *шерешир* — восточное заимствование, хотя Р. Якобсон, а вслед за ним и К. Г. Менгес (см. «Восточные элементы в „Слове о полку Игореве“». Л., 1979) не исключают возможности исконно славянского происхождения этого термина, как звукоподражания из повторяющегося сочетания звуков *шер-шер*, ср. суцл. *шорох*, а также глагол *шершить* «производить звук трением неровной шершавой поверхностью».

Таким образом, среди терминов, обозначающих оружие, в «Слове» немало иноязычных названий, и это закономерно: воюющие стороны часто заимствовали те или иные эффективные виды оружия противника и слова, их обозначающие.

Наиболее древними из всех одиннадцати названий оружия в «Слове о полку Игореве» мы должны признать два: 1) *конь*, общеславянское слово, возникшее, по версии О. Н. Трубачева, из прилагательного **корьъ*, в форме среднего рода употреблявшегося, скажем, в словосочетании **корьје дѣрво*, то есть «дерево для

копья», «дерево, которым быют, колют», аналогично тому, что имеем в словосочетании *чисти мниси*, то есть «мниси для чтивья»; 2) *лук* (из праславянского *lǫkь); слово имеет надежные балтийские соответствия — лит. *lankā* «дуга, обруч» и другие слова, приводимые, например, М. Фасмером во 2-м томе его Этимологического словаря русского языка.

*

В употреблении названий оружия в «Слове о полку Игореве» мы обнаруживаем вполне определенную стилистическую манеру его автора.

Древнерусский поэт использовал как церковно-книжные, так и народные лексические элементы. С одной стороны, он последовательно употребляет старославянскую форму *копје* (а не живую восточнославянскую *копье*) во всех пяти случаях, например: «Хощу бо, рече, копје приломити». Из двух форм термина *копье* и *копје* первая являлась обыденной, а вторая — архаично-возвышенной, с торжественным эмоциональным оттенком, что и использовал автор древнерусской поэмы.

Речь в данном случае идет главным образом о написании слова *копје*, что же касается его произношения, то до падения так называемых редуцированных, то есть сверхкоротких гласных њ(ер) и ѣ(ерь) (а этот процесс у восточных славян завершился, как известно, только в конце XII — первой половине XIII века), написания *копје* и *копье* читались одинаково, поскольку буква *і* в первом из них, как и ѣ во втором, обозначала редуцированный звук. Во время создания «Слова» различия между этими формами становятся не только графическими, но и фонетическими; и все же, возможно, автор поэмы ориентировался на форму *копје* больше как на графическую традиционно книжную, чем фонетическую; во всяком случае эта форма ко времени написания «Слова о полку Игореве» (по-видимому, вскоре после неудачного похода Игоря в 1185 г.) не воспринималась в такой мере книжно-архаичной, как, например, в XVI—XVII веках и позднее. Предположение о том, что употребление формы *копје* обязано не автору «Слова», а его переписчику XVI века, менее вероятно ввиду исключительно последовательного использования этой формы в тексте поэмы, что больше соответствует творческой воле автора, а не скромной роли переписчика.

Различия между формами *копје* и *копье*, однако, не были столь ярко бросающимися в глаза, как, например, между формами *шелом* и *шлем*. В тексте поэмы употребляется лишь полно-

гласная паронимия восточнославянская форма *шлом*, ни разу не встречается церковнославянизм *шльм*, и это объясняется языковым реализмом поэмы. Дело в том, что среди самых древних описей русского вооружения, сохранившихся до наших дней, мы встречаем только народную форму, даже если речь идет о боярском или царском шлеме. Казалось бы, вполне уместно было ожидать в соответствии с высоким саном боярина и тем более царя форму *шльм* (как это и имеет место при упоминании нерусского вооружения в церковнославянских текстах, например в эпизоде о единоборстве мифического библейского великана Голиафа с Давидом.— Палея, 1406 г.). В Боярской книге 1556 года, опубликованной в «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России» (кн. 3. СПб., М., 1861), слово *шлом* встречается 153 раза, *шльм* же — ни разу; в Описи имущества царя Бориса Годунова, которую следует датировать 1588 годом и которая хранится в Центральном государственном архиве древних актов, 25 раз употреблена полногласная форма *шолом* и ни разу — *шльм* (или, например, *шлем*), в том числе и для указания на царский доспех: «Доспеху Бориса Федоровича, шолом жельзной падеден золотом...»

Полногласная форма *шлом* (*шолом*) встречается и в древнейшей полной описи Московской оружейной палаты 1687 года, составленной думным дворянином Артемием Федоровичем Полибиным и дьяком Василием Мануиловым и хранящейся в том же архиве; неполногласная же форма термина в этой рукописи отсутствует. Не найдем мы ее и в древнейших русских летописях — Лаврентьевской и Ипатьевской, — где встречается только форма *шлом* (*шолом*). И хотя форма *шльм* известна в древнерусских церковнославянских текстах начиная уже с памятников XI века, однако допустимо считать, что она была у русских книжников, вероятно, недостаточно активной, судя, в частности, по данным Картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.», регистрирующей употребление этой формы начиная лишь с памятников XVI века, и по данным Картотеки «Словаря древнерусского языка XI—XIV вв.», в которой при сплошной выборке материала отмечено всего лишь 7 случаев употребления этой формы, и притом исключительно в княжно-славянских текстах. Форма же *шлом* (*шолом*) представлена в той же Картотеке в 15 употреблениях, в том числе и в церковно-книжном тексте Пролога 1383 г. Возможно, неактивность использования формы *шльм* в русских древних текстах связана с редким употреблением этого слова в старославянских памятниках собственно древнеболгарского происхождения, на которые при определенных стилистических задачах ориентирова-

лись древнерусские мастера художественного слова, особенно в XI—XIV веках. Любопытно, например, что в изданном вместе с соответствующими текстами в 1976 году в Болгарии словаре старославянского языка (С. Стоянов и М. Янакиев. Старобългарски език. Текстове и речник), а также в пятитомном Словаре болгарского языка Найдена Герова мы вообще не найдем слова *шлъм* (*шлем*), хотя, с другой стороны, оно есть в иных словарях современного болгарского языка (например, в словаре Л. Андрейчина, Л. Георгиева и других, а также у А. Дювернуа) и в немецком Словаре старославянских текстов, составленном Л. Садник и Р. Айтцетмюллером в 1955 году. Заметим, кстати, что в древних сербохорватских памятниках письменности слово *шлъм* представлено достаточно широко, по данным как словарей, так и специальных исследований югославских ученых. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что во время написания «Слова о полку Игореве» полногласная форма *шелом* (и *шолом*) в русском литературном языке была значительно более предпочтительной, чем форма *шлъм*; не случайно от нее образовалось уменьшительное *шеломок* (Вкладная книга Соловецкого монастыря. XVII в.— Архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР).

Вытеснение исконной русской полногласной формы произошло в сфере собственно военной уже за пределами старорусского периода истории русского языка, то есть после XVII века. К концу XVIII века возобладала, очевидно, неполногласная форма этого термина, которая в «Словаре Академии Российской 1789...» дается как основная, *шелом* же — как дополнительная, но, подчеркнем, еще допустимая форма. В современном литературном языке форма *шелом* явно устарела. От существительного *шелом*, ставшего употребляться и в значении «головка топора, обух», образовался глагол *ошеломить*, то есть первоначально «ударить обухом по голове».

В художественном отношении названия оружия играют в «Слове о полку Игореве» довольно большую роль: они создают не только поэтический (благодаря символике оружия, ср.: «На Немизь снопы стелют головами, молотят чени харалужными, на тьдъ живот кладут, вьют душу от тьла»), но и воинский пафос в соответствии с жанром и содержанием поэмы. Приведем другой пример, ярко характеризующий эту художественную сторону «Слова»: «сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы; и розно ся им ... Копіа поют!», где, в частности, глагольная метафора *поют* поэтизирует употребление слова *копіа*. Ярким поэтическим выступает эпитет *харалужный* (в тексте «Слова» применительно к существительному *меч* и один раз — применительно

к *коню*) от *харалуг* «булат, сталь», по мнению большинства исследователей, из тюркского источника. В других древнерусских текстах этот эпитет неизвестен, если не считать «Задонщины», которая в использовании языковых поэтических средств в ряде случаев является подражанием «Слову о полку Игореве».

•

Таким образом, «Слово о полку Игореве» — важный источник для изучения как самих названий древнерусского оружия, так и их употребления в поэтическом тексте.

Г. Ф. ОДИНЦОВ

Рисунок В. Леонова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что такое *притча*?»

З. И. Рудикова, Вельск

Притча — это рассказ в форме короткого законченного произведения с определенным сюжетом, рассказ с нравственным содержанием. Часто использовалось в старинной литературе, например, *евангельские притчи*. В разговорной речи *притчей* называют непонятное, труднообъяснимое явление (переносное значение этого слова), употребляется в выражении «Что за притча?».

•

«Меня интересует происхождение выражения *аппетит приходит во время еды*. Можно ли его рассматривать как пословицу?»

С. Б. Баркусович, Одесса

Выражение *аппетит приходит во время еды* не пословица. Эти крылатые слова принадлежат французскому писателю — гуманисту XVI века Франсуа Рабле. Они встречаются в его романе «Гаргантюа и Пантагрюэль».



КАКОГО ЦВЕТА ЯХОНТ ?

Среди многочисленных названий диковинных товаров далекой Индии, которую посетил во второй половине XV века тверской купец Афанасий Никитин, встречается и *яхонт*. В «Хождении за три моря» читаем: «...да на шиях жемчуг много яхонтов... Да на султана ковтан весь сажень яхонты... да родится в нем камение драгое... яхуть...»

Как видно из примеров, слово *яхонт* встречается у Афанасия Никитина в двух вариантах: *яхонт* и *яхуть*. Последний, возможно, возник под влиянием арабского слова *якут*, которое представляет собой, по мнению И. Г. Добродомова, переделку греческого *hyacinthus* «гиацинт».

Первое употребление названия этого драгоценного камня в древнерусских памятниках в форме *акинт*, по данным «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, относится к 1047 году. В фонетических вариантах *акинф*, *иакинф*, *иакинфт* это слово, как указывает А. И. Журавский в статье «Гісторыка — атымалагічныя пататкі», помещенной в сборнике «Беларуская лінгвістыка» (Мінск, 1972, вып. I), употреблялось в старобелорусской письменности вплоть до середины XVII столетия. Автор статьи приводит производные *акинтоўны*, *акинфозны* и *иакинфозны*, свидетельствующие о достаточной степени освоенности слова старобелорусским языком.

Известно также, что греческое слово *hyacinthus*, перейдя в латинский язык, распространилось в средние века во многих европейских языках, в том числе и в польском в формах *hiacynth*, *ja-chant*. Пример из дневника Афанасия Никитина говорит о том, что вариант *яхонт* бытовал в русском языке во второй половине XV века. Что могло означать это слово? Какой драгоценный камень имел в виду Афанасий Никитин?

Наш путешественник не мог не упомянуть о сапфирах и рубинах, которыми так славилась в те далекие времена Индия. Их он и называет *яхонтами*, как это в те времена было принято на Руси.

Русскому языку было известно слово *сапфир*, оно употреблялось для наименования драгоценного камня синего цвета, было известно и слово *рубин* для наименования драгоценного камня красного цвета.

Следовало бы ожидать, что слово *яхонт* исчезнет, как лишнее, ведь язык обычно экономен в своих средствах и не терпит излишеств. Но этого не произошло.

О большом разнообразии яхонтов, их цветовой гаммы, о способах обработки, об их применении свидетельствует обширный материал, содержащийся в различных письменных документах, относящихся к XV—XVII векам: «венец царской з города да с яхонты» (1486 г.); «серги болшие, яхонты сини» (1509 г.) [Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813].

В одном из статейных списков русского гонца в Персию А. Романчукова (1637 г.) среди даров, привезенных послом «шахову величеству», упоминаются и «30 фунтов камня яхонтов червчатых... и лазоревых яхонтов» (Русско-индийские отношения в XVII веке. М., 1958).

Наличие подробных справок, наставлений, которым надлежит следовать при покупке яхонтов, не оставляет сомнений по поводу их различной ценности и качества. В Торговой книге XVI века читаем: «а попадет великой камень яхонт червчат и дорого купи... синие яхонты золотник купят кой на голубе в два рубля.. а кой яхонт синь добре, тот купят в две цepy тем же весом...»

Самыми ценными, следовательно, были красные яхонты, синие были дешевле, но и они ценились по-разному: светлые стоили меньше, чем темные.

Итак, в XV—XVII веках слово *яхонт* употреблялось в русском языке в качестве наименования драгоценных камней, представлявших собой красивые разновидности твердого ценного минерала корунда.

В XVIII веке слово *яхонт*, часто в сочетании с прилагатель-

пымп *синий* и *красный* для уточнения, продолжает служить наименованием драгоценных камней.

У М. В. Ломоносова в Каталоге камней и окаменелостей Минерального кабинета Кунсткамеры Академии наук, который помещен в его «Трудах по минералогии, металлургии и горному делу 1741—1763 гг.», в перечне карбункулов находим следующие записи: «Несколько яхонтов красных небольших, которые величиною наспилу с конопляное зерно будут... Несколько яхонтов красных, очень бледных, или лалов нечистых».

Говоря о яхонтах красных, М. В. Ломоносов поясняет их синонимом *лал*, старинным названием рубина.

В том случае, когда речь идет о синем яхонте, у М. В. Ломоносова находим сопоставление его с другими тремя сапфирами, то есть, сомнений нет, синий яхонт — это сапфир: «синий яхонт весьма бледного цвету... а другой несколько меньше, плосковатее, видом и цветом такой же, при чем лежат другие три сапфира, прежних меньше и цветом темного погуще...»

В «Записках императорского русского археологического общества» (СПб., 1865, т. XI) находим относящуюся к этому же периоду запись, содержащую перечень приданого. Здесь мы также встречаем слово *яхонт*, точнее его производные: «Крест яхонтовой, лазоревой с алмазами; Серги яхонтовые лазоревые с алмазами; Гручка с пером яхонтовая красная с алмазами».

Между прочим, слово *лазоревый* первоначально означало голубой цвет, о чем свидетельствуют примеры, приводимые Н. П. Голубевой в статье «Какого цвета лазоревый цветок?», помещенной в «Русской речи» (1970, № 5).

Сам факт существования производных от слова *яхонт* свидетельствует о том, что это слово воспринималось к первой трети XVIII века уже как достаточно освоенное.

Если в течение XV—XVIII столетий слово *яхонт* употреблялось в русских памятниках разных жанров в качестве наименования красивых минералов красного и синего цветов различных оттенков, то в середине второй половины XIX века оно уже фигурирует как историческое наименование разновидностей корунда, для которых в языке научной литературы есть соответствующие термины: *сапфир*, *рубин*, *гяцинт* (Шыляев М. И. Драгоценные камни... СПб., 1877).

Утратив однозначность, а следовательно, и терминологичность, слово *яхонт* в русском языке становится устаревшим и употребляется с различными целями в художественных произведениях.

Любопытно, например, что у А. С. Пушкина слово *рубин* не отмечено ни разу, *сапфир* — только в форме *сапфирный*, а *яхонт*

встречается несколько раз. Например, в прямом значении «драгоценный камень»:

...К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы,
Драгие куклы по углам?

Послание к Юдину

...Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы золотые
Подъемяют ароматный пар...

Руслан и Людмила

в переносном значении, когда речь идет о чем-то, напоминающем своей прозрачностью или цветом яхонт:

Для брата, для себя решила бы скорей,
Поверь, как яхонты, носить рубцы бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно, как на ложе,
Чем осквернить себя.

Анджело

Волшебный край, очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин приятная краса...

Бахчисарайский фонтан

Подобное употребление встречаем в сравнительном обороте еще раньше у И. А. Крылова:

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нем винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись;
А кисти сочные как яхонты горят...

Лисица и Виноград

В русской художественной прозе XIX столетия прилагательное *яхонтовый* встречается в значении «синий», «цвета сапфира». У С. Т. Аксакова в «Воспоминаниях» читаем: «Крылья у ней (бабочки) несколько зубчатые, блестящего темнубурого цвета, с ярким синим яхонтовым отливом». У Ф. М. Достоевского — в «Братьях Карамазовых»: «Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе».

И уж совсем в ином значении употреблено прилагательное *яхонтовый* Н. С. Лесковым. Цыганка Груша так обращается к

своему возлюбленному: «Золотой ты мой, изумрудный, яхонтовый!..» (Очарованный странник).

Здесь уже не чисто внешнее сходство прозрачного яхонта с сопоставляемым предметом положено в основу переноса значения, как в случае «яхонт винограда». Более отдаленное от внешнего признака качество — важность, значимость, ценность, незаменимость этого красивого драгоценного камня — легло в основу лесковского эпитета.

Иногда в литературе *яхонт* встречается как синоним к *гиацнту* — драгоценному камню красного, оранжевого или желтого цвета: «Он [камень] цвету желтоватого и, чайтельно, гиацнт или яхонт; мера его необычайная и совершенно назваться может коронным камнем» (Челищев. Путешествие).

Развитие синонимических отношений у слов *яхонт* и *гиацнт* не является случайным. Слова восходят к одному греческому источнику.

К этому же источнику И. Г. Добродомов относит и собственное имя *Иакинф*, которое в русском языке является результатом переделки византийской формы того же греческого слова.

Иакинфом (варианты *Гиакинт*, *Гиацнт*, *Иакинт*) звали любимца Аполлона, убитого из ревности богом ветра Зефиром. Аполлон превратил тело погибшего юности в цветок гиацнт, который стал символом оживающей после зимнего сна природы.

В современном русском языке слово *яхонт* используется в художественно-поэтической речи с определенными экспрессивно-стилистическими целями: либо для воссоздания реальной исторической обстановки древности, либо для создания художественно-поэтического образа.

Н. А. ТИТАРЕНКО

Рисунок В. Толстоногова

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Расскажите, пожалуйста, о происхождении слова *фискал*».

К. Ф. Монетчиков, Гурьев

Слово *фискал* восходит к латинскому *fiscalis* — казенный. В XVIII веке так называлось должностное лицо в России, в обязанности которого входило тайное наблюдение за исполнением правительственных распоряжений. В наши дни слово *фискал* употребляется в значении «доносчик, ябедник».



История восточных славян, представленная в памятниках древнерусской письменности, начинается тогда, когда они были уже оседлыми, занимались в основном земледелием и жили в больших укрепленных селениях, которые называли *городами*. Таких селений было много, недаром в средние века Русь иноземцы называли *Гардарикой*, то есть страной городов.

*

В IX—X веках на Руси создавалось много городов-крепостей, первоначально предназначавшихся для защиты от кочевников, а также для закрепления господства над простым населением. Позднее из множества небольших городов выделились два — Киев и Новгород, — сосредоточивших духовные силы народа. Именно там развивалось летописание, искусство, ремесло, важной отраслью которого было строительство.

На Руси строились различные сооружения — от незатейливых, почти лишенных украшений крестьянских изб до роскошных боярских хором и церквей. Восточные славяне жили среди густых обширных лесов, поэтому основным материалом для строительства было дерево.

Использование дерева в строительстве повлекло за собой развитие плотницкого мастерства. Особенно славились на Руси повгородские плотники, построившие в конце X века в Новгороде огромный деревянный собор св. Софии с тринадцатью верхами. Он не сохранился до нашего времени, на его месте стоит теперь каменный Софийский собор. Тогда же были созданы знаменитые деревянные резные колонны со «звериным» орнаментом.

Навыки, накопленные в деревянном зодчестве, способствовали быстрому развитию строительства из камня. Считается, что первые каменные постройки создавались по типу более ранних, деревянных, и при их строительстве мастера использовали технику, разработанную еще в деревянном зодчестве. Уже в XI веке во время княжения в Киеве Ярослава Мудрого были построены Золотые ворота в Киеве, соборы св. Софии в Киеве и Новгороде, соборы в Чернигове и Полоцке.

Летописные записи сообщают о строительстве новых городов, церквей, монастырей: «Олег нача города ставити» (Лаврентьевская летопись, 882 г.), «Сед Ярослав в Киеве и нача церкви строити» (Повесть временных лет). Показательна в этом отношении и повесть об убийстве Андрея Боголюбского. Автор ее, рисуя образ Андрея как идеального князя, не забывает подчеркнуть его деятельность, направленную на устройство, украшение города Владимира: «Князь же Андрей бе город Володимер сильно устроил, к нему же ворота золотая доске, а другая серебром учини, и доске церковь камени сборную святых Богородица пречюдну велми».

*

Интересен круг лексики, употребленной в летописных текстах при сообщениях о разного рода строительстве. В современном русском языке некоторые из этих слов либо уже не употребляются совсем, либо встречаются редко. Обратим внимание лишь на некоторые глаголы. К числу наиболее употребительных принадлежал *срубити*. В значении «построить» в современном русском языке он выступает довольно редко. Это связано с тем, что в этом значении глагола *срубить* содержится не просто указание на строительство, но еще и на материал, из которого что-либо строится. Такое ограничение привело со временем к сужению сферы употребления этого глагола. Сейчас иногда говорят *рубленая изба*, когда речь идет о деревенском доме, построенном особым образом, и уж, конечно, никто сейчас не скажет *срубить город*. А такое сочетание было очень употребительно в летописных текстах: «Срубаша новгородци город нов» (Новгородская I летопись, 1262 г.), «Того же лета заложен бысть град Суждаль, и срублен бысть того же лета» (Лаврентьевская летопись, 1192 г.).

Интересно также слово *здати*. В современном русском языке оно совершенно не употребляется, сохранились лишь приставочные глаголы *создать, созидать* и производные существительные *создание, созидание*. Разница в написании в произношении корневой части этих слов (чередование *и* с нулем звука) объясняется тем, что на очень ранней стадии развития славянских языков в этом корне гласный звук мог выступать с разной степенью долготы, в результате чего в древнерусском языке возникло чередование *и/ь*, которое в последствие падении редуцированных и утраты гласного *ь* изменилось в чередование гласной *и* с нулем звука (*-зиѡ/-зѡ-*).

На примере слов *создать, созидать* видно, как слова, ранее связанные исключительно с понятием «строить», постепенно расширили сферу своих значений и уже сейчас могут называть действие, не обязательно связанное со строительством дома, города. Эта особенность начала проявляться у глагола *здати* уже в древнерусском языке, однако в летописных текстах еще много примеров, где он выступает в конкретном значении «строить»: «Начя здати церковь» (Новгородская I летопись, 1179 г.). Круг глаголов, выступавших в значении «строить», был довольно широк. В текстах других жанров в этом значении зафиксированы слова *делати, творити, чинити*, в разветвленной семантике которых наряду с другими важное место принадлежит значению «строить».

Е. И. ДЕРЖАВИНА

Рисунок С. Гавериловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как понять выражение *зелен виноград?*»

Г. Р. Коржилицына, Москва

Зелен виноград говорят пронычекски, когда кто-то называет что-нибудь плохим только потому, что сам этим не обладает или не может этого сделать. Возникло это выражение на основе басни И. А. Крылова «Лисица и виноград». В басне рассказывается о том, как лисица увидела прекрасный, спелый виноград, который, однако, висел слишком высоко. Лисица не смогла достать его, и тогда, в утешение себе, она с досадой заявила: «На взгляд-то он хорош, да зелен — ягоды нет зрелой».



Мы говорим *святая истина, старая истина, свет истины*, часто не задумываясь над внутренним содержанием этих выражений. Для нас *истина* — это правда жизни, то, что происходит на самом деле, не является ложью. В древней Руси это слово означало совокупность положительных норм, которых следовало придерживаться в жизни. Тогда назвать *истиной* можно было и нравственное совершенство личности, и проповедуемое в данный момент учение (религию), и правду, сказанную человеком, и правдивость как качество характера.

В памятниках письменности с XIV по XVII век *истина* в значении «правда» употребляется очень часто: *говорити истину, молчати об истине, исповедати (проповедати), знати (ведати) истину* и другие. Древние люди ценили правду, как и мы ценим ее сейчас: «Враг, истину исповедава, лучше лицемерна друга» — враг, говорящий истину, лучше лицемерного друга, — считали они (Древнерусская Пчела, XIII в.).

Однако в древнем тексте можно было прочитать и такое наидание, призывающее творить добро: «Но творящие истину в свете есть, делающие неправду во вине ходят» (Заветы 12 патриархов, XIV в.). Творить добро — в этом главная правда жизни, одно из основных представлений формирующейся этической мысли русского народа.

Можно было найти слово *истина* и среди философских обобщений: «Сия суть суще: сый, свет, истина, живот; только четыре свойственных» (Житие протопопа Аввакума, XVII в.).

А уж такие житейские понятия, как правдивость, искренность, почитаемые и прежде, как правило, передавались словом *истина*: «...прелестный друг сокрывает прелестное сердце свое в глубоцем смиреннии, предатель же сокрывает лукавые советы и намерения свои в верности и истине» (Юдифь, XVII в.).

В своем наиболее распространенном значении «правда» слово *истина* бытовало в XVIII—XIX веках. Такое употребление не-



редко и сейчас — с него мы начали свой рассказ. В современном русском языке слово *истина* имеет и такое значение, как «суждение, утверждение, проверенное опытом, практикой»: «А старик вытащил из кармана книгу и углубился в нее, выскивая, очевидно, какую-нибудь истину, пригодную для обсуждения с приятелями — стариками в тихих дворах Портофранковской улицы» (Паустовский. *Время больших ожиданий*).

Наиболее близко по смыслу к слову *истина* стоит и стояло в древнерусском языке существительное *правда*, общеславянское по происхождению. В старину оно было еще более многозначным: И. И. Срезневский в своем замечательном труде «Материалы для словаря древнерусского языка» представил 18 значений слова по высшим памятникам древности.

Даже поверхностное знакомство с этими значениями дает нам представление о существенных расхождениях в употреблении и понимании слова. Оно как бы имело две жизни, существующие почти независимо друг от друга. Одна — в кругу абстрактных понятий, другая — вполне конкретных. В первой слово *правда* появлялось в значениях «правость, правота», «доброе имя», «честность», «добродетель», «истина», «справедливость». Вторая показывала исключительно деловое употребление слова: в судопроизводстве — «законы», «свод правил», «повеление», «заповедь», «права», «суд», «судебные издержки», «свидетель», «подтверждение, доказательство», в дипломатических отношениях — «присяга», «договор», «условия договора».

Среди абстрактных значений самым важным представлялось «истина, главная правда жизни», стоящее в понимании человека того времени рядом с понятием добра и блага. Правда являлась нравственной категорией, совокупностью правил, в соответствии с которыми следовало строить свою жизнь и совершать свои поступки. Такое понимание слова дает, например, «Древнерусская Пчела» — настольная книга широкого читателя тех далеких вре-

мен, один из первейших сборников мудростей, афоризмов и правдивных постулатов. *Делати (творити) правду, делати противу правды, жити с правдою, подвигатися от правды* означало «жить, как требуют того моральные представления общества, либо идти вразрез с этими представлениями». Человек, «живущий не по правде» или «творящий претиву правды», сурово осуждался, считался не достойным никаких земных благ: «неможно есть противная правде кому творяицу, благо что приймаи» (Пчела. XIII в.).

История слова *правда* во многом повторяет историю слова *истина*. В частности, *правда* наиболее широко употреблялось в памятниках письменности средневековья для передачи понятия «истина, не ложь». Обычно в таком случае ей сопутствовали глаголы *говорити, поведати, речи, изрицати* и другие. «Аще ли ты, государь, возмнитися, что лестно изрековаем, творец наш и бог зритель, что всю правду изрицаем» (Стихи справщика Савватия, XVII).

Слово *правда* использовалось и тогда, когда пужно было сказать о честности, честном поступке или честной жизни человека: «Луче малое имание с правдою, чем многое богатство без правды» (Пчела, XIII в.). Оно могло обозначать «добродетель, нравственное совершенство»: «Зависть есть струп правде» (там же). Или — «справедливость»: «Князем и судьям недостонно умоленным быти ши о правде, ни о неправде» (там же).

К XVI—XVII векам значение «добро, моральная ценность» становится признанным для слова *правда*. Повсюду — в произведениях отдельных авторов, сборниках правил, церковных дискуссиях — встречается *правда* в сочетании со словами положительного морального содержания: *правда и благоверие, правда и мир, разум с правдою, правда и любовь*: «имеи, чада, истинную правду и любовь великомерную ко всем, не осуждай никого ни в чем» (Домострой, XVI в.).

Словосочетания *умерети за правду, стати за правду* очень показательны для того времени, времени раскола, борьбы за справедливость, против гонений: «...верна жена победит мужа, Егда за отчество и правду умерети ей пужа» (О премудрей Илудифе, XVII в.).

И сейчас можно услышать такие изречения, как *правда и кривда, правда и неправда, правда и ложь*, бывшие в ходу на Руси нестари. Антонимичность придавала им яркость и выразительность: «Глуно робя было, не знало правды и кривды» (Аввакум. Послания, XVII в.); «В настоящих же родех от неведения мнози от человек правду на лжу сводят» (Пять древнерусских поучений, к. XVI — нач. XVII вв.).

Разноплановость антонимов еще раз подчеркивает все широ-

ту спектра значений слова *правда*: правда и кривда (недоля, горе), правда и ложь (отсутствие истины).

Из многочисленных значений сегодня мы знаем лишь три: «истина» — «Ну и врешь, что трудно дышать,— зашептал Боря, по своей привычке отделяя правду от выдумки» (Катаев. Юношеский роман); «правдивость, правильность» — «Мать говорила и нежно и ласково, и я как будто почувствовал правду ее слов, успокоился...» (Аксаков. Детские годы Багрова-внука); «справедливость» — «Терпи, многокручишкая! Терпи, многострадальная! Нам правды не найти!» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Правда, бывшая в понимании человека средневековья символом блага, счастья, человечности, высшей нравственной целью и нормой, как будто перестала быть ею. Ни в этике, ни в философии это слово не фигурирует не только в качестве научного термина, но и как понятие, неизменно содуществующее представлениям об этих науках. Справедливо ли это? Каждый из нас, думается, в юности, а может быть, и в зрелые годы, задавался вопросом о правде жизни. Неужели мы имели в виду только справедливость или правильность? Видимо, все же мы вкладывали в эту великую человеческую правду тот смысл, который вкладывали в это слово и наши предки.

Вернемся к слову *истина*, которое именуется научные понятия «правда, истина» и «суждение, утверждение, проверенное опытом, практикой». Разве всегда мы используем его только в этих двух значениях, зафиксированных словарями? Не исторические ли истоки значения слова дают поэту возможность сказать всем понятное:

Верю в белую истину,
верю в черную истину,
верю в истину синюю —
не верю в истину циника.

Вознесенский,
Черное ерничество

Да ведь *истина* здесь — нравственное кредо!

Как видим, древние русские памятники свидетельствуют как о различиях в значениях слов *правда* и *истина*, так и о близком сходстве между ними, сохранившемся и поныне. История закрепила за ними главный положительный этический полюс: истина и правда есть добро и справедливость.

А. Г. СТЕПАНИН
Одесса

Рисунок В. Толстоногова



ТОРГОВЛЯ МЕХАМИ,

Так в «Сказке о царе Салтане» купцы рассказывали князю Гвидону о своей успешной торговле в заморских странах. Русские меха всегда пользовались большим спросом за границей. В начале XV века на пушном рынке в Ганзе (так назывался торговый союз северо-немецких городов, существовавший в XIV—XVI вв.) для названия разных сортов меха часто употреблялись русские слова. М. И. Лесников, изучавший этот вопрос, писал: «Мы имеем перед собой, несомненно, очень тонкую дифференциацию сортовой разработанности ассортимента. Где же и кем она была создана? Можно думать, что это в значительной мере дело русских звероловов и купцов» (Лесников М. И. Ганзейская торговля пушниной в начале XV в. — Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. П. Потемкина, т. 8, М., 1948). Автор отмечал, что название сорта *doïnissen* восходит, видимо, к русскому *двойничу*, то есть соболу, продаваемые по две штуки, в противоположность *одицам* и *тройничам*. А словом *anughen* могли называться шкурки онежской белки *anughen* — (Онега).

На Руси меха были не только товаром. По названию шкурок белки и куницы, имевших хождение как меновая ценность в X—XI веках, стали называться и монеты — *белы* и *куны*, которые были в обращении вплоть до XV века. В XVII веке шкурками взимались штрафы, торговые пошлины, плата за проезд и учение. Они поступали в царскую казну, точнее в ее особое отделение, которое называлось *Соболиная казна*. Эта казна ведала заготовкой, хранением и продажей мехов, из ее запасов мехами выплачивалось жалованье служилым людям и делались подарки иностранным гостям и представителям царствующих фамилий. Так, в 1610 году польскому королю Сигизмунду III было подарено 532 шкурки соболя и 7 шкурок черной лисы, что даже по тем временам представляло большую ценность.

На XVII век приходится расцвет пушного промысла на Руси. Как отмечается в книге «Советская пушнина», в отдельные годы поставки пушнины в казну по всей стране составляли до $\frac{1}{3}$ дохода Русского государства. Меха везли преимущественно из Сибири через Великий Устюг, Сольвычегодск, Тотьму, и практически вся *мягкая рухлядь* (так назывался меховой товар) проходила через таможи этих городов. Конец «явления» товар на таможи для

ЧЕРНОВЫМ ЛЕСАМ



обложения его внутренней пошлой. Запись о «явленном» товаре делалась в специальной таможенной книге: «Явил нижегородец села Ворсамье Федор Гаврилов 160 выхолей...», «Явил Саранской татарин Алкай Ишеев... 30 козлин, 100 горностаей, 20 заячин, 100 ласток, 800 белки, 20 выхолей, 17 хорьков, 15 лап лисьих» (Книги Московской большой таможни. 1693—1694. М., 1961).

От качества меха зависела величина пошлины. Поэтому в таможенных книгах часто указывались цвет меха, возраст зверя, время и место его добычи, степень целостности шкурки. В записях упоминаются *бобры карие и черные, заячины чалые и серые*. Особенно богатой была цветовая гамма лисьего меха: *лисицы красные, краснобурые, бурнастые, черные, черночеревые* (от *черево* — живот). Мех с нижней стороны шеи и груди зверя назывался *душкой*, и в таможенных книгах встречаются *лисицы-белодушки, чернодушки и сиводушки*.

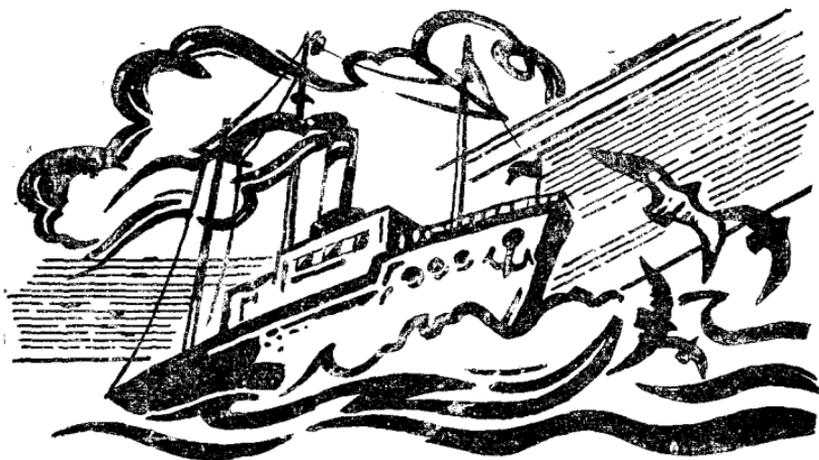
Мех молодых зверей ценился ниже, по возрасту различались *лисицы и недолиси, куницы и недокуницы, соболи и недособоли, песцы и недопески*. Годовалый бобр, к примеру, назывался *яцом*, а бобренок до года — *кошлоком* (от диал. *кошлатый*, то есть косматый).

В таможенных книгах встречаются *заячины туруханские* (по названию реки Турухан в Красноярском крае), *белка-корелка* и *белка-казымка* (обитающая по берегам сибирской реки Казым). При оценке меха соболя особенно учитывалось место его добычи: на таможни «являли» *соболей ленских, енисейских, томских, сургутских, сысольских, мангазейских* (Мангазей — русский город XVII века в Западной Сибири), *пелымских* (Пелым — река в Сибири), *туруханских*. Отдельно могли продаваться *лапы лисьи, лапы волчьи, хвосты недособоля, черепа песцовые*. Поэтому иногда в таможенной книге для большей точности указывали степень целостности шкурки: *соболи с хвосты, соболи без хвостов, россомаха без передних лап, куницы с лапы без хвостов*.

Меха шли иногда огромными партиями, и скажочное «сорок сороков соболей» не такое уж большое преувеличение, если знать, что в конце XVII века отстреливалось до двухсот тысяч соболей в год.

М. Н. ПОЛЫНСКАЯ
Рисунки В. Леонова





ДРЕЙФУЯ, не ДРЕЙФИТЬ

«Левая нога его [генерала] дрейфила, и было тесно дышать». Странная фраза из повести В. Я. Шишкова «Пейнус-озеро» — странная необычным употреблением глагола *дрейфить*, ведь *дрейфить* — широко известный синоним глагола *трусить*... Что это — своеобразная игра словом? Почему же все-таки нога *дрейфила*?

В поисках ответа попытаемся восстановить ход развития значений глагола *дрейфить*. В Толковом словаре В. И. Даля, где впервые зафиксирован этот глагол, указано значение «робеть, пятиться, отступаться от дела, не устоять». Тем не менее составитель включил *дрейфить* в одно словарное гнездо с морскими словами *дрейф* «непроизвольное движение судна по течению под действием ветра» и *дрейфовать* «непроизвольно двигаться по течению». Почему? Только ли на том основании, что это однокорневые слова? Две неожиданные фиксации, которые мы обнаружили в Картоотеке словаря современного русского литературного языка среди множества примеров с глаголом *дрейфить*, помогают ответить на возникшие вопросы.

«Пароход сперва начал дрейфить» (Одесский вестник, 1862, № 15); «Есть, — отвечал лотовой, держа в руках конец веревки, на которой опущено было на дно морское 36-фунтовое ядро: — есть!» и вслед за тем заревел диким голосом: «дрейфит, дрейфит!» (Даль, Мичман Поцелуев, 1845 г.).

Оказывается, в XIX веке глагол *дрейфить* употреблялся как синоним глагола *дрейфовать*. Последний заимствован из голландского языка в начале XVIII века и приспособлен к русскому языку с по-

мощью суффикса *-ова-*; по происхождению это инфинитив *drijven* (дрэйвэн) голландского глагола со значением «спосить течением». Почему же В. И. Даль, устремивший глагол *дрейфить* в значении «непроизвольно двигаться по течению» в своей повести «Мичман Поцелуев» (1845 г.), в Толковом словаре (1863 г.) отмечает у него только значение «робеть», то есть «трусить»? Вероятно, ко времени написания словаря глагол *дрейфить* не употреблялся или почти не употреблялся в первом из указанных значений, более известным стал он в значении «трусить». Как это произошло? Почему *дрейфить* утратил значение «непроизвольно двигаться по течению»?

Язык борется с избыточностью, стараясь избавиться от однокоренных синонимов, идентичных по значению. Именно поэтому ушли из языка *дрезовать* и *дрифовать* — варианты глагола *дрейфовать*, восходящие по происхождению к форме прошедшего времени *dreef* (дрэф) голландского глагола «сносить течением».

Экономность языка была причиной исчезновения слов *дрива*, *дриуф*, *дриф*, фонетических ограждений английского и голландского морского термина *drift* «снос судна». К середине XVIII века они были вытеснены собственно русским именем действия *дрейф*, производным от глагола *дрейфовать*. Слово *дрейф* зафиксировано на 25 лет позже, чем однокоренной глагол, при этом оно не имеет аналогов в германских языках, из которых в русский язык пришло много морских терминов.

Избыточным оказался и глагол *дрейфить* в значении «непроизвольно двигаться по течению под действием ветра», образованный на базе имени действия *дрейф*, ведь с XVIII века в русском языке существовал глагол *дрейфовать*.

Любопытные эксперименты ставит язык. *Дрейфить* — это уже второй производный глагол от *дрейф*: в 60-е годы XVIII века промелькнул в «Записках» Ю. Долгорукова и бесследно исчез глагол *дрейфировать*. Используя для образования нового глагола только что сформировавшийся суффикс *-ирова-*, язык, как будто не удовлетворившись сделанным, к XIX веку создает на базе того же *дрейф* новый глагол с исконным суффиксом *-и-*. Появляется словообразовательная цепь: *дрейфовать* — *дрейф* — *дрейфить*. Обычно второй глагол, входящий в цепь *глагол — имя действия — глагол*, несколько отличается от исходного по значению (ср. *монтировать* — *монтаж* — *монтажничать*). Это своего рода закономерность. Если происходит отклонение от нее, один из глаголов либо исчезает из языка (именно так случилось с глаголом *дрейфировать*), либо, чтобы «выжить», развивает новое значение и, утратив связь со значением имени и соотносительного с ним второго глагола, выпадает из словообразовательной цепи. Последнее произошло с глаголом *дрейфить*. Он развил новое значение — «трусить». Каким же об-

разом оно было приобретено? Проанализировав прямое значение *дрейфить* «непроизвольно двигаться по течению под действием ветра», обнаруживаем семантический оттенок «пассивность» (непроизвольно, то есть помимо воли, без воли, не сопротивляясь). Этот же оттенок есть и в значении глагола *трусить*. Ведь трусить — это пассивно относиться к жизненным трудностям, безвольно отступать перед ними. О непроизвольно, «пассивно» движущемся по течению корабле говорили: *дрейфит корабль*. Когда пассивно отдается во власть судьбы человек, безвольно «плывет по течению», не преодолевая трудностей, мы говорим: *он дрейфит*.

Интересно, что сходным образом значение «трусить» развилось и у глаголов *дрожать*, *трястись* и *трепетать*, имеющих оттенок «пассивность» в прямых значениях, которые можно обобщить как «непроизвольно двигаться под действием чего-либо». Следовательно, значения «трусить» и «непроизвольно двигаться под действием чего-либо» взаимосвязаны, причем направление их развития таково: от обозначения физического действия к обозначению психического процесса.

Закрепившись в языке в значении «трусить» и утратив значение «непроизвольно двигаться по течению», глагол *дрейфить* к XX веку «выпадает» из словообразовательной цепи *дрейфовать* — *дрейф*... Навсегда потеряна им связь с этими словами. Показательно, что составители Словаря современного русского литературного языка, в отличие от В. И. Даля, не включили глагол *дрейфить* в одно словарное гнездо со словами *дрейф* и *дрейфовать*.

Несожданная же встреча бывших «родственников» — специального слова *дрейфовать* и просторечного *дрейфить* — в пределах одной строки используется подчас как средство создания каламбура: «Где бы мы ни дрейфовали, мы никогда не дрейфили» (Папанин И. Д. Из телепередачи).

Семантический оттенок «пассивность», который есть в забытом сейчас значении глагола *дрейфить* «непроизвольно двигаться по течению» и в его широко известном значении «трусить», обусловил необычное употребление этого глагола в значении «болеть»: болезнь — состояние, при котором понижена сопротивляемость организма, его активность. Именно в этом значении употребил глагол в своей повести В. Я. Шишков.

Е. И. КОРЯКОВЦЕВА

Рисунок В. Толстого



ОЛИМПИЙСКИЙ

Читатели «Русской речи» интересуются значениями слова *олимпийский*, просят рассказать о его современном речупотреблении, особенно после проведения в Москве Олимпиады-80.

*

У прилагательного *олимпийский*, которое в настоящее время часто встречается на страницах книг и периодических изданий, долгий «жизненный путь». Это слово родилось в древней Греции двадцать семь с половиной веков назад. В городе Олимпии, расположенном в северо-западной части Пеллопоннеса, в 776 году до нашей эры впервые были устроены общегреческие празднества и состязания, получившие название *Олимпийских игр*. Впоследствии соревнования в Олимпии устраивались через каждые 1417 дней. Такое количество дней составляли «олимпиаду» — греческий «олимпийский» год. Во время праздника в Олимпии на территории Эллады объявлялся «священный мир»: всякие войны прекращались, и вчерашние враги состязались за право называться самым сильным, ловким и быстрым среди эллинов. Главным принципом древнегреческих соревнований была честность. Расцвет Игр приходится на V век до нашей эры, когда греческие города-государства вели напряженную борьбу против персидских завоевателей. И хотя Олимпийские игры считались праздником мира, в то же время они являлись и смотром военной мощи отдельных греческих государств. В 394 году римский император Феодосий I, насильственно насаж-

давший христианство, усмотрел в Олимпийских играх языческий обряд и специальным указом запретил их проведение. Храмы Олимпии были закрыты, город опустел.

*

Олимпийские игры нашего времени родились в конце XIX столетия. Идея их возобновления принадлежала видному французскому общественному деятелю Пьеру де Кубертену. В 1894 году им была прочитана в парадном зале парижского университета Сорбонна знаменитая лекция «Олимпийский ренессанс». В этом же году в Париже состоялся международный конгресс, который собрал представителей спортивных организаций 12 стран. Этот конгресс принял решение о возрождении олимпийских состязаний и проведении Игр I Олимпиады в 1896 году в Афинах. Были созданы первые спортивные международные объединения, соревнования проводились с участием спортсменов различных стран.

Слово *олимпийский* все чаще появляется на страницах периодических изданий, приобретает новое лексическое наполнение. *Олимпийскими играми* теперь называют «международные спортивные соревнования, устраиваемые по образцу древнегреческих олимпийских состязаний раз в 4 года».

Первая в России книга, посвященная Олимпийским играм, была опубликована в 1913 году. Ею считают «Свод замечаний и предложений об улучшениях в устройстве Олимпийских игр. Доклад Международному олимпийскому комитету, составленный по его поручению членом Международного олимпийского и Германского правительственного комитетов бароном фон Венинген» (СПб, 1913).

После Великой Октябрьской социалистической революции Советская Республика не была представлена в олимпийском движении. Политический, экономический и культурный бойкот, объявленный капиталистическими странами Советской России, распространился и на спортивные связи.

Только после Второй мировой войны в 1950 году СССР получил приглашение МОК (Международного олимпийского комитета) участвовать в Олимпийских играх. 23 апреля 1951 года был создан Олимпийский комитет СССР. С этого времени мы ведем отсчет нового этапа отечественного олимпийского движения. В международной спортивной жизни Советский Союз стал играть одну из ведущих ролей. А в 1955 году в СССР издана первая книга об Олимпийском движении (П. Соболев и Н. Калинин. Олимпийские игры).

Слово *олимпийский* начинает приобретать широкое распространение. Новая жизнь подсказывает новое осмысление старому слову.

Примечательно, что если в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. 2, М., 1938) и в 17-томном Словаре современного русского литературного языка (т. 8, М.—Л., 1959) зафиксировано всего два значения у слова *олимпийский* в словосочетании *Олимпийские игры*: 1) «В древней Греции — общеэллинские состязания на празднествах в честь бога Зевса, происходившие раз в каждые 4 года», 2) «Международные спортивные соревнования, устраиваемые по образцу древнегреческих олимпийских состязаний раз в каждые 4 года», то в лексикографическом описании «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 79» под редакцией Н. З. Котеловой (М., 1982) прилагательное *олимпийский* используется для определения пяти новых понятий, связанных со спортом сегодня: *олимпийская надежда, олимпийская эмблема, олимпийский девиз, олимпийский символ, олимпийский флаг*.

А вышедшая в год проведения XXI Олимпиады «Олимпийская энциклопедия» (М., 1980) знакомит нас уже с целым рядом совершенно новых употреблений прилагательного *олимпийский*: *олимпийская литература, олимпийская деревня, олимпийская медаль, олимпийская монета, «Олимпийская панорама»* — ежеквартальный иллюстрированный тематический журнал Организационного комитета Олимпийских игр 1980 года в Москве; *олимпийская пресса, олимпийская программа, олимпийская символика, олимпийские значки, олимпийские правила, олимпийский атташе, олимпийский день, олимпийский диплом, Олимпийский комитет СССР, олимпийский фильм, олимпийское удостоверение* и др.

Примечательно, что после Олимпиады-80, состоявшейся в Москве, количество понятий с определением *олимпийский* постоянно увеличивается: «...выдающимся спортсменам вручаются *Олимпийские ордена* в знак признания их больших заслуг в развитии *олимпийского движения*» (Советский спорт, 1983, 8 янв.); «...*олимпийский* волчок Вучко...» (Известия, 1983, 27 февр.); «В утренней программе — *олимпийские новости* и отдельные трансляции соревнований в виде тележурнала» (Советский спорт, 1983, 13 янв.); «Олимпийские игры сплачивают, объединяют людей независимо от их политических убеждений, расовой принадлежности и религиозных взглядов. Людей, для которых спортивное соперничество... — лишь форма проявления того, что принято называть *олимпийским духом*, утверждением на деле высоких и гуманных *олимпийских идеалов*» (Советский спорт, 1983, 8 янв.); «...программа „Олимпийская солидарность“ — это прежде всего программа международной помощи олимпийского сообщества становлению спорта, упрочению олимпизма в развивающихся странах» (Советский спорт, 1983, 12 февр.); «Выступая на торжественном открытии „Олимпийской недели“,

президент МОК... подчеркнул, что ее цель познакомить самые широкие круги общественности с деятельностью МОК, международным олимпийским движением, развитием спорта..., пропагандировать благородные идеалы олимпизма» (Советский спорт, 1983, 17 февр.). В газетах спортивной тематики в настоящее время часты рубрики: «В фокусе олимпийских проблем», «Олимпийские мотивы», «Олимпийский ориентир», «Олимпийская анкета», «Олимпийский курьер».

Во всех отмеченных нами словосочетаниях прилагательное *олимпийский* выступает в прямом значении — «относящийся к спортивной олимпиаде, олимпийским играм». Однако данное слово имеет и вторичные, метафорические значения, оценочно-качественные: *олимпийский темп* — «Ты мне павязываешь прямо-таки олимпийский темп! Все премии за полугодие наши» (Работница, № 12, 1982), *под олимпийским углом* — «оценивать любой его [советского спортсмена — Н. Р.] старт следует *под олимпийским углом*» (Советский спорт, 1983, 22 февр.). Образность слова *олимпийский* способствует тому, что оно входит составной частью в названия отдельных популярных книг, брошюр. Например: *Олимпийское со звездие. Чемпионы игр XXII Олимпиады* (М., 1982); *Олимпийская прикидка* (М., 1980); Иванов В. *Ветры олимпийских озер* (М., 1972); *Олимпийская Одиссея* (М., 1973); Николов Л. *На олимпийских огневых рубежах* (М., 1960); Пашинин В. *Олимпийские богатыри* (М., 1960); Базуров Б. *Олимпийское время Москвы* (М., 1978) и др.

Учитывая возрастающую общественную значимость слова *олимпийский* в его новом речевом применении, частоту его употребления, активную сочетаемость с другими словами, кстати, все более расширяющуюся, можно утверждать, что прилагательное *олимпийский* получило ряд принципиально новых значений в современном русском языке. Характерно, что новые употребления данного слова нашли отражение прежде всего в языке газет: ведь общезвестно, что периодическая печать быстрее всего отражает события времени и тем самым новые языковые явления. А новое в жизни обязательно связано с появлением в языке новых слов. Новые понятия могут обозначаться и словами давно известными. Пример тому — прилагательное *олимпийский*.

Н. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
Донецк

Рисунок В. Комарова



Вспомним известную былинку об Илье-Муромце и Соловье-Разбойнике. Обращаясь к своему коню, «Говорил-то он Илья да таковы слова: «Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок! Али ты итти не хошь, али нести не можь? Что ты на корзини, собака, поты-кашься?..»

В этом отрывке современный читатель наверняка обратит внимание на слово *сыть*. Словосочетание *волчья сыть* в старину было распространенным и употреблялось как бранное выражение обычно по отношению к лошади, собаке... Встречается оно и в литературных произведениях: «И сердает Малюта на коней.— Ах вы волчья сыть, травяные мешки! Ой, не было б за нами погони!» (Толстой А. К. Князь Серебряный).

Некогда слово *сыть* было широко употребительным в языке и имело самые разнообразные значения. В значении «еда, пища» оно приведено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, где сопровождается примером: «Едешь в дорогу на день, а сыти бери на неделю». Слово *сыть* мы находим уже в «Изборнике Святослава 1073 года» — одном из старейших памятников русской письменности, самом раннем из энциклопедических сочинений, известных в Древней Руси. Оно означает не любую пищу, а только «основную»: «от сыти и от сласти».

В другом раннем памятнике — «Изборнике 1076 года» — рассматриваемое существительное, по-видимому, выступает в значении «утроба, желудок»: «питие же мерное сыть наполняет и веселит».

Наконец, во многих памятниках письменности существительное *сыть* встречается в значении «насыщение», «свойство и составные сытого»: «Не имать сыти (не имеет насыщения) грехолюбец,

по в мале насладитися и в секи мучен будетъ» (Сборник конна XIV в.); «и аще узрять нас. насдъшася до сыти» (Пандекты Никона Черногорца, XIV в.).

Сочетание существительного *сыть* с предложением *до*, встретившееся в последнем примере, заслуживает особого внимания. Предложно-именная форма *до сыти* выступала в этом случае в функции обстоятельства. В дальнейшем существительные, которые употреблялись как обстоятельства, превращались в наречия. Таким образом, из названного сочетания появилось наречие *досыти*. Как показывают памятники письменности, оно было известно не только в значении «до насыщения», «досыта», но и в значении «довольно, достаточно, вдоволь». Иллюстрацией могут послужить отрывки из «Лаврентьевской летописи» 1377 года, где нашли отражение оба значения данного слова: «еже ядыхом мяса и хлеба досыти»; «еже ти брате не досыти всю землю Русскую держаще, а хочешь и сее волости».

В прошлом существовало и наречие *досыть*, которое в отличие от первого могло передавать только значение «довольно, достаточно». Формы *досыти* и *досыть* были употребительны в общенародном языке до XVIII века, но они сохранились в говорах: владимирских, тверских, ленинградских, смоленских, енисейских, исковских (Словарь русских народных говоров). Интересно, что в диалектах получили распространение и другие формы однокоренных наречий. Например, в говоре деревни Деулино Рязанской области наряду с *досыти* бытует слово *дбси* в значениях «досыта, до полного насыщения», «вволю», «вдоволь» [Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)]. В «Словаре говоров Соликамского района Пермской области» представлено наречие *досытичка* — «до полного насыщения», «досыта»: «Усадил он всех девок за стол — досытичка мы наелись».

Значения «до насыщения», «в полную меру», «до полного удовлетворения» могли передаваться в древнерусском языке и оборотами *до сытости* и *в сытость*: «вздвигется блуд едением до сытости. сытостным спашнем. и праздыными беседами» (Сборник торжественник, конец XII — начало XIII в.); «спесте хлеб свои в сытость» (Пандекты Никона Чернеца, XIV в.). В XI—XIV веках приведенные сочетания были распространены так же широко, как и сочетание *до сыти*. Как взаимодействовали в языке формы *до сыти* и *до сытости* в последующие века, можно установить, вновь обратившись к «Изборнику Святослава 1073 года» и его поздним копиям XV—XVII веков, называемым в языкознании списками. Там, где в самом «Изборнике Святослава 1073 года» содержится текст «ясте хлеб ваш до сыти», в списках находим «ясте хлеб ваш до сытости», то есть писцы XV—XVII веков единодушно заменяют один

оборот другим. Очевидно, в этот период более употребительным было сочетание *до сытости*.

Отметим, что слово *сытость* в значениях «изнущество», «удовлетворение», «насыщение» было очень распространенным в русском языке уже раннего периода. Интересно, что в древности это слово имело даже значения «пища», «пропитание» (Словарь древнего славянского языка А. В. Старчевского, 1899) и «кормление», «угощение» (Словарь церковнославянского языка А. Х. Востокова 1858—1861).

В XV—XVI веках, как свидетельствуют списки «Изборника Святослава 1073 года», слово *сытость* в его отвлеченном значении «насыщение» становится более употребительным, чем *сыть*, а затем и полностью вытесняет последнее. Следы бытования слова *сыть* оставались еще и в языке XVII века (см. пример из «Истории о Казанском царстве», XVII в.: «морская трость... драгого муснею исписана яко не мощи его назретися очима дз сыти»). В словарях же XVIII века *сыть* отсутствует, в них отмечается только *сытость*. Видимо, в это время слово *сыть* уже полностью ушло из общенародного языка, почти не встречается оно и в говорах. Интересное дополнение к семантике этого существительного в русском языке дает нам редкий случай употребления его в говорах Забайкалья, где оно обозначает землю, насыщенную влагой: «Сеять по сыти, с сыти и урожай добрый. На сыти так овес взашел, что стеной прямо стоит. На сыти скоре пшеница зайдет. Но, если будет жара и сыть скрепит, тогда урожай пропал» (Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья). Вытеснение слова *сыть* словом *сытость* связано, очевидно, с продуктивностью суффикса *-ость* в русском языке. Уже в древнерусский период словообразовательная модель на *-ость* была гораздо более продуктивной, чем модель с латинского типа *сыть*. Например, в «Изборнике Святослава 1073 года» встречаются только два существительных на *-ь*: *сыть* и *сласть*, а имен на *-ость* выделяется довольно большая группа: *досрость*, *мудрость*, *леность* и т. д. Особенно активизировался суффикс *-ость* в XVII веке. В современном русском языке он также очень продуктивен.

Существительное *сытость* в значении «свойство, состояние сытого» закрепилось в современном русском языке. Обороты же *до сытости* и *в сытость* воспринимаются сейчас как устаревшие и используются в художественных текстах лишь в стилистических целях.

Данные сочетания, так же как и рассмотренные выше однокоренные паречные формы, были вытеснены впоследствии формой *досыта*, ставшей нормативной в современном русском языке.

Возникновение паречия *досыта* связано с прилагательным *сы-*

тый, которое фиксируется памятниками письменности в краткой (*сыт*) и полной (*сытъи*) формах в значении «сытый, пресыщенный, удовлетворенный»: «п зять сыт беаше» (Изборник 1076 года). Полная форма прилагательного встречается, например, в частной переписке XVII века: «чем бы мочно быть сытому» (Грамотки XVII — начала XVIII века). В языке сохранилось много пословиц и устойчивых оборотов, связанных с прилагательным *сытый*: *Сытых глаз на свете нет. Сытый голодного не разумеет. Сытое брюхо к учению глухо. Сыт по горло* и т. п. И в современном русском языке прилагательное *сытый* весьма распространено, а круг его значений значительно расширился. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», кроме значения «вполне утоливший свой голод, не испытывающий голода», приводятся и другие — «полностью, до предела, до насыщения удовлетворенный чем-либо»; «хорошо упитанный, откормленный»; «принадлежащий хорошо упитанному, откормленному человеку или животному»; «живущий в достатке, богатый, зажиточный»; «хорошо насыщающий».

Наречие *досыта* является остатком прежней формы родительного падежа с предлогом *до* склонения кратких прилагательных, которое впоследствии утратилось. Процесс утраты краткими прилагательными склонения начался в XIII—XIV веках, развивался постепенно и закончился примерно к XVIII веку, поэтому наречие *досыта* отмечается впервые в словарях XVIII — первой половины XIX вв.: Российском Целлариусе 1771 года, Словаре Академии Российской 1822 года и Словаре церковнославянского и русского языка 1847 года.

Любопытно отметить, что в языке минувших веков группа слов с корнем *сыт-* была более обширной, чем в современном русском языке. Она включала, например, такие образования, как *сытник* и *сыта*, которые ныне совершенно забыты.

Существительное *сытник*, отмеченное в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, ушло как из общенародного языка, так и из диалектов вместе с понятием, которое оно обозначало — «придворный чин». *Сытником* назывался на Руси в старину придворный служитель, приписавший из погребов напитки и передававший их чарочникам для подачи к царскому столу. Котомницки, автор XVII века, в своем произведении «О России...» сообщает такие сведения о сытниках: «Чин их таков: на Москве и в походах царских носят суды с питьем, и куды царю лучится итти или ехать вечеровою порою, и они ездят и ходят со свечами». Слово *сытник* упоминается и в романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»: «Далее тянулись бесконечные дворцовые службы, в которых жили ключники, подключники, сытники, повара...»

Слово *сыта* дошло до нас в памятниках русской письменности. «Тюды же палыва корягу цюка, в сыты от коредзя и вдаша лозоногом»; «придеши с ними к другому кладязю и почерпнеша сыты», — читаем в «Наррентьевской летописи» 1377 года.

Сытой в старину называли «воду, подслащенную медом», а также «разварной мед» и «медовый отвар на воде». Поэтому существительное *сыта* часто встречается в сочетании с прилагательным *медовая*, *медвяная*: «В зале накрывали большой стол и уставляли его дешевыми сластями и графинами с медовой сытою». (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); «А Иван... в оба чана панедил сыты медвяной...» (Ершов. Конек-горбунок). Часто *сыту* подавали вместе с киселем из овсяной муки или просто с киселем, как одно блюдо: «Загодя надо довольную трапезу учредить: две ясты горячих, две ясты студеных, пироги да блины, да овсяный кисель с сытой» (Мельников-Печерский. В лесах); «На похоропах нас посадили обедать за большой стол и налили нам по полной тарелке сыты с киселем» (Г. Успенский. Михалыч). Слово *сыта* вышло из употребления в литературном языке сравнительно недавно. В словарях XIX века оно приводится еще без помет. Лишь словари современного русского литературного языка рассматривают его как устаревшее и областное. Исчезнув из литературного языка, слово *сыта* сохранилось во многих русских говорах. Причем в одних из них оно бытует в значении «вода, подслащенная медом», в других — «подслащенная вода», «вода с сахаром»: «Я пила сыту, када балая жылудак» (Словарь русских донских говоров); «Сыта делашь, сахар с водой перекипячашь» (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби). Отметим, что в некоторых говорах название *сыта* также служит для обозначения «сладкой воды, с которой едят овсяный кисель», например в Калининской области.

В прошлом существовал и глагол *сытить*, с которым соотносилось существительное *сыта*. Этот глагол мог обозначать несколько понятий: «подслащивать воду, квас и т. п. медом или сытою»; «разводить мед водой»; «настаивать мед на чем-либо». Пример употребления этого слова в последнем значении находим в упоминавшемся уже романе А. К. Толстого «Князь Серебряный»: «Вот ромаша, вот венгерское, вот мед малиновый, сама хозяйка на ягодах сытила!». В современном русском языке глагол *сытить*, так же как и связанное с ним существительное, вышел из употребления. Однако, в отличие от существительного *сыта*, он отсутствует и в говорах. Можно лишь отметить представленную в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского причастную форму от этого глагола — *сычбный* «разбавленный сытою», сопровождаемую в словаре

таким примером: «А маи шраги вочинь дараги, на маду пичоны, сытой сычоны».

Употреблялся в прошлом и глагол *сытеть*, отмеченный в значении «становиться сытее, либо сытым, наедаться, утолять голод» в Словаре В. И. Даля и в значении «становиться полным, толстеть, добреть» — в «Словаре церковнославянского и русского языка». В словарях, отражающих состав лексики современного русского литературного языка, глагол *сытеть* не представлен. Исключение составляет «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, в котором это слово дается с пометой *просторечное*. В значении «толстеть, тучнеть, жиреть» оно известно некоторым русским говорам, например брянским, рязанским.

О. Е. СИМОНОВА

Рисунок С. Гавриловой

Ответы на кроссворд

По горизонтали: 5. Всеволод. 6. Шахматов. 9. Катенин. 10. Плутон. 11. «Деньги». 15. Раневская. 17. «Молох». 18. «Сашка». 19. Сабуров. 20. Манилов. 24. Тагор. 25. «Титан». 26. Дормидонт. 29. «Атаман». 32. Марина. 33. Детьнец. 34. Вересаев. 35. Сказание.

По вертикали: 1. «Иванов». 2. Колас. 3. Санин. 4. Мамаев. 5. Варламов. 7. Венгерка. 8. «Деревня». 12. «Сатирикон». 13. «Задонщина». 14. Лобанов. 16. Пародия. 21. Каратаев. 22. Пришвин. 23. «Накануне». 27. «Макбет». 28. Кафтан. 30. «Пепел». 31. «Репка».

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, И. Ф. ВОЛКОВ, В. П. БОМШЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, И. Н. ДЕНИСОВ, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *В. В. Беляев, М. Б. Рыбина*

Сдано в набор 12.12.83.	Подписано к печати 13.02.84	Г-02831
Формат бумаги 84×108 ^{1/2} / ₃₂	Печать высокая.	Усл. печ. л. 8,4
Усл. кр.-отт. 642,6 тыс.	Уч.-изд. л. 10,2	Бум. л. 2,5
		Тираж 74834 экз.
	Заказ 3465	

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25.
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10